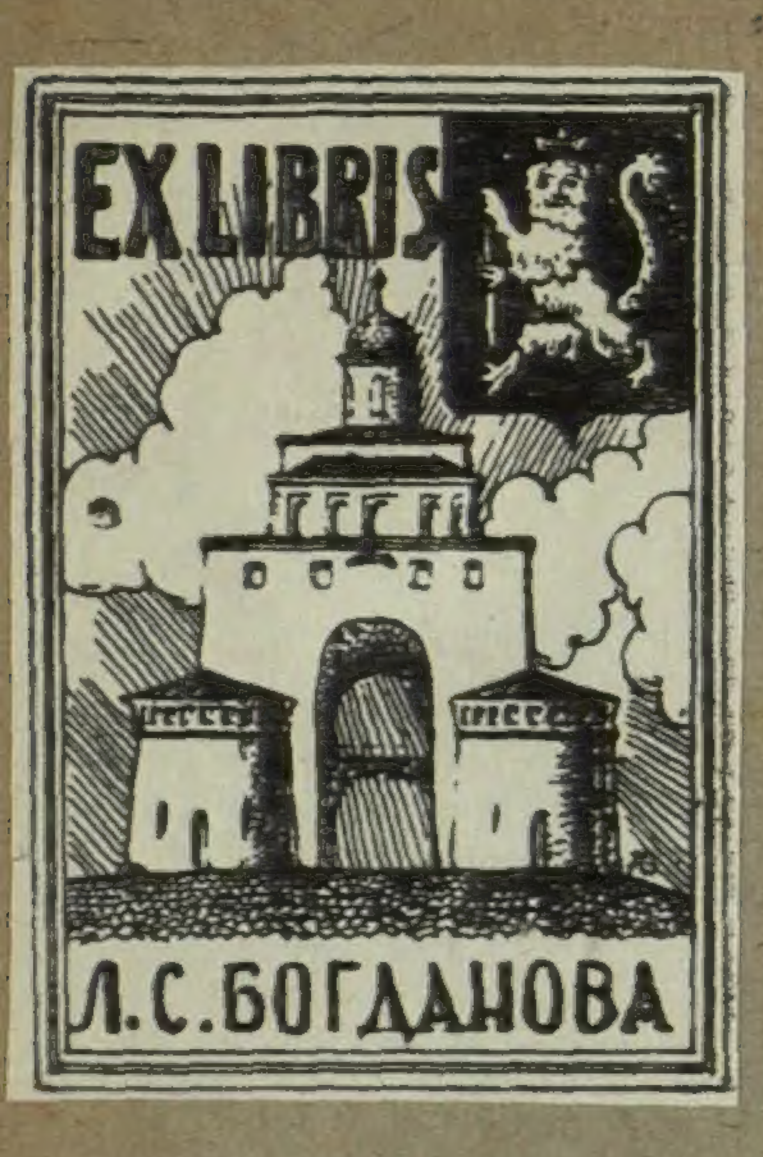
Воронин Н.Н.

Очерки по истории русского зодчества

XVI - XVII вв

1934

EX LIBRIS
Л.С.БОГДАНОВА

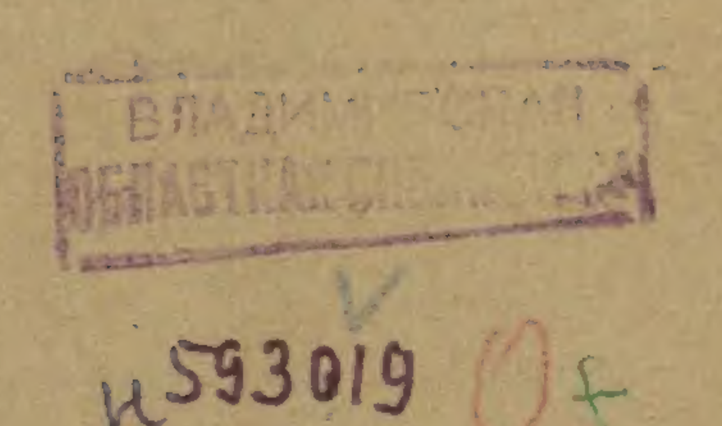
Богданову
на добрую память
от автора
Н. Воронин
27-VII-3

ИЗВЕСТИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
Выпуск 92

Н. Н. ВОРОНИН

ОЧЕРКИ
ПО
ИСТОРИИ РУССКОГО ЗОДЧЕСТВА
XVI—XVII вв.

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД
1934

Ответственный редактор *Б. Д. Греков.* Технический редактор *Г. Г. Гильо.*

Книга сдана в набор 11/II 1934 г. Подписана к печати 21/IV 1934 г.
ГАИМК № 12. Тираж 2.000 экз. Ленгорлит № 1852. Заказ № 1630.
Формат бумаги 62 × 94 см. $8^1/_2$ п. л. (84400 тип. знак. в 1 бум. листе). Бум. лист. $4^1/_8$.

2-я типография „Печатный Двор" треста „Полиграфкнига". Ленинград, Гатчинская 26.

ОТ АВТОРА

«Очерки» являются итогом моей аспирантуры при ГАИМК в 1928—30 гг. Тематика их определилась новыми установками исследовательской деятельности Академии, исходившими из понимания истории материальной культуры как истории материального производства. С другой стороны, общая история русского зодчества, не считавшаяся до сих пор с конкретными условиями строительного производства, решительно определявшими образование и развитие искусства Московского государства, выдвигала ряд неотложных вопросов. Их разработку я и провел на основе изданных источников.

Задержка издания «Очерков» по обстоятельствам, от автора независящим, имела ряд последствий.

За истекшее время значительно уточнились общие установки во взглядах на изучаемый период русской истории (дискуссия о феодализме и крепостничестве). В конце 1930 г. вышла работа А. Н. Сперанского «Очерки по истории приказа каменных дел Московского государства» (РАНИОН, 1930), рассматривающая, с привлечением неизданных архивных материалов, историю приказа и строительное производство в рамках его деятельности.

Эти причины потребовали некоторой переработки моих «Очерков», пересмотра и снятия ряда вопросов и рассмотрения тех из них, которые не были достаточно освещены в работе А. Н. Сперанского: так, главы о производстве строительного камня и кирпича превратились в дополнения к указанной работе.

Я признаю некоторую механистичность разделения «производства» и «искусства», слитых в единстве каждого данного памятника зодчества. Однако, удобство изучения заставило сохранить это деление, поставив на первую очередь строительное производство.

Н. Воронин

XII—1932

I. Квалифицированная рабочая сила и мастер-строитель в строительном производстве

В истории русского искусства вообще, а зодчества в частности, мы неоднократно встречаемся с понятием «архитектурной школы» — «псковской», «московской», «новгородской» и т. п.; историк искусства часто оперирует этими понятиями, присоединяя к ним свидетельства источников о именах мастеров-строителей того или иного памятника. Стабилизировавшиеся понятия зодчества «псковского», «новгородского», «владимиро-суздальского», «ярославского» и т. д. и т. п., оставленные дореволюционной «наукой» о древнерусском искусстве, создавались при отсутствии какой-либо определившейся научной методологической базы, если, конечно, не считать методологией тот идеалистический эклектизм и методологический разнобой, который вел к тому, что отдельные группы и ряды указанной историко-географической классификации сталкивались и разбивались группами, определяемыми по формально-типологическому признаку (напр., шатровые, столпчатые, соборные «типы» зданий). Конечно, было бы напрасным трудом искать за этими формально-географическими комплексами какое-либо единое общественное содержание — подобная социальная аттрибуция явлений искусства не входила в задачи искусствоведов.

Если мы должны полностью отмежеваться от формально-типологического метода, господствующего по сей день в небогатой русской литературе по истории русского зодчества периода феодализма, то нельзя так решительно высказаться в отношении принципов историко-географической классификации; для определенных исторических периодов развития русского зодчества она должна быть сохранена. Речь идет о периоде феодализации восточной Европы и зрелого феодализма, т. е. до XV — XVI вв., когда, в условиях натурального хозяйства, отдельные феодальные княжества и земли, хозяйственно слабо связанные между собой, противостояли друг другу и как независимые политические тела. Развитие их в экономическом отношении, а с ним и социально-политическое оформление их, протекавшее в различных конкретных историко-географических условиях, создавало своеобразную физиономию каждому из таких объединений. Единый в конечном счете процесс развития феодального общества имел различные оттенки в Новгороде и Пскове, Москве и Твери.

М. Н. Покровский, анализируя процесс образования Московско-

го государства, пишет: «та группировка феодальных ячеек, которой суждено было стать на место городовых волостей XI — XII вв. и которая получила название великого княжества, позже государства Московского, нарастала медленно и незаметно». Раньше, говоря о татарщине и московско-ордынских отношениях, он замечает, что татарщина закрепила то падение «городского» права и торжество «деревенского», которым на много столетий определилась политическая физиономия будущей «северной монархии». В московской объединительной политике активная роль принадлежала не торговому городу — Москве, а крупным землевладельцам, «огромной ассоциацией» которых и является Московское государство XV в., возглавляемое великим князем Московским. Новгород — город купцов и финансовой аристократии, коллективный господин огромных волостей, переживает в том же XV в. переход к денежному хозяйству. Отсюда попытки закрепощения крестьян. Эта «вторичная форма крепостного права, державшаяся не на патриархальной, а на экономической зависимости, в XV в. была будущим для Москвы, а для Новгорода становилась уже настоящим». Вместе с этим экономически зависимые городские и сельские низы оттираются от политического представительства, «от демократии остается только вывеска». Другой «вечевой город» — Псков, «более военный, из-за своего пограничного положения, сохранил и более демократическое устройство: «черные люди» в нем еще в самом конце XV в. сохранили влияние на дела», «власть князя в Пскове была еще теснее ограничена, нежели в Новгороде, если только вообще можно говорить о «княжеской власти» в Псковской республике»: «. . .землевладельческая аристократия в Пскове далеко не была так сильна, как в Новгороде».[1]

Эти своеобразные черты социально-экономического строя различных феодальных областей неизбежно налагали свой отпечаток как на художественно-исторический процесс, в частности развитие строительства и сложение его форм, так и на характер организации самого строительного производства, влиявшего на это развитие зодчества в первую очередь. Не случайно В. М. Фриче подвергал особо внимательному анализу «формы художественного производства», имевшие важнейшее значение в образовании тех или иных художественных стилей.[2]

Образующееся Московское государство и после ликвидации автономии Новгорода, Пскова, Твери, Рязанского княжества и других более мелких феодальных ячеек еще продолжало носить следы недавней самостоятельности присоединенных областей, сохранявших много своих старых особенностей. «Политическое единство» «великорусской народности» мы встречаем лишь в XVI — XVII вв. «Только новый период русской истории (примерно с XVII в.) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких об-

---

[1] М. Н. Покровский, Русская история, т. I, стр. 162 — 164, 172, 178, 201.
[2] Социология искусства, гл. IV, ГИЗ, 1926.

ластей, земель и княжеств в одно целое... оно вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было не чем иным, как созданием связей буржуазных».[1] И если в зодчестве первой половины XVI в. еще можно улавливать черты некоторого своеобразия в работах различных местных мастеров и строительных артелей на территории Московского государства, то с XVII в., как историческое развитие последнего, так и процесс развития искусства, поскольку речь идет о великорусской народности, становится единым национальным процессом; последние следы локальных особенностей исчезают, выпуклее и резче, сложнее и богаче становится переплет классовых сил, с отчетливостью выявляющийся и в надстроечной сфере, в области зодчества в частности. Здесь уже не остается места для выделения в особую группу «ярославского» или «московского» зодчества, тем более «псковского» или «новгородского»; эти группировки лишены всякой конкретно-исторической базы.

В этих условиях различны значение и роль самих строителей, мастеров, подмастерьев, строительных артелей, работающих по постройкам в различных местах Московского государства; без выяснения этой производственной стороны, анализ развития русского зодчества XV — XVII вв. не в силах вскрыть все его закономерности. Какая рабочая сила и как привлекалась к строительству, как из ее среды или иными путями отдифференцировался мастер-руководитель строительного производства, является ли он носителем определенной «архитектурной традиции» и как он ею овладевал и, наконец, роль мастера и роль «социального заказа» на различных этапах исторического развития — таковы вопросы, требующие своего хотя бы предварительного разрешения.

А. Н. Сперанский, подходя в своей работе к вопросу об образовании высоко-квалифицированных руководителей строительного производства в условиях Московского государства, указал, что, за отсутствием исторических источников, нет возможности обрисовать с какой-либо степенью полноты образ хотя бы одного из известных мастеров-строителей XVI в. Мы знаем их имена и их постройки, но письменные источники с крайней скупостью сообщают данные о происхождении и развитии этих мастеров, можно даже сказать, что источники не отвечают на эти вопросы. Однако, привлекая памятники материальной культуры, можно наметить в общих чертах положение рабочей силой высокой квалификации и методы ее формирования как в XVI в., так и в более ранний период.

Прежде чем перейти непосредственно к поставленным вопросам, необходимо выяснить, как образовались и откуда черпались те основные строительные кадры рядовых строителей и мастеров, кото-

---

[1] М. Н. Покровский, ук. соч., т. I, стр. 201 — 202. Ленин, Соч., т. I, стр. 73.

рые сыграли огромную роль как в деле развернувшегося строительства молодого Московского государства, так и в выучке и передаче своих навыков и техники образовавшимся в самой Москве новым строительным кадрам. Источники называют нам три основных категории: псковичи, тверские мастера и ростовцы; как исключение, Москва использовала и новгородских мастеров, но на второстепенных работах.

Псковские летописи, дающие из года в год сведения о строительных работах по городу и области, неоднократно отмечают работу по найму строительных корпораций. Нигде в другом месте в эту раннюю пору (речь идет о XIV — XV вв.) мы не найдем такого развитого и обильного применения наемного труда, как в Псковской земле. Соответственно этому и в Псковской судной грамоте значительное внимание уделяется вопросам найма.[1] Строят преимущественно (почти исключительно) из камня, богатейшие залежи естественного материала — известнякового девонского плитняка — делают здесь каменную стройку распространенной; камень не является здесь драгоценным материалом, доступным лишь господствующим классам общества, он иногда идет и в мелкую частную стройку, например, садовых оград и в гражданскую стройку общегородского значения, как городские укрепления, слабо уступая место новому строительному материалу — кирпичу.[2]

Из данных, касающихся возведения городских укреплений, отчетливо выявляются как мотивы этих огромных строительных работ, так и методы их выполнения. Здесь-то и фигурируют «псковичи» или «весь Псков», как нечто на первый взгляд единое, когда во главе с посадником городской коллектив возводит или чинит городские стены «своих хоромов блюдучи», «своего ради добра»; несомненно, что эти мотивы были особенно понятны тем слоям городского населения, «хоромы» которых содержали наибольшие накопления «добра», которым принадлежала ведущая роль в организации более надежной охраны своего города. К этим работам привлекалось в той или иной мере и форме городское черное население, среди которого было много плотников, каменщиков и, конечно, людей без особой специальности, чернорабочих. Так, в 1309 г., посадник Борис «с Псковичи» ставят плитяную стену от ц. Петра и Павла к р. Великой; в 1330 г., посадник Селога «с Псковичи и с Изборяны» ставят Изборск; так организованы и дальнейшие крепостные достройки Пскова в 1375, 1399, 1432 — 33, 1465 гг., постройка моста через Пскову в 1412 г., укрепления Выбора, Гдова (1431 — 34) и др.[3] Посадникам принадлежали при этом, повидимому, административно-распорядительные функции, возможно также (об этом можно говорить осторожно), что они имели иногда понятие и

---

[1] М. Владимирский-Буданов, Хрестоматия русского права, изд. 2-е, в. I, стр. 143 — 144.

[2] ПСРЛ, т. IV, стр. 247; в 1524 г. поставили ц. Дмитрия за Довмонтовой стеной «первую камену с кирпичем». ПСРЛ, т. IV, стр. 296.

[3] ПСРЛ, т. IV, стр. 184, 186, 193, 195, 201, 206, 207, 218, 229.

об основах «городового дела»; так, по челобитью слобожан Кокшинской волости о возведении «города» на р. Лоде, из Пскова были посланы туда два посадника и бояре «изо всех концов, складати города Городча».[1] Совершенно несомненно, что как на этих коллективно-городских работах, так и в повседневной практике частной стройки вырабатывались и специалисты, делавшие строительное искусство своей основной профессией, превращавшиеся, наконец, в строителей-профессионалов.

Летопись один раз расшифровывает понятие «мастер»: «. . .мастеры всякие, спроста реци, и плотники и гончары и прочии, который и родивъся на лошади не бывал»;[2] таким образом мастером, как будто, назывался всякий городской ремесленник не служилый, живущий от своего промысла; термин, очевидно, не предусматривает в данной интерпретации даже особо повышенной квалификации, особого искусства в данной отрасли; мастер — рядовой городской ремесленник. Эту характеристику целиком подтверждают приводимые ниже свидетельства летописей о работах наемных строителей, где мастером называется равно и строитель избы для попов в Довмонтове городе — явно рядовой плотник, мостят улицу тоже мастера, мастерами называются и строители сложных крепостных и церковных сооружений. Но в то же время Псковская Судная Грамота противопоставляет мастера его ученику, т. е. подчеркивает квалификацию первого.[3] Условия вечевого города были благоприятны для развития городского ремесла и, в свою очередь, зависели от роста торгово-промышленной деятельности. Оживленное гражданское и культовое строительство, по заказам личным и корпоративным, форсировало выделение профессионалов-строителей и, обеспечивая им работу, создавало предпосылки быстрого повышения уровня техники и архитектурного мастерства. Отсюда многочисленные сведения о работе псковичей-наймитов, которым очень часто сдаются и постройки крупных городских сооружений; наймиты строят мосты, стены, церкви, берутся за разборку ветхих зданий и т. п.[4]

---

[1] Там же, т. IV, стр. 252.

[2] Там же, т. XXII, стр. 480, 1470 г.; речь идет о новгородцах.

[3] Владимирский-Буданов, там же.

[4] Укажем в виду их большого интереса основные, кроме приведенных в тексте, летописные данные о наемном труде в строительном деле во Пскове. 1364 г.: «Псковичи даша наймитом 2 ста рублев истребити им стена святыя Троица; они же подбивающе выносиша в Великую реку» (ПСРЛ, т. IV, стр. 192. вариант, т. V, стр. 15); 1365 г. — «Заложиша церковь святую Троицу, и даша мастером делу мзды 400 рублев дара и добре потчиваху их; делаше же по 3 лета, и свершен бысть храм святыя Троица» (т. IV, стр. 192, вариант, т. V, стр. 15); 1400 г. — «Приехал владыка Иван в Псков, и повеле Захарьи посаднику нанять наймитов ставити костер над Псковою, а владыка свое сребро дал...» (т. IV, стр. 195); 1418 г. — «Того же лета повеле посадник Федос и весь Псков намостити буевище, и около ц. св. Троица и тын отыниша около церкви; и посадник Микула и Псковичи повелеша мастером намостити мост от стене Великую улицу, а другую на Завеличьи Изборскую от Поромяни» (т. IV, стр. 202); 1456 г. — «Того же лета и мост намостиша великий Запсковский через реку Пскову; а даша мастером мзду 60 рублев и потом придаша

Псков располагал огромными по тому времени строительными кадрами и имел возможность использовать крупные рабочие коллективы, выполнявшие работы в краткий срок; на постройке перш (башен) Кремля в 1420 г. работало «200 мужь», не считая специалистов-обжигальщиков извести, которые получили за работу особо; на постройку Гдовских укреплений в 1431 г. «наяша псковичи 300 мужей».[1] Около этих основных кадров протекала и выучка новых, иногда деревенских строителей. Так, по постройке Кобылья городища, вместе с псковскими мастерами, работали «волощаны». Оплата производилась деньгами, иногда Псков платил и очень крупные суммы (Кремлевские перши стоили, например, 1200 рублей). Мастера пользовались особым вниманием нанимателей (кроме уплаты строителям «своего дела мзды», «добре потчиваху их»).

Строительные коллективы имели в итоге работ значительные накопления средств и могли иной раз поставлять к постройке и свой материал; так, к мосту на р. Пскове, строенному артелью в 40 человек, был «запас — балки наймитов, а рилини и городни и дубья Псковская». Так же на основе накопления выделяются очень редкие фигуры мастеров, имена которых нам сообщает летопись; в 1374 г. «сам мастер Кирилл постави церковь, в свое имя, святый Кирилл, у Смердья моста над греблею», но характерно, что и здесь нет подчеркивания особо выдающихся производственных качеств данного мастера: он попадает на страницы летописи лишь в связи с своей заметной экономической силой. В 1415 г. «мастер Еремей

---

20 рублев» (т. IV, стр. 217; т. V, стр. 22); 1458 г. «Того же лета Псковичи, повелением своим, надделаша на старую стену новую стену, свыше старых стен, на Крому, своего ради добра, от Захабия до Кутняго костра; и даша мастером делу мзду полтораста рублев» (т. IV, стр. 218; т. V, стр. 32); 1452 г. (Городище Кобылье) — «а делаша его мастеры Псковские и с волощаны, 60 чел. Псковских мастеров, а взяша от него також и от церкви дела своего мзду у всего Пскова 60 рублев, а потом придаша 30 рублев» (т. IV, стр. 221); 1465 г. — «Того же лета перси совершиша у Крому, месяца августа в 30, а делаша 80 мужь наймитов по три лета, а взяша дела своего 175 рублев; и колокольницу на стене на персех поставиша ко святей Троицы» (т. IV, стр. 229); 1468 г. — «Заложиша в монастыре на Красном дворе церковь камену святаго Пантелеймона, а заложиша априля месяца 15, а свершиша сего месяца в 1 день; а взяша от нея дела своего мзду 30 рублев у черпцов» (т. IV, стр. 231); 1469 г. — «Того же лета заложивши сделаша великая врата каменая и костер наверху болшей, выше старых, по конец мосту Запсковского; а взяша у Пскова мастеры дела своего мзду от них 30 рублев сребра» (т. IV, стр. 233; т. V, стр. 35); 1470 г. — «Того же лета свершиша церковь в монастыри св. Никиты; а взяша мастеры дела своего мзду 20 рублев серебром» (т. IV, стр. 235); 1471 г. — «Того же лета намостиша мост нов на новом месте на Черехе реке; а даша мастером мзду дела полдевтядесят рублев» (т. IV, стр. 242); 1481 г. — «Тоя же осени поставиша священники в Домантове стене избу священником и диаконом; а дали мастером 5 рублев» (т. IV, стр. 265); «Тоя же осени Псковичи поставиша новый мост через Пскову, а даша мастером 60 рублев; а платиша то серебро мясники» (т. V, стр. 43); 1529 г. — «...и сгоре церковь вся деревянная в Кривовичах св. пророк Илья, и поставиша на то время церковь малую; и того ж лета наяша мастеров на каменную церковь и наидоша, где камень ломить и печь жечи на речки на Турбенки» (т. IV, стр. 297).

[1] ПСРЛ, т. IV, стр. 203, 206; т. V, стр. 24, 27.

сверши церков камену... повелением купецкых старост, Андрея Тимофеевича и Осея и всех купцов». В 1420 г. «Псковичи наяша мастеров Федора и дружину его побивати церковь святая Троица свинцом, новыми досками...» Большинство же строительных артелей в словах летописца представляют как безымянные коллективы.[1]

Таким образом, то строительное искусство, которым «псковичи» составили себе славу первоклассных зодчих, базировалось на развитом городском ремесле. Летопись, обозначающая термином «мастер» вообще представителя ремесленного труда, не дает указаний на организацию строительного ремесла. Приведенное известие о «дружине» мастеров, возглавляемой мастером Федором, — единственный случай, когда можно говорить, что псковские строители были, повидимому, организованы в корпорации, характера братства или цеха. При этом мастер еще слабо выделен из строительного коллектива. Несмотря на частую формулу — «повеле посадник... и весь Псков», ясно, что при найме такой строительной артели, речь идет о заказе той или иной работы «свободным» (в феодальном смысле) мастерам-ремесленникам, выступающим всегда как коллектив. Общеупотребительность камня дает возможность широкого применения каменностроительного мастерства.

Более ограничены наши сведения о тверских мастерах, также, повидимому, широко известных как отличные строители. Источники впервые говорят об их работе в 1535 г., когда они строят знаменитую церковь Григория в Хутынском монастыре в Новгороде: «о едином версе, велми чюдна, яко таковы несть делом в Новгородской области: яко околная стена, еже округ церкви, имея углов восмь, а двери пятеры, в высоту велми высока, на ней же в версе и колоколы уставиша»... «А мастеры делали Тверские земли, болшому имя Ермола; а от дела дано уроком полъсемадесять рублев Московская, а весь запас и наряд домовой». Совершенно очевидно, что не московский вызов создал эти очень законченные формы строительной артели, с выделившимся мастером, которая смогла сразу разрешить весьма сложную для того времени задачу — постройку восьмигранного «столпа» с весьма сложным покрытием системой трехгранных «кокошников». Эта работающая по найму «артель» с высоким качеством ее работы — продукт длительного предшествующего развития. Столетием раньше к работе тверичей можно относить и церковь в с. Городня (на Волге), где также разрешаются (правда, еще очень неуверенно) некоторые новые архитектурные задачи. В дальнейшем мы имеем работы неизвестного мастера «тферитина», построившего в 1546 г. Кирилловскую трапезную Возьмищенского монастыря в Волоколамске, и, наконец, в 1564 г. ц. Белой Троицы в Твери, приписываемую преданием мастеру тверичу Гавриле Макову. С меньшей уверенностью можно отнести за счет работы тверских зодчих еще несколько памятников, но основным источником остается краткая характеристика лето-

[1] Там же, т. IV, стр. 193, 209; т. V, стр. 22, 23.

писи, данная строителям Хутынской церкви. Для самой Твери, центра пограничного княжества, характерным является развитие городского ремесла при большом значении торговли; значительное расслоение городского населения и черты, сближающие строй Тверского княжества с северо-западными городскими республиками, подсказывают наиболее возможное происхождение тверских строителей из рядов городских ремесленников. Так же, как во Пскове, здесь было и частное условие, способствовавшее росту каменщиков-профессионалов: доступность и богатство основного строительного материала (так наз. старицких верхне-волжских известняков). О городском же происхождении тверских мастеров говорит и законченная форма их организации (строительного коллектива, с мастером во главе, работающего по найму) и очевидная высокая техническая подготовка, позволившая самостоятельно разрешить одновременно с первым датированным «шатровым» зданием под Москвой (ц. с. Коломенского, 1432 г.) постройку «столпообразного» здания. Правда, в отличие от Пскова, в самой Твери более раннего времени на «городовом деле» использовался не труд горожан и ремесленников, но привлекается рабочая сила с тверских волостей. Так в 1373 г. «князь великий Михайло около града Твери вал копал и ров копал от Волги до Тмакы, Тверскыми волостьми и Новоторжскими губами и вал засыпал от Волги». В этом отношении характер строительного производства сближается с новгородскими условиями.[1]

Сведения о новгородских мастерах-строителях, формах организации их труда, его оплате и т. п. также скудны; мы встречаем лишь глухие упоминания о работающих на постройках мастерах. Так, например, Евфимьевскую палату строят совместно с иноземными «немецкими» новгородские мастера; Трифон Печенгский для постройки церкви в своем монастыре берет строителей из Новгорода; отсюда же, вероятно, Евфимий Новгородский «зодчии събрав» для построек в Вяжищском монастыре; не приходится, однако, сомневаться, что новгородские строители еще в XIV—XV вв. работают и по найму. Косвенным образом указывают на это денежные накопления, которые предшествуют ряду построек; в 1351 г. «поновиша церковь св. Бориса и Глеба в околотке Ореховьским серебром»; для надстройки городских стен «вземше сребро у святей Софеи, владычня Моисеева скопленна» (1361 г.); часто здания строятся «потягнутеем всех правоверьных хрестьян», «пометом хрестьянским»; повидимому, денежную помощь нужно видеть в тех случаях, когда при постройках владыки «быша пособницы Новгородци» или «быша пособницы Новгородци и Рушане». Строители-специалисты пользовались и здесь большим почетом и вниманием. о тысяцком Якове Лозьеве летописец замечает: «сей Яков

[1] Характеристику строительства в Тверском княжестве и работ тверских зодчих вне Твери мы даем в специальной работе. О городовом деле см. ПСРЛ, т. XV (Тверская летопись), стр. 433.

ревнуя божиимь рабом церковным строителемь...» Только от начала XVI в. имеются определенные данные о работе мастеров строителей по найму: когда строилась ц. Бориса и Глеба в Плотницком конце — «мастеры были урочные Новгородские, 20 человек болших мастеров, и даша от дела мастером пятьдесят рублев и три Новгородскую», так же «на урок», т. е. сдельно, строили Новгородские мастера притвор той же церкви в 1537 г. Разделение «больших мастеров» не новость для новгородского строительного ремесла; еще в начале XV в. к постройке Троицкой церкви Клопского монастыря были призваны «здатели от града» «старейшии имуща Ивана, Климентия и Алексия», последние и договариваются с князем о постройке. Тверская артель зодчих 1535 г. также знает резко выделенного «бо́льшего» мастера.[1]

Эта близость организационных форм строительных коллективов, вышедших из Новгорода и Твери, показывает и большое сходство их происхождения. Приводившаяся летописная характеристика мастера как городского ремесленного человека, относится именно к новгородцам (см. выше, стр. 9). Но Новгород в большей мере пользовался другим способом привлечения рабочей силы к строительству. Наличие в Новгороде крупных феодалов, каков, например, новгородский владыка или некоторые новгородские бояре, вело за собой значительное применение в строительном производстве феодально-зависимой крестьянской массы с владений феодалов; так, в 1338 г. «владычни люди Васильевы» делали Волховский мост. Так же «городовое дело», которое в Пскове велось силами городского населения, в Новгороде базировалось исключительно на сгоне «хрестьян» с волостей. Всю тяжесть городового дела «коллективный господин» перекладывал на плечи своих волостей «елико их есть во всей Новгородской земли и области, *а Новгородские люди толико кто пригоже с торговых с рядов нарядчики были;* а священного лика никакоже с простою чадию ни в каких делах не совокупляли». Именно таким образом была организована постройка укреплений Новгорода в 1430 г., когда «пригон был хрестьяном к Новугороду, города ставити, а покручали четвертый пятого». Московское «изневоление» Новгорода еще более усилило этот способ организации строительных работ. Самое неприемлемое для новгородских обычаев в московской постановке городового дела, которая не замедлила проявиться и в Новгороде, было именно поравнение в этой повинности с «простой чадью» феодальных и торговых верхов, в частности самого новгородского владыки: «и на самого архиепископа Макария урок учиниша». Эта организация, втягивавшая, наряду с сельским населением, и городское в городовые повинности, вызывала глухое недовольство еще в конце XVI в. особенно с Ливонской войной, когда сугубо тяжело ложились «посоха» и «де-

[1] ПСРЛ, т. III, стр. 238; см. также стр. 112, 153 и т. VIII, стр. 201; т. XVI, стр. 83, 90, 161, 183, 212; т. VI, стр. 300, 303; Н. Яхонтов, Жития св. северно-русских подвижников Поморского края. Казань, 1881, стр. 132; Памятники старинной русской литературы, т. IV, стр. 21, 41.

ловцы» на плечи новгородского населения: «и от того налогу и правежу все людие Новгородцы и Псковичи обнищаша», «и было нужно людям добре».[1]

Ведение строительства силами совершенно необученных «волощан» еще до московских нововведений вызвало к жизни «нарядчиков» из торговых людей (об их роли и назначении придется говорить позднее). Как для Пскова, так и для Новгорода и Твери, городов с развитым ремеслом, в различной, правда, степени, типично развитие строительного производства именно на основе городского ремесла. Рост городского строительства был базой специализации и роста строительной техники. В этих городах, волости которых непосредственно смыкались с западными соседями, огромное значение в формировании квалифицированной силы имела прямая выучка ее за рубежом и, повидимому, часто практиковавшееся привлечение иностранных мастеров для работ на месте. Для псковских мастеров это засвидетельствовано летописью, говорящей о их выучке «каменосечной хитрости» «у немец».[2] «Немецкие мастера» «из заморья» в Новгороде также свидетельствуют об отмеченном явлении. Все большее привлечение к строительству деревенского населения вело к падению высокого уровня строительного производства и новой его организации.

Если северо-западные города к XV в. имели разнообразное и большое развитие городского ремесла, приобретавшего, в частности, в строительном деле вполне законченные формы, то в Московском княжестве обстановка складывалась иначе. Только в конце XV в. ремесло выделяется из домашней промышленности и за счет его растет городской посад с его ремесленными слободами. Развитие общественного разделения труда и рост товарно-денежных отношений начинают разлагать основы феодального общества. Эти новые явления находят свое отражение также и в области строительства верхов феодального общества, где выступает, сначала медленно и мало решительно, новое отношение к организации пространства, ставящее новые конструктивные задачи.

Дошедшие до нас памятники, связанные с первыми проявлениями этих новых черт, так наз. «ранне-московские» соборы Троицкой лавры, Звенигородский, Савин-Сторожевский выполнены в прекрасной белокаменной технике с высоким знанием «каменосечной хитрости», невольно заставляющей припомнить классическую белокаменную технику Владимиро-Суздальского зодчества XII—XIII вв. Нет никаких твердых оснований говорить о работе здесь московских или иных мастеров,[3] но уже на основании приведенных общих положений о слабом развитии ремесла в Московской обла-

[1] ПСРЛ, т. IV, стр. 53; т. VI, стр. 293; т. XVI, стр. 178; т. XV, вып. I, стр. 104, 105 (Рогожская летопись); т. IV, стр. 318; т. III, стр. 170.

[2] Там же, т. VI, стр. 198.

[3] По словам жития Никона, для постройки собора Троице-Сергиевой лавры он «собирает *отвсюду* зодчиа и каменосечца и м[асте]ры и плинфотворителя». Вел. Минеи Четьи, Арх. Ком., ноябрь, вып. IX, стр. 1905.

ловцы» на плечи новгородского населения: «и от того налогу и правежу все люди Новгородцы и Псковичи обнищаша», «и было нужно людям добре».[1]

Ведение строительства силами совершенно необученных «волощан» еще до московских нововведений вызвало к жизни «нарядчиков» из торговых людей (об их роли и назначении придется говорить позднее). Как для Пскова, так и для Новгорода и Твери, городов с развитым ремеслом, в различной, правда, степени, типично развитие строительного производства именно на основе городского ремесла. Рост городского строительства был базой специализации и роста строительной техники. В этих городах, волости которых непосредственно смыкались с западными соседями, огромное значение в формировании квалифицированной силы имела прямая выучка ее за рубежом и, повидимому, часто практиковавшееся привлечение иностранных мастеров для работ на месте. Для псковских мастеров это засвидетельствовано летописью, говорящей о их выучке «каменосечной хитрости» «у немец».[2] «Немецкие мастера» «из заморья» в Новгороде также свидетельствуют об отмеченном явлении. Все большее привлечение к строительству деревенского населения вело к падению высокого уровня строительного производства и новой его организации.

Если северо-западные города к XV в. имели разнообразное и большое развитие городского ремесла, приобретавшего, в частности, в строительном деле вполне законченные формы, то в Московском княжестве обстановка складывалась иначе. Только в конце XV в. ремесло выделяется из домашней промышленности и за счет его растет городской посад с его ремесленными слободами. Развитие общественного разделения труда и рост товарно-денежных отношений начинают разлагать основы феодального общества. Эти новые явления находят свое отражение также и в области строительства верхов феодального общества, где выступает, сначала медленно и мало решительно, новое отношение к организации пространства, ставящее новые конструктивные задачи.

Дошедшие до нас памятники, связанные с первыми проявлениями этих новых черт, так наз. «ранне-московские» соборы Троицкой лавры, Звенигородский, Савин-Сторожевский выполнены в прекрасной белокаменной технике с высоким знанием «каменосечной хитрости», невольно заставляющей припомнить классическую белокаменную технику Владимиро-Суздальского зодчества XII—XIII вв. Нет никаких твердых оснований говорить о работе здесь московских или иных мастеров,[3] но уже на основании приведенных общих положений о слабом развитии ремесла в Московской обла-

[1] ПСРЛ, т. IV, стр. 53; т. VI, стр. 293; т. XVI, стр. 178; т. XV, вып. I, стр. 104, 105 (Рогожская летопись); т. IV, стр. 318; т. III, стр. 170.

[2] Там же, т. VI, стр. 198.

[3] По словам жития Никона, для постройки собора Троице-Сергиевой лавры он «собирает *отвсюду* водчиа и каменосечца и м[асте]ры и плинфотворителя». Вел. Минеи Четьи, Арх. Ком., ноябрь, вып. IX, стр. 1965.

сти можно наметить и ответ на данный вопрос. Сравнительные данные архитектурных форм позволили поставить гипотезу о работе здесь балканских мастеров;[1] тесные связи Москвы с югославянскими землями, наличие в Москве XIV—XV вв. балканских и византийских выходцев (писатели, живописцы), а также оторванность Москвы от Запада, отрезанного барьером земель Новгорода, Пскова и Твери, дают серьезные основания этому предположению.

Почему приходится в этом случае прежде всего говорить о возможности работы импортных, а не местных, московских, мастеров?

Значительно позднее, в 70-х годах XV в., на постройке Успенского собора в Москве митрополитом Филиппом, мы сталкиваемся с явлением, совершенно незнакомым строительной практике Пскова, и лишь отчасти понятным для Новгорода. Умирая, митрополит Филипп завещал *«о людех иже искупил бе на то дело церковное, приказывая отпустити их по животе своем»*.[2]

Основная масса строительных рабочих являлась «искупленными людьми» митрополита, под каковыми осторожнее всего считать так наз. «серебреников», по своей природе больше всего приближающихся к труду наемному, хотя этот «наем» и нужно понимать в смысле феодальном, отличном от найма капиталистического. Организация этого феодального производства, естественно, сводилась к установлению крепкого надзора за работами со стороны митрополичьих бояр и слуг; в данном случае во главе «приставников церкви тоя» были крупнейшие московские гости и бояре, Владимир Григорьевич Ховрин и сын его Голова.

Наряду с «искупленной» рабочей силой к стройке была стянута и другая, быть может, более квалифицированная, «и делатель множество сведе», — замечает летопись;[3] именно «сведение» делателей заставляет видеть в них не наемную силу городских ремесленников, а скорее всего строителей, формировавшихся в монастырях и при крупных церковных хозяйствах, которыми митрополит мог располагать, как верховный глава феодальной церкви.[4] На наличие их

[1] Н. И. Брунов, К вопросу о ранне-московском зодчестве. Труды секции археологии Института археологии и искусствознания, РАНИОН, т. IV, стр. 103—104, 1928 г.

[2] ПСРЛ, т. XII, стр. 153; т. XVIII, стр. 246. И. Е. Забелин, цитируя приведенное свидетельство, писал, что Филипп «привлек к делу» множество мастеров, «нарочно для того даже и купленных им в крепость», История города Москвы, стр. 113.

[3] ПСРЛ, т. XX, стр. 297.

[4] Монастыри, только начинавшие свою обстройку, довольствовались квалифицированной силой, которую им доставляли знатные покровители из числа своих дворовых слуг или крепостных. Дионисий Глушицкий начал обстройку монастыря силами мастеров и ремесленников, присланных князем Дмитрием Вас. Заозерским, Верюжский, Иосаф Каменский, стр. II; повидимому, княжеские мастера начали стройку в мон. Паисия Угличского, Житие, Яросл. Епарх. Ведом., 1873, стр. 131); Григорий Пельшемский послал за «делателями» к «христолюбивому мужу, именем Мартину» (Н. Коноплев, Святые Вологодского края, стр. 63); для каменной стройки в мон. Александра Свирского каменщиков прислал вел. князь (И. Яхонтов, Жития подвижников Поморского края, стр. 72).

в среде культовых организаций указывает ярлык Мангу-Темира, отмечающий в ряду основных групп агентов церковного хозяйства и «церковных мастеров».[1] Среди этой части строителей уже сложилось значительное разделение труда, специализация внутри производства, «овии своды ведяху, а инии замыкаху своды, носящи же камень и известь, древие несяху», — подсобный труд отделялся от специально строительного.[2]

Наконец, главное техническое руководство принадлежало московским мастерам Кривцову и Мышкину, о которых можно говорить как о сложившихся зодчих, повидимому, лучших в Москве, поскольку им была поручена ответственнейшая работа по возведению главного собора столицы; им был знаком, например, обмер здания, — они должны были «меру сняти» с владимирского Успенского собора, указанного в качестве «образца». Однако, катастрофа почти законченной Кривцовым и Мышкиным постройки, происшедшая, по экспертизе псковских мастеров и итальянского зодчего А. Фиораванте, по несоблюдению элементарных технических законов, с полной очевидностью показывает, что наилучшие московские зодчие конца XV в. были довольно слабыми техниками. Вряд ли возможно наличие в самом Московском государстве в начале XV в. таких первоклассных зодчих, каким, несомненно, только и могут принадлежать превосходные, как в техническом, так и художественном отношении так наз. «ранне-московские» памятники.

В развертывающемся строительстве Москвы последней четверти XV в. принимают большое участие, наряду с крупной феодальной знатью, и новые общественные слои. Крупная московская буржуазия (купцы и гости) обзаводится каменными хоромами, ее влияние сильно сказывается и на развитии нового архитектурного стиля в строительстве культовом. Новые задачи в этой области, предъявляемые к местным строительным силам, не могут быть выполнены старыми средствами. Наиболее доступным способом, оказывается, привлечения к работе людей был «искуп», т. е. кабаление и «сведение» митрополичьим приказом «делателей», вероятно, из монастырей; не говоря уже о первой группе рабочей силы, эти «делатели», получившие свое развитие в замкнутых пределах монастырского хозяйства, приносили с собой весьма устаревшую технику. Этих условий, конечно, не могли побороть и руководители работ, Кривцов и Мышкин, также, очевидно, не высоко владевшие своим мастерством. Это положение не следует забывать, когда под-

[1] ПСРЛ, т. XX, ч. I, стр. 183; 1342 г.; см. также ярлык Узбека (1313 г.) СГГ и Д, II, № 7. Правда совершенно также и даже более вероятно, что эти привилегированные «церковные мастера» были мастерами нерусскими (литейщик Борис Римлянин, греки-живописцы). См. также Забелин, ук. соч., стр. 110, 111, 472.

[2] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 248. Позднейшая иллюстрированная рукопись жития митроп. Алексея в двух миниатюрах дает изображение постройки здания, где подносчики камня показаны безбородыми юношами, а сами кладчики бородатыми; очевидно, это указывает на то, что подсобный труд исполняли ученики мастеров. Житие, изд. ОЛДП, 1887—88 гг., т. IV, стр. 205 и 287.

ходим к вопросу о смысле и значении так наз. «предстателей» или «нарядчиков» в строительном производстве Московского государства XV — XVI вв., возбудившем столько различных противоречивых и спорных решений в литературе, особенно в связи с фигурой Василия Дмитриевича Ермолина, так богато освещенной Ермолинской летописью. Нужно совершенно отбросить попытки изобразить последнего в качестве мастера-архитектора или скульптора.[1] Интерес деятельности Ермолина, как «предстателя» у ряда известных работ, лежит в совершенно иной плоскости. В 1462 г. Ермолин ставит каменную церковь во Фроловских воротах Московского Кремля; его «предстательством» частично ремонтирована «городная стена»; в 1464 г. его «нарядом» поставлено резное на камне изображение Георгия на Фроловских воротах, а в 1466 г. изображение мученика Дмитрия там же «повелением» Ермолина. В 1467 г. производится достройка каменной церкви Вознесения «повелением в. к. Марьи, а предстательством Василия Дмитреева сына Ермолина». В 1469 г. он «предстатель» у стройки трапезы в Троице-Сергиевом монастыре и по ремонту двух церквей во Владимире, а в 1471 г. восстанавливает собор в Юрьеве-Польском. Наконец, при постройке Московского Успенского собора в 1472 г. «предстатель были у тое церкви Василий Дмитриев да Иван Голова Володимеров, и промежь их бысть пря и отступися всего наряда Василеи, а Иван почя наряжати».[2] Последнее свидетельство показывает идентичность деятельности «предстателя» и «нарядчика», а с другой стороны, что обязанности «предстателя» были сопряжены с какими-то материальными затратами, а, может быть, и выгодами, так как в «пре» одержала верх одна из крупнейших купеческих и боярских фамилий, Владимир и Иван Ховрины.

Наибольшее внимание летописца привлекала описываемая в ряде летописных сводов достройка Ермолиным Вознесенской церкви;[3] это была «необычная» в московских условиях работа, так как, при разборке ветхих сводов, были сохранены старые крепкие стены, на них, лишь одетых новым камнем и кирпичем, были выведены новые своды. На этой работе Ермолин выступает, как глава целой группы мастеров, *вне ее стоящий:* «домыслив же ся о сем Василии Дмитриев Ермолина *с мастеры каменщикы*»; возможно, что эти «мастеры» были как-то отобраны Ермолиным из числа наличных в Москве строительных сил. Мысль сохранить старые стены здания, тем уменьшив издержки производства, могла принадлежать и Ермолину, этот эксперимент удалось осуществить собранным им каменщикам. Есть указания на происхождение Ермолина из Белоруссии[1] (там он, может быть, имел касательство к строительному

[1] См., напр. Н. Соболев, Русский зодчий XV в. В. Д. Ермолин, «Старая Москва», в. II, М. 1914, стр. 16 — 23.

[2] ПСРЛ, т. XXIII, стр. 157 — 160.

[3] Там же, т. XII. стр. 118; т. XVIII, стр. 217; т. XXII, стр. 468 — 469.

[1] Zeitschrift für slavische Philologie, т. I, вып. 3 4 — библиографическая сводка Алпатова и Брунова.

делу). Не будучи сам зодчим, он мог быть знаком с приемами и техникой зарубежной архитектуры. Но, во всяком случае, Ермолин, имевший возможность принять участие в создании одного из летописных списков (Ермолинская летопись), подчеркнувшего сугубо его (Ермолина) деятельность, выступивший в качестве конкурента гостя и боярина Ховрина на «наряд» Успенского собора, является, несомненно, экономически сильным человеком, принадлежащим к высшим слоям московской буржуазии. Его весьма характерная черта — принцип экономии в достройке Вознесенской ц. — подтверждает выставленное положение, как и его «реставрационные» работы, имевшие для растущей Москвы, помимо идеологического значения, и тот смысл, что вместо дорогих новых построек, ограничивались чинкой старых зданий, на чем и набил руку Ермолин.

Таким образом, «предстательство» есть попытка московской буржуазии выправить и подтянуть строительное производство к потребностям текущего момента, причем «предстатель», кроме материальных гарантий, обязывавших его, может быть, оказывал значительное воздействие и на чисто архитектурную сторону, регламентируя оформление возводимых зданий. В основном же функции «предстателя» были, повидимому, сосредоточены именно на организации денежно-материальной отчетности и ответственности по постройке, что и привлекло к этой деятельности именно московских тузов. Московская буржуазия через своего агента реально участвовала в очередных строительных работах. Термин «предстатель» можно понимать буквально как «представитель» или «заместитель»; в такой именно форме встречаем его не раз в источниках, например в завещании митр. Макария: «. . .изберет. . . царь. . . святей церкве *в мое место предстателя*».[1] Этот представитель был облечен доверием также и со стороны правительства.

Характерно, что именно на отсталых участках строительного дела выступает «предстатель» или «нарядчик» не в Пскове, передовом центре архитектурной квалификации, а именно в Москве и, наконец, в Новгороде, где оперирует в качестве «нарядчика» (или «нарядника») при целом ряде построек опять-таки крупный московский гость Д. И. Сырков или богатый новгородец Филат Бобровник.[2] И это «предстательство» тем более характерно, что уча-

[1] ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 377; Даль, Словарь, т. II, стр. 1211 — 1212, т. III, стр. 1015.

[2] См. сводку данных по этому вопросу в статье К. К. Романова, К вопросу о влиянии взаимоотношений между строителями и заказчиками... «Изобразительное искусство», изд. ГИИИ, Л., 1927. Напомним, что привлечение к стройке рабочей силы исключительно из деревни (новгородских волостей) вызвало в Новгороде появление «нарядчиков» у работ «с торговых с рядов». ПСРЛ, т. VI, стр. 293 (см. выше). В этом смысле чрезвычайно убедительно свидетельство жития Иосифа Волоколамского, автор которого, отмечая «трудолюбие» монахов, замечает, что они работают «*не яко земледельцы еже нарядницы за ними понужала на дело...*» Вел. Минеи Четьи, изд. Археогр. ком., сентябрь, стр. 467. См. также житие Корнилия Комельского в Синод. изд. 19[illegible] г., стр. 12; житие Александра Ошевенского, стр. 15.

стие агентов крупной московской буржуазии даже в постройках государственного порядка или заказах двора еще раз отражает и в сфере строительства тесный блок царя, боярства и торговой буржуазии в этом периоде агрессивной политики Москвы, когда слагались новые боевые формы искусства, пугавшие дооктябрьских историков почти революционной стремительностью своего сложения. Работами Сыркова в 30-х годах XVI в. и заканчивается отмеченная источниками недолгая деятельность «предстателей» и «нарядников», заканчивается вместе с бурным периодом исканий новых художественных форм московской монархии.

Как бы то ни было, «предстательство» было очень слабым паллиативом и отнюдь не снимало с порядка дня вопрос о квалифицированных кадрах для расширявшегося строительства. Две основные линии разрешения этой проблемы, давно отмеченные исследователями, были взяты правительством — обращение за мастерами на Запад (Италию в частности) и привлечение мастеров из Пскова, представлявшего теперь на деле одну из «вотчин» «великого государя московского».

Не только большая техническая грамотность и овладение «каменосечной хитростью» псковских специалистов обеспечили их широкое применение в Москве. Происходил пересмотр старого художественного наследия; статика столпного собора с резко дифференцированным пространством отходила (по крайней мере, на некоторый период) в прошлое, заменяясь тенденцией к зданию с обобщенной, единой и динамичной организацией пространства. Этой тенденции могли более чем кто-либо другой ответить мастера Пскова, в зодчестве которого на основе длительного развития был выработан ряд устойчивых, уже начинавших канонизироваться, конструктивных систем, дающих именно эти принципы трактовки пространства,[1] которые «московское зодчество» решало в начале XV в. при помощи каких-то импортных, может быть сербских строителей.

Западные мастера, которых вызывает в конце XV в. для работ московское правительство, как показывает последняя разработка этого вопроса,[2] характеризовались рядом особенностей. Мастер был не только строителем, его архитектурная специальность сочеталась с рядом других, он был, кроме того, военным инженером, литейщиком, химиком и т. п. В архитектурном отношении вызванные мастера были представителями тех направлений и школ, которые, для западной обстановки, являлись уже отсталыми, консервативными. Это последнее обстоятельство обеспечило успех их художественных нововведений в практике московского строительства. Ридольфо Фиораванте (Аристотель летописи), открывший своими постройками полосу последующего строительства итальянцев

---

[1] Разбор этих конструкций см. в статье К. К. Романова, Псков, Новгород и Москва... Известия ГАИМК, т. V, стр. 209.

[2] Доклад К. К. Романова в разряде русской материальной культуры ГАИМК в 1930 г.

в Москве, чутко уловил господствующие вкусы, отразив их в Успенском соборе новой «палатной» организацией пространства, упразднением хор и применением незнакомых местному зодчеству приемов (круглые столбы с капителями, крыльцо с висягами и пр.). Иноземные мастера владели также невиданной в «Московии» техникой строительного дела, которой вполне искренно поражался летописец; достаточно вспомнить постановку Аристотелем Фиораванте кирпичного производства на новых основаниях, применение в постройках железных связей (правда, встречавшихся в зодчестве Пскова и ранее), особенно тщательную выкладку стен «в правило и кружало», применение механических средств, как блок («векша» плотничной терминологии), новые приемы быстрой разломки старых зданий, примененные при сносе Успенского собора и т. д. В дальнейшем мы встречаем Аристотеля в 1478 г. в походе на Новгород, где он строит понтонный мост на Волхове, а в 1482 г. под Казанью «с пушками»; в то же время Аристотель был искусным металлистом, ювелиром и чеканщиком: сосудам его изделия поражались московские послы. В отношении многогранности своих технических знаний и Аристотель и его позднее прибывшие соотечественники были подобны более известным итальянским мастерам этого времени, владевшим целым рядом профессий.[1]

Вслед за вызовом Фиораванте были привезены послами Дмитрием и Мануилом Ралевыми в 1490 г., в числе других иноземных специалистов, «архитектон именем Петр Антоний, да ученик его Замантоний, мастеры стенные и полатные»; в 1494 г. прибыл с послами Алевиз из Милана «мастер стенной и полатный»; в 1504 г. послы «из заморна» Дм. Ларев и Митр. Карачаров «приведоша с собой многих мастеров серебряных, и пушечников, и стенных». Позднее встречаем литейщика Николая Немчина, в 1558 г. посол Непея привозит «мастеров многих» и еще в 1584 г. царь Федор Иванович обращается к английской королеве Елизавете с просьбой о пропуске «мастеров ратных и рукодельных каменного дела и городовых мастеров, которые городы делают».[2]

Таким образом, в практику московского строительства были включены, помимо лучших русских сил, крупные специалисты, вызванные с Запада, что помогло, в итоге, совершить резкий сдвиг в развитии зодчества от канонизованных форм собора к шатру, отражавший крупные перемены в соотношении общественных сил Московского государства.

---

[1] ПСРЛ, т. XII, стр. 157; т. XX, стр. 302, 319, 320; т. XII, стр. 180; т. VI, стр. 234; т. VIII, стр. 181. Об итальянских мастерах см., напр., «Жизнь Бенвенуто Челлини» (его автобиография). изд. Ледерле, СПб, стр. 102, 158, прим. I. Контарини в 1476 г. встретил, вместе с Аристотелем, Трифона — ювелира Катарского. В. Семенов, Библиотека иностранных писателей о России, стр. 108.

[2] Там же, т. XII, стр. 222; т. XVIII, стр. 273; т. IV, стр. 164; т. XII, стр. 238; т. VI, стр. 49; т. XII, стр. 258; т. XIII, стр. 72, 287; ПСГГ и Д, V, № 139. А. Дженкинсон пишет, что в Москве находится несколько мастеров и художников, жалующихся, что они добровольно не могут получить дозволения вернуться на родину... ЧОИДР, 1884, т. IV, стр. 83.

Повидимому, к новшествам итальянских мастеров в области архитектурных форм и строительной техники должны были как-то примениться и формы организации труда, о которых источники сообщают крайне скудные сведения. Совершенно неизвестно, как было организовано производство в кирпичном деле Фиораванте. Несомненно, что оно сосредоточивало большое число работников на одном крупном производственном процессе; мы не знаем, была ли эта рабочая сила деревенской вотчинной или же городской ремесленной. Более определенно известно, что на дворе Алевиза на Успенском овраге в Москве во время пожара 1531 г. взорвался порох, «пушечное зелье» («делаша бо его на том дворе *градские люди*, и згоре делателей тех от зелиа во един час болши двухсот человек»).[1] На пороховом производстве, таким образом, была концентрирована Алевизом значительная масса рабочей силы, навербованной, повидимому, из городского посада. Ничего неизвестно о самом процессе производства, а также о разделении труда. В этих чрезвычайно туманных свидетельствах все же, может быть, можно видеть начальные шаги мануфактурного производства, в его самых ранних проявлениях.

На работе около иностранных и русских специалистов получали свою выучку и образовывались местные строительные кадры от рядового строителя до мастера. В 1552 г. летописец мог с гордостью записать, что у ц. Воскресения на площади, строенной Петроком малым Фрязином, «лествицу и двери... приделаша... *мастеры московские*».[2]

Мы наметили причины особого роста и подъема строительного мастерства в Пскове, Новгороде и Твери, а в дальнейшем — большого успеха псковских строителей в Москве конца XV в. Еще одно слагаемое в составе руководящих строительных кадров этого периода остается совершенно неясным — это так наз. ростовские мастера. Почему именно в Ростове или его районе сложились какие-то вполне, повидимому, определенные и значительные, пользующиеся в первой половине XVI в. большой известностью строительные кадры? Здесь источники оставляют нас в полной неизвестности относительно причин этого явления, позволяя лишь сделать некоторые общие предположения.

Совершенно не приходится говорить о какой-либо особности Ростовского района в период XV в. в том смысле, как это возможно, например, относительно Пскова или Твери. Давным давно потерявшая и тень политической самостоятельности Ростовская земля жила общей жизнью с Московским княжеством, разделяя его исторические судьбы. Еще в XIV в. в Ростове хозяйничали сатрапы московского великого князя.[3] Ростовская епископия, а позднее

---

[1] ПСРЛ, т. XX, стр. 411.
[2] Там же, т. XIII, стр. 145, 444.
[3] Москва владела половиной Ростова еще со времен Василия Темного, другой продолжали владеть князья ростовские, пока, в 1424 г., не продали и ее Ивану III. Соловьев, История России, т. I, стр. 921—22, 1138, 1392.

митрополия, остается единственной организацией, с которой считается Москва, и как одна из старейших кафедр неоднократно является поставщицей кандидатов на высокие посты церковной иерархии Московского государства. Крупнейшие монастыри, входящие в ее состав, ведут большие строительные работы как в самом Ростове, так в области и Москве. Вокруг этого строительства вырастали необходимые местные кадры. При этом возможно, что ростовская епископия, имея город своим центром, черпала из среды городского посада эти силы, может быть, превращая их иногда в слуг своего хозяйства.

Для второй половины XVI в. существование таких мастеров мелкого и крупного масштаба, выраставших внутри монастырского хозяйства, не подлежит никакому сомнению; таковы «мастеры домашнии Захарей да Семен» монастыря Саввиной пустыни; может быть, к монастырским же мастерам следует относить «церковного мастера Теренгия», работавшего в 1591 г. в Болдине-Дорогобужском монастыре и в том же году уехавшего в Москву; возможно, что в Болдине же монастыре начал свою карьеру зодчего и знаменитый Федор Конь, строитель Белого города в Москве и Смоленского кремля.[1]

Упоминаемые источниками мастера неизменно называются «ростовцами». Таков, например, Прохор Ростовский, строящий ц. ...стовец, мастер, церковный каменный здатель» Григорий Борисов, Успения в Кирилло-Белозерском монастыре (1497 г.), затем «ро... позднейшие мастера Третьяк Борисов сын Ростовка (сын Ростовца?), Пахомий Горяинов сын «ростовец» и, повидимому, Горяин Григорьев сын Царев; может быть к ростовцам же следует относить Андрея Малого «мастера великого князя», строителя Вознесенской ц. в Ростове.

Как образовались и где получали выучку эти «ростовские» мастера, показывает деятельность наиболее известного из них Григория Борисова, которую позволяют восстановить как письменные источники, так и уцелевшие памятники материальной культуры. Не останавливаясь здесь на детальной аргументации приводимого ниже ряда работ мастера, которая отвела бы в сторону от основной темы, используем их для ответа на интересующие нас вопросы.[2]

Первые известия о работах Гр. Борисова рисуют его как уже известного и достаточно квалифицированного «мастера, церковного каменного здателя». Он строит собор Борисоглебского монастыря под Ростовом (1522—24 гг.) и непосредственно за ним (1524—26 гг.) трапезную Благовещенскую ц. Там же одновременно им строятся «каменные прочие службы» монастыря.[3] Уже этот специальный термин «*церковный* каменный здатель» и длительное использование мастера в монастырском строительстве указывают на

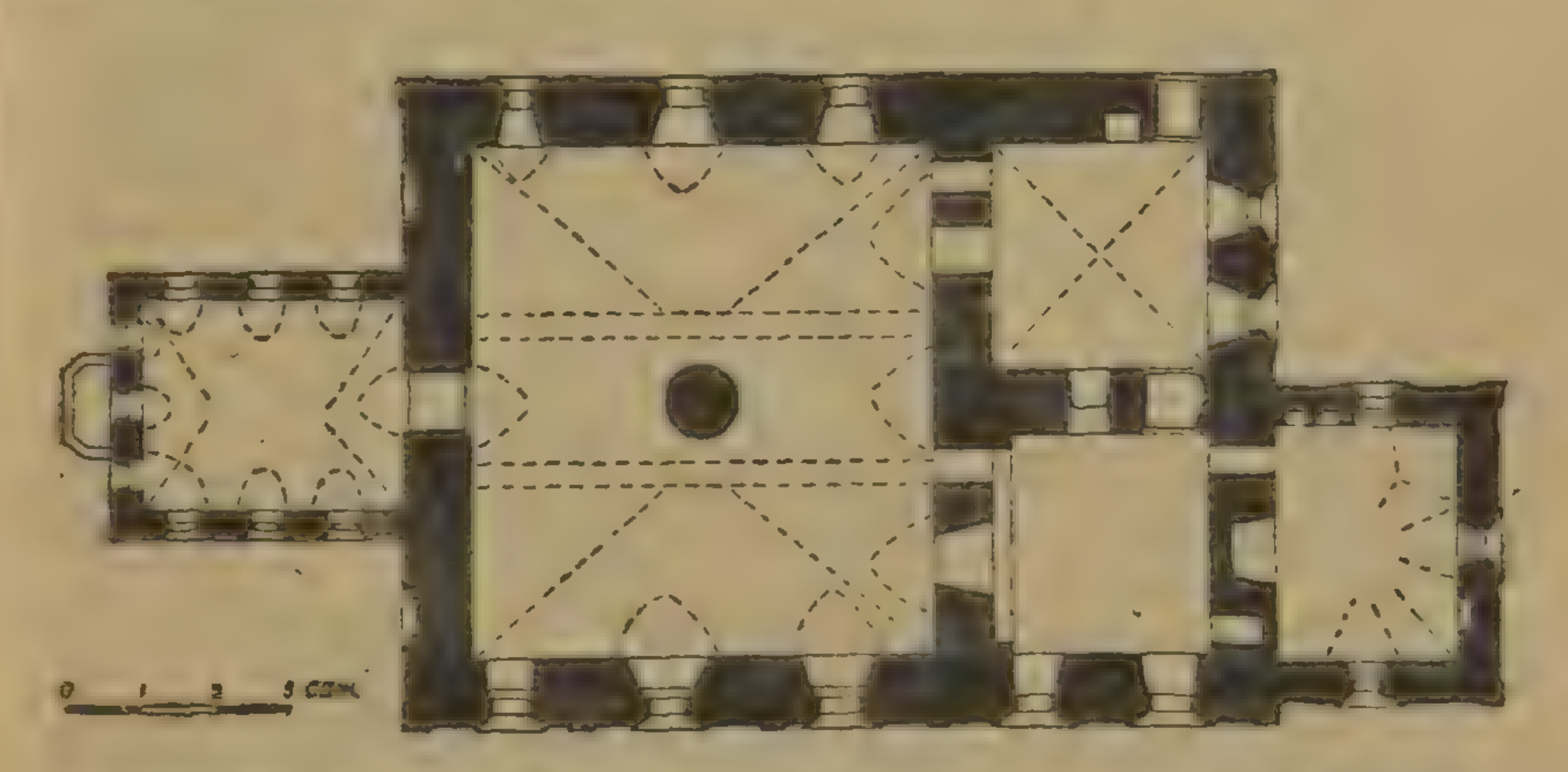
[1] ПСРЛ, т. III, стр. 158; РИБ, т. XXXVII, вып. 1, стр. 117—118.
[2] Установлению последовательности работ Гр. Борисова был посвящен мой доклад в 6. разряде русского зодчества ГАИМК осенью 1929 г.
[3] «Повесть о Борисоглебском мон.», изд. ОЛДП, 1892 г., вып. LXXXVI.

1. Григорий Борисов. Собор Борисоглебского мон. под Ростовом (1522 — 24 г.). Восточный фасад.

2. Григорий Борисов. Трапезная Борисоглебского мон. под Ростовом (1524 — 26 г.). Сев.-зап. угол.

3. Григорий Борисов. Трапезная Борисоглебского мон. под Ростовом (1524 — 26 гг.). План верхнего этажа.

предшествовавшую его практику именно в сфере культовой стройки. Борисоглебский собор показывает, что его строитель, несмотря на некоторое знакомство с работами итальянцев в Москве, еще не в совершенстве владеет архитектурной формой: грузность и приземистость памятника, архаичность его декоративных элементов бесспорно свидетельствуют об этом. В трапезной монастыря, постройке исключительно монастырского значения, Гр. Борисов разрешал фактически новую задачу, выдвинутую развитием монастырского хозяйства — это один из ранних примеров зданий данного типа.[1] Оригинальная асимметричная композиция трапезной находит себе единственную точную аналогию в трапезной Троицкого Калязина монастыря (1525 — 30 гг.), строенной по повелению Василия III; сведений о строителе нет, но буквальная близость двух хронологически смыкающихся построек позволяет говорить о работе здесь Гр. Борисова.[2] По заказу того же Василия III строится в 1530 — 32 гг. собор Троицкого Данилова монастыря в Переяславле-Залесском, почти копия Борисоглебского собора как в отношении конструктивном, так и в отношении форм и деталей здания, однако более законченных и выработанных. Отсутствие письменных свидетельств о зодчем памятника отчасти восполняется этим тождеством, позволяющим видеть здесь новый этап деятельности Гр. Борисова.[3] Далее ни письменные, ни материальные источники не дают оснований говорить о работе ростовского мастера, вплоть до начала 40-х годов, когда Григорий заканчивает начатую мастером Пахомием Горяиновым трапезную церковь Спасо-Каменного монастыря на Кубенском озере (1543 г.).[4] Может быть, о конце ростовского зодчего говорит вноска из частного летописца во II Новгородской летописи под 1545 г. «да того же лета преставися оба мастера трапезных, Григорий да Олфромей»; наименование здесь Григория «трапезным мастером», совершенно понятно при его исключительно монастырском строительстве и том большом месте, которое занимают в нем специфически-монастырские здания — трапезные.[5] Этот гипотетически восстанавливаемый стаж мастера подчеркивает его преимущественную квалификацию в монастырском строительном обиходе.

Группа ранних по времени своей деятельности мастеров — Про-

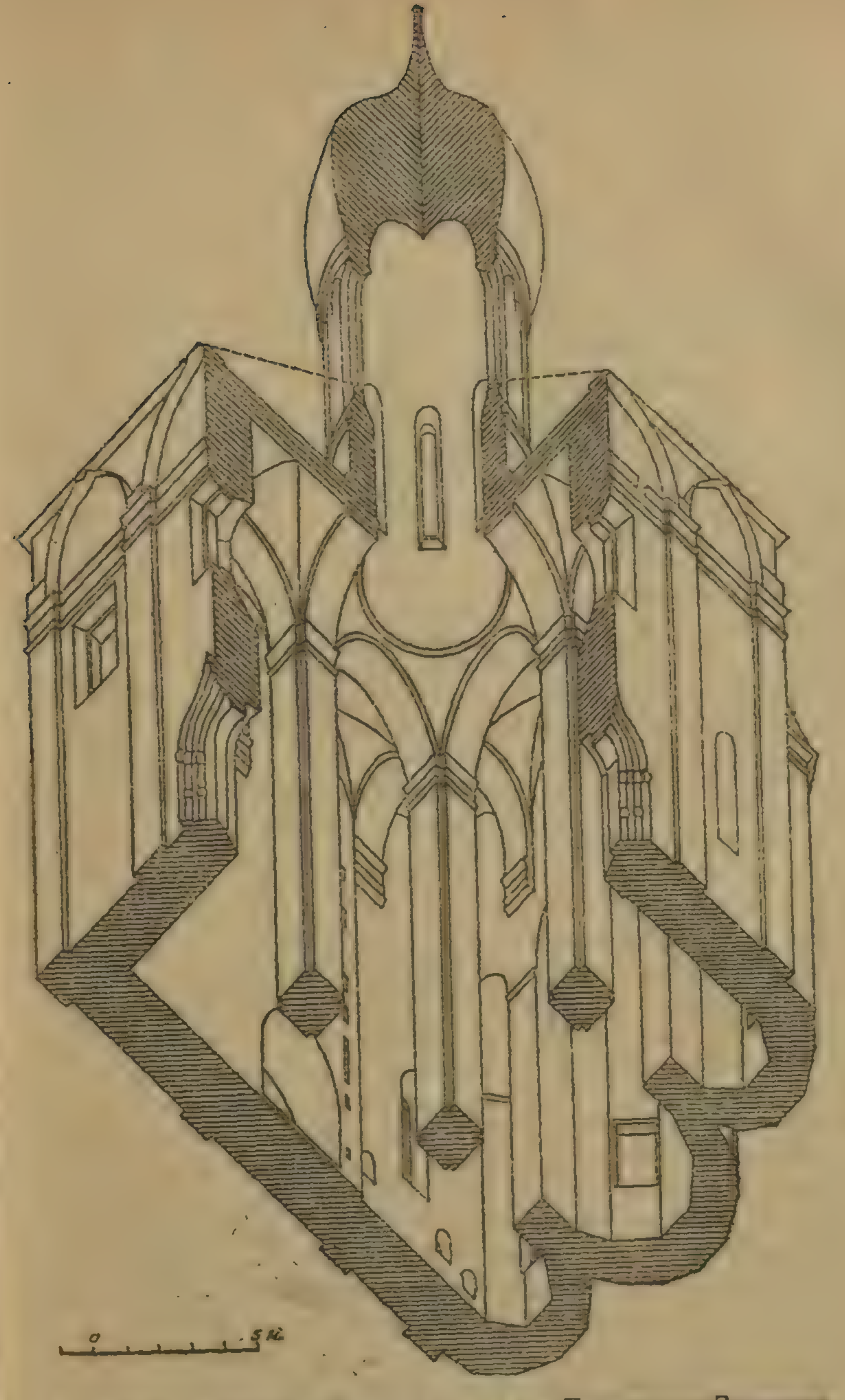
[1] Фотографии памятников см. также у Б. Ф. Эдинга, Ростов Великий; Углич изд. Кнебель; грубая схема плана трапезной у И. А. Шлякова, Путевые заметки о памятниках древнего русского зодчества, Яросл., 1887; Борщевский альбом, XXV, фото № 37. Памятники обследованы мной в 1929 г. Издаваемый план Благовещенской трапезной сохранился в библиотеке музея монастыря и не вполне точен.

[2] Памятник изучен В. А. Богусевичем, предоставившим мне чертеж и фотографии его.

[3] Памятник изучен и обмерен мною летом 1929 г.; на издаваемой схеме при перечерчивании (для изготовления клише) чертежником были опущены детали профилей, закомар, карниза, столбов и консолей.

[4] Н. К. Никольский, Кирилло-Белозерский мон., т. I. СПб, 1897 г., стр. 88, прим. 2. Памятник обследован В. А. Богусевичем, предоставившим мне фотографии.

[5] ПСРЛ, т. III, стр. 151.

4. Собор Троицкого-Данилова мон. в Переяславле-Залесском (1530 — 32 г.). Схема конструкции.

хор Ростовский (1497 г.), Григорий Борисов (1522—45 гг.) и Пахомий Горяинов (1543) — известна исключительно в связи со строительством монастырей, входящих в территорию ростовской епархии. Эти местные мастера, вполне удовлетворявшие монастырские строительные нужды, дают первоначально постройки провинциальные, отсталые в техническом и архитектурном отношении от современных течений каменного зодчества в городских центрах. Деятельность Гр. Борисова показывает, как такой монастырский мастер, по мере роста своей архитектурной квалификации, входит уже в оборот царского строительства, работая по заказу Василия III в «придворном» переяславском монастыре. На дальнейшее продвижение такого мастера может быть указывает звание Андрея Малого, строителя Вознесенской ц. в Ростове (1564 г.) — «великого князя мастер».[1] Иными словами, провинциальный зодчий становится в разряд будущих «государевых мастеров», являясь предвестником той централизации каменностроительного дела в Каменном приказе, которая в XVII в. подтягивает к «государеву каменному делу» огромный штат «подмастерьев» и рядовой рабочей силы.

Каково же социальное лицо этих мастеров, работающих почти исключительно на монастырском культовом и хозяйственном строительстве? Первый известный нам мастер, Прохор, работает в Кирилло-Белозерском монастыре, возглавляя 20 ростовских каменщиков и стенщиков; крупные денежные расходы, связанные с церковной постройкой, показывают, что это наемная группа ростовских, видимо городских, строителей.[2] От позднейшего времени имеются более точные сведения об аналогичной работе. В 1552—53 гг. ростовские мастера, Горяин Григорьев Царев и Третьяк Борисов Ростовка, заключают порядную запись на постройку каменной Успенской церкви в Белоозере.[3] Этот документ рисует Горяина Григорьева Царева, как главу подряжающейся группы; это — законченный мастер, резко отделенный от своих «товарищей»; его компаньон, Третьяк Борисов Ростовка, только упоминается в записи и совершенно теряется рядом с фигурой Горяина. В порядной оплата определена несколько раздельно: «за стенщики *и за мастерство*»: стенщики работают исключительно «за их указом, Горяиновым»; он обязуется быть у постройки лично «опришно государевы присылки». Эта оговорка показывает, что Горяин стал уже «государевым мастером», и эпитет «царев» является прямым и точным выражением этого его положения. Производство всей постройки ведет Горяин «своими товарищи». В числе поручителей по выполнению подряда встречаются имена зажиточных посадских людей — ростовца, угличанина и др. Характерно, что Горяин, обслуживающий своим «мастерством» горожан — белоозерских приходских лю-

[1] Эдинг, ук. соч., стр. 68. рис. на стр. 65; там же упомянута легенда, что собор ростовского Авраамьева мон. (1554 г.) строил также Андрей Малой.
[2] Никольский, ук. соч., стр. 24.
[3] АЮБ, т. II, № 254.

дей, определяет совместно с ними свою будущую постройку, исходя из практики монастырского зодчества («а церковь ставить как в Кириллове монастыре церковь Успения»), что опять-таки указывает на тесную связь ростовских строителей со строительством монастырей.

В этой же порядной есть любопытная черта, говорящая о старом методе исполнения работы. Подготовительные работы по «подошве церковной» произвели своими силами местные прихожане; сама постройка оказалась не по плечу, и ее сдали Горяину, но черные работы и подноску материала производили «казаки», и над этой рабочей силой встает фигура «*нарядчика* попа Александра с товарищи». Эта, может быть и наемная, но не бывавшая на строительном деле и обычно ничтожно оплачиваемая рабочая сила потребовала особого надзора, и за нее мастер-строитель не отвечал.

Эта порядная ясно показывает, что в ростовском посаде развертывающееся строительство феодальных верхов форсировало характерный для этого времени рост разделения труда, содействуя выделению и значительной дифференциации строительного мастерства. Таким образом, известность «ростовских» мастеров основывалась на том, что это были представители городского специализированного ремесла. Из его среды, в частности через строительство монастырей, наиболее выдающиеся специалисты попадали в оборот столичного строительства, часть оставалась местными монастырскими мастерами. В Москве эти «царевы» мастера сталкивались с итальянскими, псковскими и прочими зодчими, работавшими в столице, и, получали еще больший архитектурный опыт. Вокруг тех же местных строительных работ росла и рядовая рабочая сила, первоначально из крестьян вотчинных деревень, в дальнейшем становившихся городскими ремесленниками; из этой же среды вырастал и мастер.

Не имеется прямых данных о том, как передавался и сохранялся этот накопляемый строительный опыт, но можно говорить, кроме обычного ученичества на производстве, и о семейной выучке мастеров. На это, может быть, намекает совпадение имен двух известных «ростовцев» — только что упоминавшегося *Горяина* Григорьева «Царева» и Пахомия *Горяинова сына.*

Таковы данные о «ростовских» мастерах, вошедших крупным слагаемым в ряды формировавшихся строительных кадров Московского государства XVI в.[1]

Фигура другого, более прославленного и известного зодчего, «городового и церковного мастера» Постника Яковлева, псковича по происхождению, в свете последних исследований также становится относительно ясной.[2] Его деятельность дает некоторые дополни-

[1] Н. Никольский считает мастером-зодчим старца Кирилло-Белоозерского монастыря Леонида Ширшова; скорее это монастырский администратор у ряда построек, как и позднейший Покровский старец Исаия, которому был выдан рубль денег за городовое каменное дело» (1610 г.). Ук. соч., стр. 36, 71, 72.

[2] М. К. Каргер, Успенский собор Свияжского монастыря, Казань, 1928; К. К. Романов, Псков, Новгород и Москва, стр. 239—241.

тельные штрихи для характеристики высококвалифицированной строительной силы XVI в. и связана с последним значительным привлечением к московскому строительству псковских зодчих. «Покорение Казани» требовало закрепления занятых Москвой позиций в этой, по выражению Пересветова, «подрайской землице вельми угодной». Казань после разгрома должна была вновь укрепляться: она также становилась центром религиозного угнетения края, на место разрушенных мечетей становились русские церкви, строится большой каменный собор, город обносится каменной стеной; в Свияжске, сыгравшем такую крупную роль в Казанской кампании, основывается и обстраивается каменными зданиями Свияжский монастырь, бывший одной из главных забот правительства после «казанского взятия».

Это развертывающееся каменное строительство, руководимое из Москвы, обставляется привозной квалифицированной рабочей силой, так как для выполнения этих задач в Москве опять недостало наличных в центре строительных кадров, начавших, как мы видели, образовываться в процессе крупных строительных работ конца XV — начала XVI вв. В 1555 г. последовал приказ: «в Казани новый город Казань делати» псковским мастерам, «городовому и церковному мастеру Поснику Яковлеву, да каменщикам псковским Ивашку Ширяю с товарыщы». Важно отметить, что для нанятых в Казань 200 каменщиков был заготовлен весь инструмент на средства казны, так что, повидимому, эти псковские строители не владели орудиями производства. С ними вместе были вызваны псковский дьяк Шершень Билибин и псковские старосты Богдан Ковырин и Семен Мизинов, повидимому, в качестве административных руководителей строительства, привычных к этой деятельности во время городских строительных работ во Пскове. Собственно архитектурная часть лежала на самом Постнике Яковлеве с его, повидимому, ближайшим помощником, главой псковских каменщиков Ивашкой Ширяем. К их работам относятся: Казанский кремль, Благовещенский собор (внутри кремля), церковь около Спасской башни (и, может быть, низ этой последней), Успенский собор и Никольская ц. Свияжского монастыря; Постник, совместно с Бармой, начал постройку Василия Блаженного в Москве, ему же, или мастерам его казанской партии псковских каменщиков, принадлежит и чрезвычайно законченная как в техническом, так и в художественном отношении ц. Козьмы и Демьяна в Муроме, ближайшая аналогия московского памятника.[1]

В этой группе памятников характерны, с одной стороны, большая стойкость форм старой псковской архитектуры в некоторых из них (Свияжский собор), а с другой стороны — полная противоположность этим последним — шатровые постройки (Василий Блаженный и Козьмодемьянская ц., не имеющие никаких черт, обличаю-

---

[1] Н. Воронин, К истории русского зодчества XVI в. Сборник [аспирантов ГАИМК], т. I, Л., 1929.

щих псковскую школу их строителя). Длительно и отчетливо складывавшаяся архитектурная традиция псковских строителей настолько прочно довлеет в их практике, что, даже в половине XVI в., во время наивысшего подъема творческих исканий в московском зодчестве, псковский мастер, отстраивающий новую московскую «колонию», не поступается ни единой чертой привычного архитектурного типа. Этот кажущийся совершенно невероятным факт как бы полной «свободы» мастера понятен потому, что здесь, под Казанью, в условиях горячего строительства, на почве, еще не остывшей от недавних битв, работа зодчего протекала вне бдительного надзора завоевателей, отвлеченных более важными делами; здесь еще не упрочилась (да и не было ее) московская строительная традиция, зодчий был относительно свободен в выборе форм, более того — Постник работал под надзором своих же, псковских, старост.

В глубоком тылу обстоятельства были иные: здесь не наспех создавались опорные пункты материального и духовного угнетения — крепости и церкви; здесь инициаторы казанской кампании воздвигали роскошные памятники «казанского взятия», ближайше руководя и наблюдая за работой. Не псковские старосты, а муромские гости блюдут стройку Благовещенской церкви в Муроме, контролируя работу мастера. И те же самые условия высокой технической и художественной школы псковского мастера, позволившие там с легкостью воспроизводить знакомые псковские здания, здесь, в ц. Козьмы и Демьяна, обеспечивают полный отказ от этих архитектурных форм, замену их невиданным и смелым шатром «московской готики», обнаруживающим с новой осязательностью зарубежную выучку псковского зодчего. Ряд черт Козьмодемьянской церкви дает некоторые основания думать, что ее строитель получил знакомство с западной архитектурой в районе южной Германии. [1]

Таким образом, местные мастера, получившие выучку в определенных условиях своих областей, напитанные техническими и художественными традициями, созданными общественной жизнью этих недавно самостоятельных районов, попадая в условия московского строительства, постепенно теряли эти черты, и именно предпосылкой их использования здесь было исчезновение их локальных особенностей, которые прорывались лишь тогда, когда «социальный

[1] Имя соучастника Постника по постройке Василия Блаженного — Барма, может быть, является легендарным и не выражает его собственной фамилии. «Борму ярыжку» встречаем, например, в переработках XVI в. «сказания о Вавилонском царстве». А. Н. Пыпин, История русской литературы, т. II, стр. 39. Барма — довольно распространенное прозвище в древней Руси, напр., Иван Барма слуга Томилы Луговского, ростовского помещика (1626 г.). Яросл. Епархиальн. Ведом., 1873, стр. 59—60. Если Барма, сотрудник Постника, действительно реальное лицо, то не лишено вероятия, что он иноземец. «Барма» собственно значит «картавый», «говорящий невнятно». Даль, Словарь. т. I, стр. 126. Легенда об ослеплении строителей Василия Блаженного по окончании ими постройки находит себе аналогию в близкой по сюжету молдаванской легенде. См. И. Кузнецов, О построении Моск. Покр. собора; Еще новые летоп. данные...; ЧОИДР, 1866, тт. I и II. Romstorfer, Die Mold.-Byz. Kunst, Wien, 1896.

заказ» слабее довлел над работой мастера (Постник в Свияжске). Границы и особое существование недавних феодальных земель стирало постепенно растущее товарное обращение, вместе с этим нивеллировались и локальные особенности строительных мастеров. С этой поры можно говорить о подготовке к формированию единого русского зодчества, без членения его на областные группы, но с еще более подчеркнутым и сложным классовым расслоением. Происхождение работающего над созданием памятников этого искусства мастера также становится безразличным; территориальные определения мастера («ростовец», «пскович» и пр.) становятся пустым пережитком, за которым не следует искать серьезных архитектурных особенностей; в его постройках реже и реже наблюдаются следы старых местных традиций, еще менее индивидуальных художественных или технических приемов, но зато выступают с небывалой выпуклостью притиворечия им создаваемых построек, вызванные их различными классовыми установками.

В строительном производстве XVI в. зодчий складывался как резко выраженная индивидуальность. Источники неоднократно подчеркивают, как мы видели, их имена, чего почти никогда не наблюдается в условиях, например, Пскова. Там единичные упоминания имени мастера связаны с его экономическим ростом: в производственном отношении он вряд ли выделяется из безыменного городского строительного коллектива и не играет выдающейся руководящей роли. В строительстве Московского государства складывались иные отношения; строительных коллективов, аналогичных средневековым псковским, здесь не было; если и образовалась строительная артель, то она, будучи крайне разнородной как по своему социальному составу, так и по квалификации своих членов, неизбежно вызывала необходимость в ответственном специальном руководстве. Таковы строительные группы ростовских мастеров. Часто мастер становится во главе совсем неквалифицированной или малоквалифицированной рабочей силы, которую могло предоставить вотчинное хозяйство из числа своих деревенских слуг и работников. Отсюда выдвижение на руководящую роль самого мастера, имевшего большую строительную практику, получившего ее часто в городе на крупных строительных предприятиях.

Источники мало говорят о характере основной массы рабочей силы, подлежавшей руководству мастера, и способах ее привлечения. Говорится, например, что при крушении церкви в Дорогомилове (1549 г.,) «людей много побило, которые церковь делали», или что при пожаре постельных хором царя «взошли на чердак плотники многие и огнь угасили» (1562 г.) [1] — подобные сведения не дают никаких четких ответов на поставленные вопросы. Если только возможно выставлять в качестве аналогии организацию работ при постройке крепостей и прочих военных сооружений, то здесь все базировалось исключительно на принуди-

[1] ПСРЛ, т. XXII, стр. 531; т. XIII, ч. 2, стр. 341.

тельном труде крестьян, согнанных к «городовому делу» в порядке повинности. «Земляной город» в Москве в 1534 г. велено было делать «митрополичьим и боярским и княжьим, и всем людям без выбора», земляные укрепления г. Себежа (Ивангорода) строились «с Деревскою пятиной и с черными людьми».[1] Поэтому понятно, что деятельность известных по источникам «горододельцев» по крайней мере в XVI в. следует расценивать как деятельность не только строителей, сколько, главным образом, правительственных чиновников, заменявших «нарядчиков» и приставленных для наблюдения за этой принудительно собранной рабочей силой. Таков, например, несомненно, дьяк Иван Выродков.[2] При предположении, что и гражданские и культовые крупные постройки в значительной мере возводились при подобном же методе привлечения рабочих рук, понятно, что в функции мастера-зодчего, даже при наличии особого чиновника у работ, входила с неизбежностью и часть этих чиновничьих функций надзора. Это еще более подчеркивало значение мастера, как выделяющегося, над рабочей силой стоящего лица.

Наилучшие специалисты-мастера становились «государевыми мастерами», которыми правительство могло располагать, имея их всегда под рукой, и в этом наличии зодчих в числе прочих слуг при дворе можно, как мы говорили, усматривать зародыш колоссальной строительной организации — каменного приказа XVI — XVII вв. К наиболее ранним «государевым мастерам» относятся «великого князя мастер Андрей Малой», строитель Вознесенской ц. в Ростове, Горяин Григорьев «Царев» и, может быть, Гр. Борисов. К их же числу следует отнести «мастера церковного» Захара, присланного, по царскому распоряжению, к постройке собора в Антоньев-Сийский монастырь («и мастера церковного вам дали»), здесь он «подошву завел и сваи набил и каменем до половины выбутил. . . а церковь де мерою заведена в Вознесенскую меру, что в Девиче монастыре у нас на Москве».[3] Сюда же относится знаменитый «государев мастер» Федор Конь, строитель крупнейших крепостных сооружений Московского государства, Белого города в Москве и Смоленского кремля. Некоторые беглые указания источников позволяют думать, что этот зодчий начал свое архитектурное поприще в Болдином Дорогобужском монастыре. К этому последнему особенно тяготеет семья Федора Коня; в 1594 г. «государев мастер Федор Конь дал вкладу тридцать пять рублев». В 1600 г. «с Москвы из суконного ряду Федор Петров сын, а Федора Коня пасынок, дал вкладу 20 рублев»; среди работников Болдина монастыря встречается Мартин Иванов, сын Коня, вероят-

---

[1] ПСРЛ, т. XX, стр. 423; т. XIII, стр. 82; т. XX, стр. 430 (1535 г.)

[2] М. К. Каргер, Крепостные сооружения Свияжска, Изв. Об-ва арх. ист. и эт. при Каз. Ун. им. Ленина, т. 34. в. 3-4, стр. 135 и сл. Аналогична званию «горододельца» должность «городничего», повидимому особого лица, наблюдавшего за текущими мелкими строительными работами; так, под их руководством спешно строится мост через Москву-реку под Воробьевым в 1534 г. ПСРЛ, т. VI. стр. 269.

[3] ЧОИДР, 1878 г., т. III, стр. 31,

явления отражают в сфере строительного производства новый поворот в экономике московского государства. Вторая половина XVI в. — начало жестокого экономического кризиса, вызвавшего возврат к старым методам эксплуатации, натуральной ренте и барщине. Подготовлялось «второе издание» крепостничества. Запустение посадов и деревень центрального и западного районов государства и необходимость в то же время крупного крепостного строительства, поставленного на очередь ходом внешней политики Грозного, принуждали к учету и закреплению образовавшихся строительных кадров как на посаде, так и в деревне, для их уже принудительного использования. Складывались условия для образования и деятельности Приказа каменных дел московского государства, охватывающей период развития и ликвидации кризиса, т. е. с 80-х годов XVI в. до конца третьей четверти XVII в., когда в 60 — 70-х годах оживление ремесла, крестьянского по преимуществу, выдвигает снова подряд и наем, как основу организации строительного производства.

Вопросы, связанные с деятельностью Приказа, история развития его самого, как учреждения, а также основной вопрос об образовании и использовании строительных кадров детально и полно освещены в работе А. Н. Сперанского. К материалам и выводам автора остается добавить очень немногое, а некоторые моменты еще раз оттенить и подчеркнуть.

Характеристике руководящих строительством кадров Приказа, подмастерьев каменных дел, А. Н. Сперанский уделил большое внимание; но, оставаясь в пределах темы, дал несколько одностороннюю их характеристику. Он указывает, что основным источником пополнения рядов каменных подмастерьев были московские городские каменщики, постоянно использовывавшиеся на строительных работах, для которых каменное дело становилось основным занятием, профессией.[1] Не подлежит сомнению, что именно в Москве, центре почти непрерывного крупного строительства, местные каменщики имели особо благоприятные условия для повышения своих технических навыков, для развития строительного дела из побочного промысла в основную профессию; понятно, что из них выбирал Приказ наиболее квалифицированных в штат своих подмастерьев.

Но строительство в целом все же не покрывалось компетенцией Каменного приказа и на частной стройке мы встречаем подмастерьев, в его ведении не состоящих. Самый термин «каменных дел подмастерье» не обязательно указывает на принадлежность данного лица к штату приказа: он встречается наряду с терминами «церковный мастер», «подрядчик», часто заменяясь тем или другим и каждый раз фиксируя лишь руководящую роль данного лица в процессе производства. Этой расплывчатости значения термина способствовал в значительной мере огромный диапазон деятельности

[1] Ук. соч., стр. 127.

явления отражают в сфере строительного производства новый поворот в экономике московского государства. Вторая половина XVI в. — начало жестокого экономического кризиса, вызвавшего возврат к старым методам эксплуатации, натуральной ренте и барщине. Подготовлялось «второе издание» крепостничества. Запустение посадов и деревень центрального и западного районов государства и необходимость в то же время крупного крепостного строительства, поставленного на очередь ходом внешней политики Грозного, принуждали к учету и закреплению образовавшихся строительных кадров как на посаде, так и в деревне, для их уже принудительного использования. Складывались условия для образования и деятельности Приказа каменных дел московского государства, охватывающей период развития и ликвидации кризиса, т. е. с 80-х годов XVI в. до конца третьей четверти XVII в., когда в 60 — 70-х годах оживление ремесла, крестьянского по преимуществу, выдвигает снова подряд и наем, как основу организации строительного производства.

Вопросы, связанные с деятельностью Приказа, история развития его самого, как учреждения, а также основной вопрос об образовании и использовании строительных кадров детально и полно освещены в работе А. Н. Сперанского. К материалам и выводам автора остается добавить очень немногое, а некоторые моменты еще раз оттенить и подчеркнуть.

Характеристике руководящих строительством кадров Приказа, подмастерьев каменных дел, А. Н. Сперанский уделил большое внимание; но, оставаясь в пределах темы, дал несколько одностороннюю их характеристику. Он указывает, что основным источником пополнения рядов каменных подмастерьев были московские городские каменщики, постоянно использовывавшиеся на строительных работах, для которых каменное дело становилось основным занятием, профессией.[1] Не подлежит сомнению, что именно в Москве, центре почти непрерывного крупного строительства, местные каменщики имели особо благоприятные условия для повышения своих технических навыков, для развития строительного дела из побочного промысла в основную профессию; понятно, что из них выбирал Приказ наиболее квалифицированных в штат своих подмастерьев.

Но строительство в целом все же не покрывалось компетенцией Каменного приказа и на частной стройке мы встречаем подмастерьев, в его ведении не состоящих. Самый термин «каменных дел подмастерье» не обязательно указывает на принадлежность данного лица к штату приказа: он встречается наряду с терминами «церковный мастер», «подрядчик», часто заменяясь тем или другим и каждый раз фиксируя лишь руководящую роль данного лица в процессе производства. Этой расплывчатости значения термина способствовал в значительной мере огромный диапазон деятельности

[1] Ук. соч., стр. 127.

приказа и его агентов. Иногда путь в штат Приказа к званию подмастерья шел от рядового каменщика, через выдвижение в подрядчики, какова, например, служебная карьера Томилы Пояркова, сначала простого тяглеца, затем подрядчика и позднее подмастерья.[1] Иногда путь кончался деятельностью подрядчика, или подмастерье начинал брать частные подряды.

Как в самом штате подмастерьев Приказа, так и в частном строительстве мы встречаем большое количество строителей, происходящих не из среды московского городского ремесла. Если внимательнее присмотреться к составу этих известных по источникам руководителей построек, то можно притти к выводу, что мастера-строители выходили и из тех провинциальных районов, где развился, в большой степени, отход работников в разные места Московского государства на каменное дело, — что эти районы во всяком случае в равной мере с Москвой, участвовали в формировании квалифицированных строительных кадров как для государственной, так и для частной стройки.

Ряд подмастерьев выходит из костромских каменщиков. Таков, например, Друганко Дикарев, подмастерье приказа; один из главных строителей ц. Григория Неокессарийского (1668 г.) — Карпушка Губа («с товарищи», глава артели), крестьянин с. Исаковского Ипатьевского монастыря; большие работы на патриаршем дворе в Москве в 1699 г. ведет «каменных дел подмастерье Костромского уезда, патриарша домового села Вятцкого, деревни Окатовой, крестьянин Андрюшка Перфильев с товарищи».[2] Из кашинских каменщиков вышли два известных подмастерья, Огурцов и Шарутин, с их родичами встречаемся в списках кашинских каменщиков 1627 г., где упоминаются: «Павлик да Богдаш Огурцовы» и «Богдашка Савельев сын Шарутин, да пасынок его Богдашко же, Ондрюшка Марков сын Шарутин», «Пятунка Шарутин».[3] В тех же списках встречаем указания на происхождение братьев Костоусовых из белозерских каменщиков; там упоминаются «Якушко, Сенка и Корнилко Костоусовы» в государевых каменщиках.[4] Из псковских каменных дел подмастерьев знаем в XVII в. лишь одного Павлика Васильева, составлявшего в 1636 г. смету на постройку Зелейной палаты во Пскове.[5] Известен ряд мастеров, происходящих из посадов северных городов; в 1642 г. построена Духовская ц. в Рязани, «а мастер был Солигалицкой Василий Харитонов, сын Зубов»;[6] Успенскую ц. Далматовского монастыря в Пермском крае строил в 1705 г. каменных дел подмастерье Иван Борисов, «по реклу сорока опытный в каменном деле

---

[1] Забелин, Материалы, т. I, стр. 932; 1651 г.

[2] Акты Печерского мон., стр. 92—95; РИБ, т. XXIII, стр. 831; Забелин, Материалы, т. I, стр. 248.

[3] Успенский, Столбцы Оружейной палаты, т. III, стр. 707, 709.

[4] Там же, № 1479.

[5] Сб. МАМЮ, VI, стр. 81.

[6] Зап. русск. арх. о-ва, т. VIII, 1856 г., стр. 282.

Тюменец»;[1] в Вологде на работе по кровле собора встречаем в 1615 г. нескольких «мастеров церковных», Осифа, Левонтия и Ивана Калачникова. Эти последние, возможно, плотничные мастера, как тоже «церковный мастер» Нестер, строящий в 1615 г ц. Якова апостола в с. Спасском, Устюжской епархии.[2] Не лишено вероятия, что строитель ц. Михаила архангела в Нижнем Новгороде, каменных дел подмастерье Лаврентий Возоулин с сыном своим Антипом происходят из балахонских кирпичников, среди которых часто встречается прозвище «Заузоленин».[3] Наконец, строитель ряда известных памятников конца XVII в. (собор в Рязани, ц. в с. Уборах) Яков Григорьев Бухвостов, большой мастер и богатый подрядчик, происходит из крестьян с. Никольского, вотчины окольничего М. Ю. Татищева в Дмитровском уезде.[4]

Таким образом, если брать картину строительного производства в целом, а не только в рамках деятельности Каменного приказа, получаем существенно отличные выводы: высококвалифицированные строительные кадры слагались не только (и даже не преимущественно) из московских каменщиков, но формировались в очень значительной степени и в районах, отмеченных большим развитием в населении каменного дела, как Кострома и Белоозеро, или где было развито производство кирпича, как Балахна или Кашин.

Большое значение имело также формирование как рядовой, так и высококвалифицированной рабочей силы при монастырях, на их местном строительстве; эти специалисты в дальнейшем выходили уже с званием «каменных дел подмастерья», например, подмастерье каменных дел Калязина монастыря Аверкий (Мокеев), приезжавший 15 июля 1655 г. для экспертизы великопорожских известняковых карьеров, предполагавшихся к эксплуатации в дальнейшей строительной деятельности Иверского монастыря. Таков каменных дел подмастерье Суздальского Евфимьевского монастыря Степан Афанасьев, вызывавшийся в 1637—1638 гг. в Нижегородский Печерский монастырь для аналогичной экспертизы. Назовем еще Васку Наумова Святогорова, патриаршего подмастерья, продававшего белый камень к постройкам на патриаршем дворе. Видимо, из монастырской братии вышел «мастер Иов Веснин от Троицы с Усть Шексны», делавший в 1612—13 гг. «плотничное

[1] Пермская летопись, т. III, стр. 1135, пр. 5; там же, прим. 4, он назван «каменщиком».

[2] Там же, т. III, стр. 429; РИБ, т. XII, стр. 32—33.

[3] Писц. кн. г. Балахны. Действ. Ниж. Уч. Арх. Ком., в. V; т. XV, в. I.

[4] Изв. арх. о-ва, т. III, стр. 215; Забелин, Материалы, т. I, стр. 561. Деятельность Я. Г. Бухвостова особенно известна по Рязани «в 7205—7206 7207 лето (1697—99 гг.) строены архиерейские каменные житницы и солодовенные палаты, Георгиевская, Екатерининская и Орловская церкви, а в 7207—7208 гг. в Яковлевском и Симоновском монастырях и Ильинская каменные ж церкви; подрядчиком был при всех оных строениях означенный Никита (?) Бухвостов [вероятно ошибка]. Иероним, Рязанские достопримечательности, Р., 1889, 314. Сокращение имени мастера «Янка Бухвостов» побудило некоторых исследователей видеть в нем чуть ли не иностранца и, во всяком случае, производить его из «западного края». А. И. Некрасов, статья в сборнике «Барокко в России», стр. 62.

и каменное дело» в Кирилло-Белозерском монастыре.[1] Все эти специалисты, как видим, совмещают в себе и знатока по добыче камня и строителя — атавистическая черта, сохранившаяся в условиях крепостного монастырского хозяйства. Дальнейшее развитие отрывало производство строительных материалов от самой строительной деятельности; собственно, этот процесс в основном можно считать законченным уже в XVI в.

В сложении руководящих строительных кадров, таким образом, московский посад не играл решающей роли; они создавались и росли повсюду, где развертывалось строительство. Существенные изменения внесло также развитие и выделение строительного ремесла в деревне.

Если мы обратимся к социальной характеристике тех строительных артелей, которые обращались в строительном производстве XVII в., то будем неизменно наблюдать картину резкого преобладания в их составе деревенской рабочей силы, с обычным включением одного-двух квалифицированных специалистов каменного дела. Порядная 1667 г. на постройку Виноградной плотины в Измайлове, данная артелью количеством в 23 человека, рисует следующий состав последней:

Крестьян Костром. у.	Ипатьевского мон.		10	чел.
„ „	„ Запрудненского мон.	. . .	1	чел.
„ „	„ Кирилловского мон.	. . .	1	чел.
„ „	„ помещичьих		4	чел.
Тяглецов московских			3	чел.
Сторож			1	чел.

Постройкой руководил каменных дел подмастерье Димитрий Костоусов; в этой же артели, кроме перечисленных участников, работали двое племянников Д. Костоусова, сыновья его брата Леонтия, проходя здесь, под руководством своего дяди, строительную учебу.[2] На постройке в 1674 г. хозяйственных помещений Аптекарского двора в Москве работает крупная артель в 45 человек; в ее составе:

Крестьян Костр. у.	помещичьих		21	чел.
„ „	„ дворцовых		1	„
„ „	„ монастырских		1	„
„ Яросл. у.	помещичьих		16	„
Тяглецов московских			3	„
Угличан посадских			2	„
Костромичей „			1	„

Во главе артели стоят Гурий и Прокофий Варфоломеевы, сыновья дворцового каменных дел подмастерья, также, повидимому, полу-

[1] Леонид. Акты Иверского мон., № 67; Акты Печерского мон., стр. 203; Забелин. Материалы т. I, стр. 928; Никольский, ук. соч., стр. 72.
[2] РИБ, т. XXIII, стр. 763—766.

ающие свою квалификацию здесь, продвигаясь от рядового работника артели к руководящему положению.[1]

Наряду с обычным преобладанием в составе артелей, обращавшихся на городском — московском в частности — строительном рынке, крестьян, особенно монастырских, обращает на себя внимание выявление, пока еще слабое, специализированных районов рабочей силы. Выделяется, например, вполне определенно Костромской у., поставляющий главным образом каменщиков; эта специализация выпукло показана на материалах мобилизации рабочей силы Каменным приказом в исследовании А. Н. Сперанского. Это выявление — начальные шаги образования специализированных ремесленных районов — возможно лишь при наличии особого рынка, требующего рабочую силу. Такой рынок начинал уже определенно намечаться в крупных городских центрах с Москвой во главе. Здесь, в Москве, приток рабочей силы с периферии был настолько обычным и значительным фактом, что ее учет был особо регламентирован. «Статьи объезжим головам» от 19 III 1686 г. определяли следующий порядок: в случае прихода для найма в Москву крестьян из помещичьих имений, запись их производилась в Земском приказе; там же регистрировались самостоятельно, без явки помещикам и вотчинникам, приходившие на наем «артельми по именам», и получали свидетельство о прописке; крестьяне, приходившие на дворовую работу у владельца, имели право проживать в городе без записи; рабочая сила специально строительной высокой квалификации — подмастерья, каменщики, подвязчики и т. п. — обязана была становиться на учет Каменного приказа путем регистрации в «записной особой» книге. Артели выходили для найма на Красную площадь — общий рынок товаров, где и оформлялись сделки купли-продажи рабочей силы порядными записями.[2]

Развитие городского строительства, многообразие требований, как в отношении новых технических задач и видов постройки, так и в отношении осложнения форм зданий, влечет за собой существенные перемены в положении крестьянина-ремесленника, сохранявшего связь с сельским хозяйством. Осуществление этих новых требований уже не по плечу группе таких деревенских строителей, тем более беспомощен здесь ремесленник-одиночка. Только простейшие постройки вроде деревянных келий, тех же изб, или деревянной церкви обычных форм, доступна этому способу работы.[3] Постройка теперь связана также с наличием денежных средств у подряжающихся строителей, гарантирующих качество работы, а часто

[1] Там же, стр. 331—336.

[2] Полн. собр. зак., № 1181; об исчезновении кабальных моментов в порядных записях см. П. И. Беляев, Договор найма в русском праве, Русск. ист. журн., т. V, стр. 47; ср. Введенский, Архив истории труда, кн. III, стр. 37; о специализации районов см. П. В. Орлов, Пришлые рабочие в Москве в XVII в., Киевск. унив. известия, 1912, кн. 6, стр. 2—3.

[3] Забелин, Материалы, т. I, стр. 531; Изв. арх. общ., т. II, стр. 316—19.

ническое руководство постройкой в целом, т. е. часть специально строительную, функции «архитектора». Таков подряд на постройку Рязанского собора (1684 г.) каменных дел подмастерья Ф. Я. Шарутина, при котором, видимо, в виде прораба и подрядчика рабочей силы были записной каменщик приказа каменных дел Ем. Калинин и крестьянин Гр. Арт. Сухан, которые и подряжают крестьян для работ.[1] Такую же сложную форму принимает подряд в случае крупной работы, сдаваемой целиком на полное снабжение подрядчиками; каменные кельи Моисеевского монастыря в Москве были сданы в постройку в целом, за исключением только кирпича, подряд на эту работу объединил значительное количество крестьян с разных мест, но и нескольких подрядчиков. Весь подряд возглавил известный подрядчик и мастер Яков Бухвостов.[2]

В такие сложные формы выливался подряд под воздействием новых условий строительного производства. Между рабочей силой и заказчиком вставал ряд посредствующих лиц — подрядчик и сам строитель, подмастерье каменных дел. Развитие подряда способствовало закреплению и усовершенствованию в мастере-строителе черт собственно архитектора, предшественника «архитектуры гезелей» петровского времени. Но пока еще его знания слагались путем накопления прошлого опыта, и специальной архитектурной школы он не получал.

Если положение «государева записного каменщика» или «кирпичника» было тяжелым и вело, в связи с разорением деревенского хозяйства, к постепенной пролетаризации работника, вызывая побеги и протесты попавших в этот разряд, если обучение новых рабочих часто производилось в принудительном порядке, то иным представляется положение каменных дел подмастерьев этого верхушечного слоя строительной рабочей силы. Состояние в штате приказа на жалованьи с возможностью повышений и наград было скорее привилегированным; это звание пытаются закрепить в наследственном порядке. Среди многих биографических данных о том или ином строителе легко нащупывается порядок передачи знаний, технического опыта, а иногда и звания по семейной линии от отца к сыну, от дяди к племяннику — профессия становится наследственной. Около каменных дел подмастерья обучается один или несколько членов семьи или родственников, проходящих от работы в качестве рядового работника артели к званию подмастерья.

Так, каменных дел подмастерье Лаврентий Возоулин строит Нижегородскую Архангельскую ц. вместе с пасынком своим Антипом (1629 г.), последний к этому времени уже «царский подмастерье», из семьи Возоулиных известен еще Федька (Вазовулин, Вазовин), строящий вместе с Баженом Огурцовым Можайский кремль; с подмастерьем каменных дел Дмитрием Костоусовым работают на постройке плотины в Измайлове его племянники Савка и Илюшка,

[1] Изв. арх. о-ва, т. III, стр. 214.
[2] Забелин, Материалы, т. I, стр. 561 — 564.

отец их Леонтий Костоусов также состоит приказным подмастерьем; сыновья дворцового подмастерья — Гурий и Прокофий Варфоломеевы руководят работой на Аптекарском дворе. Семейство кашинских каменщиков Шарутиных дает целый ряд подмастерьев — Трефил, Федор Яковлев, Никитка, Марк. Последний строит стены Калязина монастыря (1648 г.) вместе с сыном своим Иваном. На постройке ц. Иосафа в Измайлове встречаем двух Мымриных: один из них каменных дел подмастерье — Кондрашка, другой — Мишка, мастер резного дела.[1]

Эти данные позволяют с полной уверенностью говорить о семейной выучке подмастерьев каменных дел как преобладающем способе пополнения и воспроизводства строительных кадров высокой квалификации. Этот способ, сопряженный с охранением накопленного опыта и новых художественно-технических приемов, обеспечивал рутинность и медленный рост строительной техники и мастерства. Очень немногие вырывались за пределы тщательно оберегаемой архитектурной традиции и создавали нечто новое, каковы, например, постройки Осипа Старцева в Киеве, но, и в данном случае, толчком послужила не столько личная одаренность и исключительные способности мастера, которых не приходится отрицать, — сколько новые, по форме и содержанию, задачи, выдвинутые заказом. Именно в силу этого старого способа квалификации, базировавшегося на накоплении *прежнего опыта*, особенно резко давал себя чувствовать «социальный заказ», решительно снижавший активное творческое значение самого мастера. Он стоял на том же самом уровне художественного развития, а иногда и ниже, чем заказчик, имевший подчас более широкий кругозор, видавший много различных построек. При отсутствии, как увидим ниже, проектного чертежа в современном его значении, *заказ выражался в совершенно конкретных требованиях определенных архитектурных форм, известных по старому зодчеству. И мастер и заказчик смотрели назад*. Только в сочетании, композиции, подробно указываемых слагаемых будущей постройки мастер имел некоторую самостоятельность. При обращении же к сложным архитектурным формам, проникавшим с Запада, мелочно регламентировался каждый профиль, каждая архитектурная деталь, заказчик буквально диктовал мастеру малознакомые формы.

Эта зависимость разрушалась и ослаблялась, с развитием в мастере-зодчем черт архитектора. Эти черты высвобождала новая организация строительного производства.

Самые строительные кадры формировались теперь не только в редких городских центрах и монастырях. Выделение крестьянского ремесла и развитие отхода ремесленников-строителей расширяет социальную базу строительного производства. При этих условиях, когда строительство ведется силами, образовавшимися в самых раз-

[1] Акты Печерского монастыря, стр. 164; Моск. акты, стр. 128; РИБ, т. XXIII стр. 331, 763; Исторический Вестник, 1896, т. IV, стр. 210; Сборник материалов для VIII археологического съезда, в. II, стр. 17.

личных районах Московского государства, когда Москва теряет *в этом отношении* ведущую роль, отпадает возможность говорить о «московском искусстве», «московском зодчестве», как о каком-то отличном от «ярославского» или другого зодчества. «Московского искусства» нет. Создается единое, территориально не расчлененное русское зодчество, распадающееся на резко отличные классовые и групповые ряды. В Москве, как крупнейшем торгово-промышленном центре, идущем в передних рядах исторического развития, этот общенациональный процесс находит лишь наиболее полное выражение. Отличие группы, скажем, Ярославских памятников XVII в. от памятников того же времени в Москве или Вологде имеет основой не территориальную или областную *замкнутость*, но различие *взаимных связей*, различие конкретных особенностей социального бытия ярославской или московской буржуазии, ярославского или московского дворянства и т. п. Встречающиеся очень редко рецидивы старых «областных» форм являются лишь исключением, подтверждающим правило.

II. Строительное производство в монастырском хозяйстве (по материалам Иверского и Воскресенского патриарших монастырей)

Монастырское строительство, развертывающееся, как мы увидим ниже, особенно усиленным темпом в изучаемый период XVI — XVII вв., находилось в привилегированном положении. Ни одно обычное вотчинное или помещичье хозяйство не могло создать для своего строительства тех условий, какие создавались при строительных работах в монастыре. Мы увидим, как «непогребенные мертвецы» умели, в обмен на молитвы, добывать себе ряд льгот, облегчавших заготовку строительных материалов, как монастыри старались прибрать к рукам пошлины в наиболее оживленных участках лесосплава. Точно также и при подготовке к крупным или мелким строительным работам — возведению ограды, церкви, трапезы или хозяйственных построек, монастырь обращался с челобитьем на царское имя об освобождении монастырских крестьян от разного рода повинностей, оброков и пошлин, с различных промысловых статей — рыбных ловель и варниц, с тем, чтобы «обеленного» таким образом крестьянина полнее использовать на строительстве; позднее особо испрашивается освобождение монастырских строительных рабочих от вызовов к «государеву делу» на Москву и иные места Московского государства.

Через весь XVI и XVII вв. идут эти многочисленные челобитные. В 1543 г., по случаю стройки каменной ограды в Троице-Сергиевском монастыре, были освобождены на год от подводной повинности крестьяне волости Илемны, а крестьяне с. с. Передоль и Почап от стройки ямского двора в Ярославце; в 1545 г. крестьяне Спасо-Каменного монастыря освобождены на три года от податей и повинностей для стройки трапезной в монастыре; Антоньев-Сий-

ский монастырь добился снятия оброка с вотчин монастыря, рыбных ловель и варниц на 7 лет — строили собор. Строительство Никоновских монастырей Воскресенского и Иверского также обставлено было рядом льгот по крестьянским повинностям и податям, «потому, что те крестьяне *беспрестанно живут* у нас, богомольца твоего, в монастыре у церковного каменного дела на работе», «а крестьяне их и приписных монастырей *беспрестанно* в воскресном монастыре у церковного великого каменного строения и у нашего, Великих Государей, хоромного и всякого монастырского нового великого построю поголовно». Монастырям удавалось освобождать своих крестьян от «городового дела», такой льготы по постройке «города» в Волоколамске добился Волоколамский монастырь, правда для постройки *в самом монастыре двух «городов»* каменного и деревянного, что было в военном отношении не менее важно, чем городские укрепления. Ярославский Спасский мон. выхлопотал освобождение крестьян от высылки к «государеву каменному делу» по случаю ремонтных работ в монастыре. Давались также льготы по заготовке строительных материалов, беспошлинный сплав леса, предоставлялись материалы из казны в заем и т. п.[1] Таким образом, монастырь обеспечивал для своего строительства основное — полное использование в нем рабочей силы, какую представляло крестьянство его имений, освобождавшееся от главных повинностей и податей, которые могли отрывать его от работы внутри монастырского хозяйства.

То строительство, к рассмотрению которого мы должны перейти (строительство Никоновских патриарших монастырей), имело еще более широкие хозяйственные возможности, созданные самым их положением. Здесь средства рядового монастырского хозяйства дополнялись тем, что это было строительство главы церкви — патриарха, крупнейшего церковного землевладельца (в его владениях было более 6 000 крепостных, Иверский монастырь к 1678 г. в одном только Старорусском уезде имел 4 177 крестьян), который, кроме того, развивал свои строительные предприятия в обстановке особо острых отношений с царской властью. Сюда, к патриаршему строительству, могла быть подтянута также рабочая сила из владений других монастырей и из дальних мест. Этим обусловливается то обстоятельство, что на стройке Иверского монастыря мы встречаем строительных рабочих из очень отдаленных монастырей и районов. Так, каменщики и кирпичники присылались из Кирилло-Белозерского, Кашинского, Дмитровского, Торжковского, Рождественского, Троицо-Калязина и Ярославского Спасского монастырей и из Новгородского Софийского дома; здесь же работают вятские обжигательщики и тверские каменщики; из Москвы

[1] ААК, I, № 207; Акты тягл. нас., II, № 13; Лет. зан. Археогр. ком., в. III стр. 2, 23 — 24; ЧОИДР, 1878, т. III, стр. 31 (1592 г.); Леонид, История Воскресенского монастыря, стр. 54, 693, 726, см. также стр. 105 (1683 г.) ААЭ, т. IV, № 219 (1677 г.); Исторические акты Спасского монастыря, т. I, стр. 191 (1682 г.); АИ. т. III, № 186; II, 48; Шумаков, т. IV, стр. 429.

присылаются кирпичники и «лодейные и карбасные мастера»; плотники собираются исключительно со своих вотчин. Таков район, с которого стягивалась квалифицированная рабочая сила для патриаршего строительства.

Каждое строительство, а особенно провинциальное, представляло в изучаемый период своеобразное соединение целого ряда производств, необходимых для него. Стройка производилась на основе натурального хозяйства. Лишь небольшая часть материалов закупалась на рынке; основная же их масса вырабатывалась здесь же: на месте ломался камень, жгли известь, копали глину, делали и жгли кирпич, велись лесные заготовки. Здесь же ковали «снасть» кузнецы и «наваривали» необходимый инструмент. Внутри Воскресенского монастыря, по описи 1669 г., была «позади клюшни печь известная, а в ней каменье известное не обозжено», позади келий стояла «кузница каменная, а в ней три горна, крыта тесом»; инструкция к описи монастыря (1679 г.) указывала описать в монастыре же и в сараех известь и кирпичь и иной всякой монастырской завод».[1] Так же было организовано строительство Иверского монастыря. Около с. Великий Порог ломали и пережигали известняк, у глиняных залежей шла выделка кирпича, в Боровичах рыли белую глину; села и деревни (Выдропуск, Медна, Шумаково, Кулганово) готовили строевой лес; в Вышнем Волочке тесали жернова для новой монастырской мельницы; небольшая часть материалов (кирпич, известь и железо) была куплена в Новгороде.[2]

Около каждого из этих производств образовалась и получала свою выучку местная крестьянская рабочая сила. На великопорожских ломках и «у известкового зженья» при руководителе, старце Левкее, и «новгородских зарядщиках» были «ученики» — крестьяне Великого Порога.[3] Часть строительных материалов заготовлялась в порядке оброка крестьянами; выше мы указывали «известной оброк» с великопорожского и Березовского рядков; в Звенигородском же уезде патриаршие крестьяне также заготовили «в платеж» 100 сажен буту.[4] Все строительство возглавлялось приставленным к нему сыном боярским Токмачевым; на его обязанности лежали все административные и хозяйственные дела, учет материалов и надзор за рабочей силой. Каждая отрасль обширного строительного производства поручалась особому «старцу». Белокаменными ломками ведал старец Левкей, специалист этого дела и вместе административное лицо, в ценинном деле упоминаются «изразешный монах Анания» и старец Палладий, были также и «кузнишные старцы».[5] Если в каменном и известковом деле и производстве изразцов учет продукции стоял не высоко, и тот же

[1] Леонид, Историческое описание, стр. 152, 153, 191 – 192.
[2] Акты Иверского монастыря, №№ 24, 39, 58, 113.
[3] Там же, №№ 57, 58.
[4] Историческое описание, стр. 667.
[5] Акты, № 90; Историческое описание, стр. 415 – 416.

старец Левкей мог обманывать монастырские власти относительно производительности своего промысла,[1] то в кузницах, производивших выделку строительного инструмента, сварку связей и т. п., оперировавших с очень дорогим по тому времени железом, этот учет был поставлен очень точно. «Кузнишный старец» вел многочисленные книги и тетради учета как материалов, так и работы и отпуска изделий кузниц; им велись «книги расходные всякому дельному железу», «книги расходные железные казны», «книги всякому кованному железу раздачи», «переписные кузнешному всякому заводу и снастем и железу» и т. п.[2]

Монастырь концентрировал на своих работах высококвалифицированную рабочую силу: здесь были каменных дел подмастерья, специалисты подвязчики, московские — мастер связного дела, каменщики и кирпичники, специалисты строители из других монастырей.[3] С этой частью рабочих смешивалась и вместе с ней работала основная масса местных крепостных строителей: каменщики, кирпичники и обжигальщики, взятые почти со всех ближних селений вотчины монастыря.[4] Почти все прилежащие к монастырю вотчинные села и деревни давали и рядовую рабочую силу к каменной работе, здесь она специализировалась и проходила выучку каменного и кирпичного дела под руководством работавших здесь специалистов. Никон, направляя 38 человек каменщиков из разных монастырей, приказывал взять 10—12 человек монастырских кирпичников «для ради учения каменного дела и велеть делать с ними же»;[5] новое хозяйство формировало вновь своих местных мастеров. На стройке Иверского монастыря, к концу ее, уже имелись строительные рабочие с большим стажем в 11 лет, начинавшемся на кирпичной работе (3 года) и продолжавшемся на каменном, собственно строительном деле.[6] «Беспрестанное» житье крестьян у «монастырского построю» давало свои результаты. И монастырь действительно превращался в средоточие квалифицированного труда. Сюда обращались за ним со стороны; требовали печников, присылали учиться «оконичному мастерству», на выучку к иверским кирпичникам ставились, например, крестьяне, присылаемые из Калязина монастыря.[7] Особенно развилось в Иверском монастыре производство изразцов, которое монастырь наладил при помощи переселенцев из белорусских городов — Орши, Копоса и Мстислав-

---

[1] Акты, № 67.

[2] Историческое описание, стр. 583, 586, 587, 592—593, 186.

[3] «Перед постройкой Иверского мон. Никон посла строителя старца нарочитого, и с ним своего патриарша дому сына боярского и с прочими людьми мастеровыми и к тему строению потребными...» Житие св. патр. Никона, писанное некоторым бывшим при нем клириком. СПб., 1817.

[4] Вот их перечень: Боровичи, Спасское, Потерпелец, Горки, Подол, Тиней, Ефремово, Богородицыно, Долгие бороды, Полоз, Едрово, Рядино, Ящерово, Ямелбицы, Выш. Волочек, Березовский рядок, Лисий монастырь, Березань, Вел. Порог.

[5] Акты, № 120 (2).

[6] Там же, № 205 (2, 3).

[7] Там же, № 352, 90 (7).

ля. За «муравленными изразцами» и «ценинными печами» обращались к иверским мастерским неоднократно, и они начинают обслуживать и сторонних заказчиков.[1] Среди этих белорусских выходцев, специалистов не только ценинного дела, посадские люди и мещане западных городов являются наиболее квалифицированными мастерами, в собственном смысле слова, в обучении у которых состоят крестьяне тех же западных мест; городские ремесленники, втянутые в обиход строительства Никоновских монастырей — представители и наиболее четко откристаллизовавшихся профессий. Например, среди них уже определились «столяры деревянного дела»;[2] эту квалифицированную силу, после ухода Никона, забрала Оружейная палата.

Подготовка своих специалистов шла вполне организованно. Мастерам сдавались в выучку ученики по порядным записям, под их руководством они проходили свой стаж; так, оконичному мастеру «москвитину, Андрею Федорову», платили «за ученья монастырских служебников И. Рудакова да А. Козакова»; «малому Якушке Тарасову, который учится котельному (делу)», давали деньги на платье.[3] В дальнейшем, к новой стройке Воскресенского монастыря, уже требовались из Иверского каменщики, кирпичники и творильщики, «а кирпичники б все *старые, которые года по 4 и по 5 и более, а новых бы не было»;* эти специалисты были уже известны поименно — запрашивались прямо «умеющие» кирпичные обжигальщики д. Ящерова, Трофим Григорьев и Бориска Иванов.[4] Таким образом, слагавшиеся строительные кадры использовались вновь и вновь, профессия каменщика или кирпичника закреплялась за крепостным, постепенно ослабляя его связь с деревенским хозяйством. Выходившие к работе взамен своих братьев вскоре сами начинали «каменное дело добро делати».[5] Даже увечье не скидывало работника со счетов монастырского хозяйства — два брата Аристовы, поломавшие руки на каменном деле («домишко их раззорилось, потому что оба брата стали увечны»), были освобождены только на год. Иногда со специалистами поступали решительнее, переводя в монастырь на вечное житье. Так случилось с творильщиком Беляйкой, которого приказано было «перевезти с женами и детьми и крестьянскими животы на вечное житье в Воскресенский монастырь».[6]

Монастырское строительство, отрывая крепостных от сельского хозяйства, делало их специалистами каменщиками, кирпичниками и т. п., а развал хозяйства, шедший следом за этой работой в монастыре, часто толкал обнищавшего крестьянина к работе по найму, делая его постепенно представителем «вольницы». Этому

[1] Акты, № 331, 342, 356, 364 и др.
[2] Историческое описание, стр. 760 и сл.
[3] Там же, стр. 386.
[4] Акты, №№ 194, 158.
[5] Там же, № 236 (4).
[6] Там же, № 176.

сячески пыталась противостоять вотчинная администрация, крестьянам было строжайше запрещено наниматься за деньги у сторонних людей «и всякие промыслы займовать» под страхом нещадного битья и оков (1666 г.). Монастырь пытался административными мерами приостановить начавшийся отход на заработки и удержать в своем распоряжении всю рабочую силу целиком.[1]

Если каменщики и кирпичники на строительстве монастыря руководились и могли совершенствовать свои примитивные приемы при совместной работе с московскими мастерами и квалифицированными работниками из других монастырей, то на квалификацию плотников, поставлявшихся исключительно из вотчинных деревень монастыря, не обращалось никакого внимания; правда, один раз упоминается о присылке трех старцев-плотников к постройке трапезной, которые были, повидимому, именно плотничными мастерами.[2] Очень существенно то обстоятельство, что плотники приходят из определенных районов монастырских владений — из Старорусских погостов, Клинской волости (наемные), из сс. Кулганова и Медны. Последние являлись в то же время местами заготовки лесоматериалов вместе с сс. Выдропуском и Шумаковым. Таким образом, плотники образовались в районах лесозаготовок. Никон в одном из первых, подготовленных к постройке распоряжений о заготовке леса предлагал, по возможности, рубить хоромы и избы на месте рубки леса; это показывает, что и плотничное дело и заготовка леса велись одними и теми же плотниками; правда, один раз мы встречаем упоминание о «лесосеках» — специальных лесозаготовительных работниках.[3] Однако в этих специализировавшихся на плотничестве районах уже происходит мало-по-малу выделение особых мастеров своего дела, лучшие медненские плотники делали на монастырской мельнице «колесная дела и иные мудреная дела мельничные», монастырскому плотнику Никите было «за обычей» мостовое дело. Вотчинная администрация знает уже наперечет «лучших» медненских плотников: Филатку Перфильева, Ивашку Родивонова, Сидорку Алексеева, Пантелейку Игнатьева, Кудинку Иванова и Оску Алексеева.[4] Ввиду, сравнительно, небольших потребностей в плотниках при каменном строительстве монастыря, их берут, по преимуществу, наймом; клинские плотники получают 1 р. в месяц на монастырском хлебе, «лучшие» плотники с вотчины — 2 ал. в день на своих харчах, «а которые будут иные плотники у вас на деле *середние* — найму — 10 денег на их же хлебе».[5]

Монастырское хозяйство чрезвычайно скупо шло на предоставление строительным рабочим орудий производства и корма из имевшихся в монастыре запасов, чаще привлекая рабочую силу со

---

[1] Акты, 241 (5)
[2] Там же, № 36.
[3] Там же, № 39, 18.
[4] Там же, № 128, 36.
[5] Там же, № 35.

своим инвентарем, — плотники с вотчин должны были являться к работе «с их крестьянскими запасы и с добрыми топоры», также и вотчинные кирпичники выходили часто со своим хлебом.[1] В тех же случаях, когда приходилось снабжать работников инструментом, его охрана и учет проводились крайне щепетильно. В порядной на ломку камня и обжиг извести обжигальщика Даниловских сараев Федора Васильева, настолько состоятельного подрядчика, что обжиг ведется им «своими дровами» и своими «работными людьми», однако оговорено «взять из монастырских снастей железных» почти весь необходимый инвентарь. Всякую поломку его Васильев обязывался чинить на свои средства и своим железом, а по окончании работ сдать как инструмент, так и лом точным весом обратно монастырю; такие же условия фиксированы и в другой порядной на известь и белый камень Островских крестьян.[2] Только в случае порчи или утери, например, топора монастырь продавал его плотнику, причем здесь не обходилось без злоупотреблений со стороны администрации. Никон упрекал иверского казначея Гурия: «и трудников монастырских служек и служебников и наемных плотников и всяких работных людей в зажилом и в наемных деньгах и в платье оскорбляешь без рассмотрения, и за тем де монастырское строение стало худо, чинитца мотчанья, а работники плотники и всякие мастеровые люди за тем идут все розно, жить не хотят; а у которых плотников у пришлых испортитца топор, а сделати им негде, и те плотники бьют вам челом, чтоб дати им топоры в цену из монастырской казны, а деньги за топоры зачитати у них из наемных денег, и ты де им даешь топоры худые, а денег просишь за топоры по 4 гривны; или у которого работника истопчютца лапти, а купити им негде, и они бьют челом вам, чтоб им лапти давали вы из казны, а за те лапти имали по грошу за лапти, а ты де за те лапти просишь у них по 2 гроша и по алтыну; и за тем де плотники и всякие работные люди в монастыре жить не хотят».[3] В свете подобных заявлений понятны наказы сыну боярскому Токмакову, возглавлявшему, вместе с игуменом, руководство стройкой, — «не воровать из монастырских запасов», а игумену «не оскорблять наймом работников», честно выплачивать наемные деньги, чтоб работники «с радостью делали».[4]

Вопрос о соотношении крепостного и наемного труда в строительстве монастырей чрезвычайно сложен. Мы встречаем здесь, при подавляющем значении крепостной рабочей силы, совершенно не оплачиваемой, меньшее количество крепостных работников и спе-

---

[1] Акты, № 195, 174 (13).

[2] Историческое описание, стр. 739 — 740, 740 — 741.

[3] Акты, № 413. «Монастырские орудия» «от железных вещей, сиже есть секира и ножи и гвоздие и пила и подобныя тем вещи» особо ценятся в монастырском хозяйстве, и от воровства их предостерегают монахов игумены. Духовная Иосифа Волокол., Вел. Минеи Четьи, изд. Археогр. Ком., сентябрь, стр. 526; Поучение Геннадия Костромского, Яросл. Епархиальные Ведомости, 1873, стр. 193 — 194.

[4] Акты, № 63, 21, 35, 120.

циалистов, получающих жалованье, и, наконец, наемных рабочих, привлеченных к строительству как с посадов, так и из деревни. Это соотношение трудно выявить и потому, что в самом монастырском хозяйстве, в ряде случаев, не отчетливо представляли себе, где кончается крепостной труд и где начинается наемный. Так, старец Левкей запрашивал, оплачивать ли «учеников известного жженья», набранных с вотчин, спрашивал, видимо, потому, что эти ученики становились достаточно квалифицированными.[1] Во всяком случае, можно наметить некоторые общие линии этого процесса.

Если мы обратимся к документам Иверского и Воскресенского монастырей, то сможем уловить два момента. Начальный период строительства характеризуется довольно широким применением наемного труда, дополняющего основные крепостные ресурсы рабочей силы, дальнейшее развитие стройки протекает исключительно на крепостном труде при ничтожном привлечении наемного.

Никон начал свои строительные предприятия с весьма «благими намерениями», его заботы о «неоскорблении» работников дали повод издателю иверских актов изображать его как «заботливого хозяина». Неограниченные средства патриаршей казны позволяли строить работы с большим включением наемного труда. Для строительства Иверского монастыря это период с 1653 по 1658 гг. В это время по найму работают не только пришлые работники, но отчасти и крестьяне вотчин. В 1653 г. Никон приказывает нанимать людей на заготовку леса, извести и глины, т. е. на простейшие подготовительные работы. «Да яз слышал, — пишет он, — что де скорбят крестьяне и плотники *могороця мало дасшь:* и тебе б отнюдь не оскорблять наймом никаких наймитов и *даром бы немного нудить*». Здесь речь идет о крестьянах вотчин, которые, работая у строительства в порядке барщины, получают некоторый нерегулярный «заработок», в виде «могороця», живя на своем хлебе. Но не только свои крестьяне работают у Никона — «буде *своих* мало крестьян и тебе б *со стороны нанять*», приказывает он монастырским властям. Так пришлось «принанять» плотников. В 1654 г. в Москве «озадатчено» и пришло в монастырь 110 московских наемных кирпичников, работают по найму лучше вотчинные плотники, лесосеки и возчики извести. Нанятые «со стороны» получали «наемные деньги», но с вычетом монастырских «хлебов» и прочих запасов, эти деньги были, видимо, ничтожны, казнокрадство и произвол администрации делали положение совершенно нестерпимым. В 1655 г., в этой связи, наемные каменщики, кирпичники и другие работники «монастырю пакости великие учинили», почему указано было быть им на своем хлебе.[2]

В 1657 г. происходит ряд событий, меняющих картину. Недород хлебов, сильно развившаяся, повидимому, от эпидемической болезни, смертность работников, отписка за государя вотчинных

---

[1] Там же, № 57.
[2] Там же, №№ 18, 21, 36, 43, 57 (2).

корелов, а главное, критическое состояние рынка рабочей силы («вольных нет», «плотников наймуем дорогой ценой», кирпичников нельзя найти в Москве и Новгороде)[1] — все эти явления ведут к сокращению найма, почти полному его исчезновению. Кроме того, в этом году развертывается стройка в Воскресенском монастыре, оттягивающая массу средств. О применении там, на первых порах, наемного труда и его значительных размерах говорят многочисленные «столпы росписей», «что работали каменьщики и кирпичники и плотники и сколько дней», росписи, «почему плачено каменьщиком и плотником за работу» и т. п.[2] Истощалась и патриаршая казна, расходуемая огромными суммами на другие предприятия Никона. В 1658 г. начался разрыв Никона с царем, уменьшились тысячные царские подарки, а в 1659 г. Никону уже приходилось оправдываться от обвинения в казнокрадстве: «из казны же я не взял, — пишет Никон, — но только удержал, сколько нужно будет издержать на церковное строение и по времени хотел отдать, да еще дал в отшествие мое, воскресенскому казначею, чтобы расплатиться с рабочими. А где прочая патриаршая казна, — это явно перед всеми: строил двор московский, стал тысяч десяток и более; насадный завод тысяч десяток стал»...[3] Недостаток средств давал о себе знать и раньше, например, в 1655 г. по этой причине нельзя было нанять каменных ломщиков для разработки обнаруженных в имении помещика Костюрина известняков и пришлось привлечь к работе вотчинных крестьян.[4]

Следя за дальнейшим ходом строительства, мы чаще и чаще встречаем вместо либеральных деклараций о «неоскорблении наймом», о нежелательности «нудить даром» крестьян, приказы о «наказании перед миром» беглых работников, «учинить наказание без пощады за то, что он сбежал» и т. д.[5] Эти кары обрушиваются на вотчинную крепостную массу, которая все сильнее втягивается в оборот разрастающегося строительства, — целые партии крепостных строителей перебрасываются из конца в конец обширных и отдаленных вотчин и монастырей.

Вместе с местными крепостными работниками можно рассматривать и те группы каменщиков и кирпичников, которые стягивались из различных монастырей приказом патриарха на строительство Иверского и Воскресенского. Отсюда, в первую очередь, и исходит резкий протест против превращения обычной барщины в непрерывную «отработку» на своем хлебе с полным отрывом от своего хозяйства. Иверский игумен пишет в 1655 г.: «да каменьщики, государь Троицкого монастыря бесчинствуют: наших служек пере-

---

[1] Акты, № 90 (1, 2, 3).

[2] Историческое описание, стр. 187—188.

[3] Макарий, История русской церкви, т. XII, стр. 345, Спб., 1883. На постройке патриаршего двора в Москве большая часть рабочих были крестьяне патриарха. Забелин, История города Москвы, стр. 542—543.

[4] Акты, № 67.

[5] Там же, № 149, 158.

били и с шумом ко мне гилем к кельи дважды приходили». Этих, согнанных из других монастырей работников, около которых обучались и местные специалисты, приходилось ставить в особые условия, чтобы не повторялись подобные вспышки. Никон, направляя 38 монастырских каменщиков (кашинских и кирилло-белозерских), писал: «и каменьщиков бы вам потешать, чтоб с радостью делали».[1]

Уже с первых шагов строительства привлечение к нему крепостной рабочей силы упиралось в расшатывание крестьянского хозяйства. Выжимание «работников добрых, могутных» из крестьянского двора имело на другом конце его развал. Уже в 1655 г. старорусские погосты отказывались дать рабочую силу (плотников и др. даточных людей), с. Медны не вывозило лесных припасов, крестьяне же ближайших к лесозаготовкам деревень «изнемогли» от постоянной работы («клячи, государь, у крестьянишек худые»); встала из-за невывозки леса постройка келий («выбивать со всех вотчин крестьян страшно, потому что лошади гораздо падут по деревням»). К 1657 г. положение было таково, что монастырские чиновники писали: «а людей вотчинных работников намале, подъятца никим, а волных людей нет, нанять стало никого». И эти наемные люди, видимо, предпочитали не попадать в кабалу монастырского строительства: в 1655 г. бегут с пути вятские кирпичники — из партии в 100 человек в монастырь прибыло 34 человека, вятские же кирпичники в 1657 г., забрав аванс, бежали. Позднейшие челобитные крестьян об освобождении от строительных работ рисуют картину обнищания крестьянского хозяйства; крестьянин с. Рахина просил освободить сына, так как сам стар и уже не может пахать; семья каменщика Петра Васильева, работавшего 10 лет на стройке, «в конец раззорилася»; у каменщиков Фомки Ананьина и Марчка Сысоева, работавших тот же срок, семьи повымерли и они «оскудели»; но все же случаи снятия с работы были крайне редки. Крестьянин Вышнего-Волочка каменщик Микитка Федоров был освобожден по маломочности, также был освобожден каменщик д. Д. Бород Илюшка Максимов, так как его два брата, взятые в каменщики, умерли, а когда взяли его, умер отец, «стали голодны».[2]

Может быть, некоторой попыткой смягчить положение «беспрестанной» работы были редкие примеры сменности работы на постройке. Первый случай для Иверского строительства относится к 1658 г., когда взятых к работе на Выдропускскую мельницу медненских плотников велено было держать «попеременно», «понедельно». Позднее в Воскресенский монастырь, вместо работавших там старорусских, приказано набрать в вотчинах новую группу плотников; также группа каменщиков просила о смене, о чем и последовало распоряжение.[3]

[1] Акты, № № 63, 120.
[2] Там же, №№ 63, 90(1), 188, 205(2-3), 241(3-5), 65, 90(6).
[3] Там же, №№ 128, 174(13), 176(4), 1664 г.

Все же тяжелое положение крестьянского хозяйства не переставало ухудшаться. Тяглая способность деревни падала. Побегами с работ, уходом из-под власти монастыря отвечали крепостные строители на непосильную перегрузку монастырской барщины. Когда по «росписи», присланной на требуемых в Воскресенский монастырь кирпичников, попытались взять карелов, то последние ответили: «будет де станет с нас великий государь имать детей наших в кирпичное дело, и мы де разбредемся розно, что нам такое дело не за обычай», а от себя монастырь намекнул Никону на слухи, что карелы «хотят бежать на старину» к «немцам».[1] Со своей стороны монастырская администрация пыталась остановить оскудение деревни и уберечь свои падающие доходы.

Этот вопрос рассчитывали разрешить отбором «семьянистых работников.

В 1662 г., запрашивая кирпичников, власти Воскресенского монастыря писали; «а которые у вас одинокие... каменьщики и кирпичники и вам велено вместо тех *иных от семей выслать* не замотчав... которым бы кирпищиком было в измогу»... и прилагалась роспись «семьянистых» крестьян. «Бедные и бессемейные люди в кирпичниках впредь не прочны» и всячески стремились вернуться к деревенскому хозяйству. «Роспись» семьянистых крестьян однако не могла быть выполнена, так как «много в той росписи написано людей бедных и одиноких и иным такое кирпичное дело будет не в измогу: малы и скудны, *и у многих, государь, у водиноких участки будут впусте*», были в росписи и «робята малые», которые по малолетству не годились. Послан был в вотчины «старец» для точного учета «семьянистых» крестьян; по этой переписи брали третьего человека от семей, «работников добрых, могутных, кому кирпичное дело в измогу, и впредь были прочны и участки впусте не залегли и монастырское сделье не стало»; но и этих семьянистых крестьян было очень немного, с некоторых деревень удалось взять по 15 человек. «а больше того в тех селах и деревнях семьянистых крестьян (взять)... не с кого, все бедны и одиноки, а..., великий государь, и есть детишки сына по два, и те малы и в работу не годны».

По челобитной медненских работников, бывших на работах в Воскресенском монастыре, пришлось еще запретить брать из семей косцов «в домах де у них никого не осталось, сена укосить у них для их домашней скотинишки некому». На последующие запросы о рабочей силе для Воскресенского монастыря, Иверский монастырь ответил уже отказом: «семьянистых людей нет, а которые семьянистые люди и есть, и с них, по твоему, великого господина, указу, каменьщики со всех взяты». Строительство вытягивало из деревни (и при введенных льготах) основное работоспособное население: «в домах только остаются старые, которые к увечные люди». Исчерпывались и силы специалистов: монастырь

---

[1] Акты, № 152.

высылал вместо «лучших» работников «новиков, кои во век каменного дела не видали».[1]

Такова характеристика разрушительного действия, которое оказывало выкачивание рабочей силы к строительству на крестьянское хозяйство в вотчинах. Документы, цитированные здесь, охватывают период с 1662 по 1666 гг. И в августе 1666 г. Никон делает запрос монастырским властям о состоянии и податной способности тех дворов, с которых были взяты на работу в монастырь кирпичники; он ставит ряд «статистических» вопросов на эту тему: «кто от сколких семей из крестьян взят в кирпичники, и сколько под кем тягла было и кто (из) тех кирпичников, ради того кирпичного дела, с него обелен или не обелен с своей доли, а будет кто обелец и что было с него довелось взять в монастырь, против протчих крестьян, с деревенского его участка, против тягла, с его дома подвод, и денег, и хлеба, и изделья, и работников, и всяких мирских розметов в год, и *во что*, коего села, коему кирпичнику, *те подводы и хлебные доходы и работники или изделье станет в год*».[2] Здесь Никон задается вопросом, что целесообразнее и выгоднее для монастырского хозяйства — дальнейшее ли внедрение барщины и оброка строительными припасами как основы строительства, или перевод «изделия» и «хлебных» доходов на денежный расчет. Поэтому он и запрашивает, «во что» эти статьи «станут в год», в частности, в хозяйстве кирпичников. Ответ властей монастыря, к сожалению, или не сохранился или не был составлен.

Повидимому, этот запрос имел и реальные последствия. Еще до этого, в 1665 г., в старорусском уезде, вместо взятия 30 человек плотников, был произведен сбор по 15 р. за каждого, всего 450 р., а в 1666 г. предлагалось или прислать к работам в Воскресенский монастырь иверских или старорусских плотников или собрать деньгами в половинном против прошлого года размере, т. е. по 7 р. за работника.[3] Эта замена строительной барщины денежной рентой еще очень слабо намечается в монастырском строительстве в 60-х годах. К этому имелись предпосылки еще и с другой стороны. К тому же 1666 г. относится приводившееся выше указание, что квалифицированные на строительстве и им же разоряемые крестьяне начинают работать по найму на стороне. Этот «отход» пытались задержать угрозой «нещадного битья и оков». С удалением Никона в 1666 г. в Ферапонтов монастырь, строительная деятельность Иверского и Воскресенского монастырей замирает, возобновляясь снова лишь с 1679 г., когда было приказано царскому приближен-

---

[1] Там же, №№ 151, 154, 152, 153, 161, 234(1), 235(3); Историческое описание, стр. 704; А. Введенский, Заметки по истории труда на Руси, XV-XVII вв. Архив истории труда, кн. 6—7, стр. 18.

[2] Акты № 241,(2); Сперанский, ук. соч., стр. 192.

[3] Акты, №№ 193, 224(6). С аналогичным явлением встречаемся во второй половине XVI в., когда, напр., с вотчин Краснохолмского мон. собирается доход «за плотников и за кирпичников» частью в денежной форме («по алтыну с выти»), частью натурой. Издатель архива м-ря предполагал, что это «оброк с отхожих промыслов» (Древн., Тр. МАО, т. VIII, стр. 3, 57; 1560—64 гг.).

ному Михаилу Лихачеву Воскресенский монастырь «о всяком снабдении ему вручити и о строении великия церкви попечение имети».[1]

В 80-х годах происходят существенные изменения в ведении монастырского хозяйства: натуральный оброк по основным статьям начинает заменяться денежным, перелагается на деньги сбор столовых, казенных, конюшенных и дровяных припасов, с кузниц и мельниц идет также денежный оброк.[2] Монастырское хозяйство постепенно становится денежным. Чаще и чаще строительные материалы приобретаются покупкой. Так, в 1693 г. лес почти исключительно покупается у крестьян, подрядчиков, «на возах под монастырем».[3] Сказываются эти перемены и на организации строительного производства. При постройке ограды Ново-Иерусалимского монастыря в начале 90-х годов грамотой из Поместного приказа «*на то ж каменное строение велено сбирать деньги* с приписных монастырей и вотчин Луховского уезду с Тихоновой пустыни, Мосальского Уезду с Боровенского монастыря, Карачевского уезду Воскресенского монастыря. . .»; в 1693 г. «принято с Жерновского монастыря с крестьян *за наемных плотников 10 р. 13 а. 2 д.*», «да Нищевского мон. д. Ершова с крестьян за наемных плотников 39 алтын».[4] С крестьянского и бобыльского двора приходилось по полуполтине, ежегодно это составляло сумму около 650 р., а за все время стройки, вместе с государевыми пожалованиями, составит примерно 6300 р., издержанных только на рабочую силу, не считая расходов по выделке строительных материалов, кирпича в частности.[5] Грамота Поместного приказа так и определяла новые принципы организации строительного производства: «*и на те деньги к тому строению припасы, какие понадобятца, покупать и работных людей подержать*, а кому имянем, и за какое дело и сколько денег в дачу будет, и то записывать в книги, а деньги отдавать с расписками, также что будет куплено и по которой цене, записывать имянно ж».[6]

Хозяйство патриарших монастырей в своей строительной деятельности базировалось, главным образом, на труде крепостных строителей. Большие средства и почти неограниченные возможности, при наличии росшей казны патриарха, позволили вести значительную часть работ наемным трудом. С 1657 г. наступает довольно решительный перелом, вызванный рядом общих и частных причин, заставляющих монастырское хозяйство всю тяжесть растущего в это время строительства взвалить на крепостных местных монастырских вотчин, а также и других монастырей, подвластных Никону, как верховному феодалу. «Строительная барщина» превра-

[1] Историческое описание, стр. 37.
[2] Там же, стр. 367, 371.
[3] Там же, стр. 398—401, 404—407 и др.
[4] Там же, стр. 116, 383.
[5] Там же, стр. 117.
[6] См. также рассказ о подряде на стройку ограды в житии Ефросина Синозерского (XVII—XVIII вв.), Новгородские епархиальные ведомости, 1901 г. № 3, стр. 173.

щается в непрерывную барщину на патриарших стройках. Это, с одной стороны, разоряет крестьянское хозяйство работника, ведет к его обнищанию, а, с другой стороны, делает из крепостного земледельца квалифицированного строителя-ремесленника. Строительное производство в феодальном хозяйстве этого времени форсирует процесс создания наемного рабочего, выталкиваемого из сферы сельского хозяйства, подчас окончательно порывающего с ним. Угроза «нещадного битья и оков» за «займование всякими промыслами» со стороны монастырских властей этого процесса остановить не в силах, равно как не останавливают развала крестьянского хозяйства ни попытка сделать строительную барщину «сменной», ни ставка на «семьянистых» работников. Запрос Никона имел задачей нащупать выход из создавшегося в его грандиозных строительствах положения. Перерыв в строительстве, связанный с удалением Никона, надолго снял этот вопрос с очереди. В 80-х годах строительство возобновляется в новой обстановке. Переход монастырского хозяйства на денежную ренту, замена ею ряда натуральных доходов, создает возможность развертывать значительную часть строительства наемным трудом, несколько оттесняя «строительную барщину». А «наемные рабочие» к концу XVII в. уже имеются в лице того же крепостного крестьянства, идущего на отхожие промыслы строительными артелями, в одиночку или в виде той «больницы» («предпролетариата»), создавать которую помогало, как мы пытались показать, строительное производство в крепостном хозяйстве.

III. Проблема рабочего чертежа в строительном производстве XVII в.

Вопрос о рабочем чертеже в практике древне-русского зодчества, один из основных для понимания особенностей последнего, до сего дня не привлекал исследовательского внимания. Имеются лишь некоторые беглые замечания, не возлагавшие на их авторов никаких обязательств к дальнейшему рассмотрению задетой мимоходом проблемы. Таково, например, упоминание об отсутствии «чертежного начала» в зодчестве Новгорода и Пскова, где не чувствуется «острота очертаний», вносимая лишь позднее в «русском ренессансе». Этим последним термином Лукомский, автор приведенного мнения, обозначает, в частности, архитектуру Костромы XVII в. Следовательно чертеж XVII в. наложил, по мнению автора, существенный отпечаток и на стиль зодчества.[1] Противоположного мнения придерживается М. Красовский, отмечая «совершенное незнакомство с искусством черчения и чтения чертежей» у русских плотников и составление их лишь для важнейших каменных сооружений, строимых иноземцами. Чертеж был непонятен заказчику, а разработанная терминология и «самобытные» архитектурные формы

[1] В. К. и Г. К. Лукомские, Кострома, стр. 76, СПБ, 1913.

были знакомы и понятны; чертеж заменялся поэтому словесным определением форм и масштабов здания и необходимость составления старостой артели предварительного эскиза или проекта отпадала.[1] Забелин указывал, что «чертежи, хотя и деланные обыкновенно от руки, по глазомеру, составлялись и в то время [XVII в. *Н. В.*] по случаю *каждой* постройки».[2] Касаясь организации строительства укреплений Пушкарским Приказом и кадров, имевшихся в его распоряжении, Ласковский пишет, что работа должна была «производиться по чертежам, составленным в Приказе, отступление допускалось только в том случае, когда место и свойство ограды не могли быть определены заранее, но и тогда строитель был должен составить чертеж или подробное описание проэктируемого укрепления»; «для составления чертежей должен был образоваться новый класс художников под названием *чертежчиков*, которые находились не только в Пушкарском приказе, но и в других городах, и посылались вообще в те места, где производились новые сооружения. Но в каком составе находились городовые мастера и чертежчики? Принадлежали ли они к военному сословию? Какие меры принимались правительством для специального их образования? — все эти вопросы остаются до сих пор не решенными».[3] Ряд мелких замечаний встречаем у Грабаря и Никольского в сводных изданиях по русскому искусству. Однако это не меняет положения и не разрешает вопроса, который был лишь чрезвычайно второстепенным для формальной, а тем более для эстетствующей школы искусствоведов, и, наконец, *чертеж совершенно не интересовал со стороны своей роли в строительном производстве*. А. Н. Сперанский в своей работе указал, что чертеж был исключением в строительстве XVII в., и, как правило, заменялся накопленным опытом и ссылкой на «образец».[4]

Термин «чертеж» уходит своими корнями к древнейшим стадиям человеческого общества. Н. Я. Марр неоднократно подходил к этой теме. Отмечая первоначальную неотдифференцированность терминов 'писать', 'рисовать' и 'шить' на стадии письма — магии, он указал дальнейшее использование письма в качестве средства «утверждения прав собственности на орудие, скот, особой меткой знаком».

[1] М. Красовский, Курс истории русской архитектуры. ч. I. Деревянное зодчество, СПб, 1916 г., Введение, стр. 14—16. Автор так же бегло останавливался на анализе чертежных приемов, там же, стр. 71; автор возражал против мнения Забелина. Ук. соч., стр. 67, пр. 2.

[2] И. Е. Забелин, Домашний быт..., т. I, изд. I, стр. 67. (курсив мой. *Н. В.*)

[3] Ф. Ласковский, Материалы для истории инженерного искусства т. I, стр. 263, 264, 267. СПБ, 1885, г. «Мастера и подмастерья, служившие в каменном приказе, должны были составлять проекты (чертежи или модели)»... А. Пруссак. Строительные рабочие в Московском государстве. Архив истории труда в России, кн. 8. П., 1923, стр. 6.

[4] Ук. соч., стр. 133—135.

[5] Н. Я. Марр, Происхождение терминов «книга» и «письмо». Сб. «Книга о книге», 1926. См. также «Название этрусского бога смерти Kalu и термины 'писать', 'петь', 'чорт', 'поэт' и 'слепец'». ИАН, 1924, стр. 190. Некоторые замечания в статье «Язык и письмо», Известия ГАИМК, т. VI, вып. 6, 1930 г.

Обращаясь к употреблению термина «чертеж» в древне-русских письменных источниках, мы можем, кажется, с полным правом, отметить следующую стадию — употребления «черты», «чертежа», как средства фиксации права собственности на землю. В условиях подсечной системы земледелия, участки захваченного леса отмечались «гранями» или «чертежом» на деревьях. Эта старейшая система сохранялась и в позднейшее время; в 1529 г. гороховецкий крестьянин Мелехов доказывал свои права на пашню ссылкой, что «чертеж есми, господине, чертил и лес подсушивал тому пятый год»; в 1691 г. межевание земель Палеостровского монастыря производится обходом старожилов по старым «тесам», «крестам» и «рубежам» на деревьях и постановкой новых знаков. Еще в прошлом веке в Сибири, «захватывая лесную землю», крестьянин лишь «зачерчивает» деревья, т. е. снимает с них кольцом кору, или даже только делает на них зарубки в знак завладения землею. . . ; такой «чертеж» сразу поступает в исключительное владение зачертившего». . . То же символическое «зачерчивание» земли производилось «опахиванием» ее; косульный или сошный отрез называется «чертец», «чертало»; отсюда общеупотребительный и сохранившийся в этом значении термин «черта», как граница — рубеж (Засечная черта и пр.).[1] В этом же смысле понятно выражение актов XIV — XV вв. «се. . . купил и починки свои чертежища свои». Также в Сибири, по словам исследователей, «при захвате пашни проводят кругом борозду (захватные «склады» — отвороченные сохою пласты земли)».[2] Ту же роль межевых знаков играли «чертежи» на камне, песке и т. п. «Чертеж» этого порядка неоднократно встречается в писцовых межевых книгах XVII в., например: «да за Черною чертеж на мысу; против тое ж пожни ельник, а межников и знаков около того чертежу нет». . . «чертеж в Прорыве, а знамя на том чертежу по два теса, повыше чертежу, а другой чертеж — по два».[3] К древнейшим памятникам чертежа этого рода относятся, например, известные «камни Степана» (XII — XIII вв.).[4]

По наибольшему развитию и многочисленности упоминаемых образцов, кажется, можно считать, что раньше всего «чертеж» как отвлеченное и масштабно уменьшенное изображение, перенесенное на бумагу, появился для фиксации речных и сухих путей, а также «границ», «рубежей» — типичная географическая карта. Напомним хотя бы «чертежи» Ф. Б. Годунова, послужившие основой для карты России немецкого географа Герарда, изданной им в 1614 г., и

---

[1] Даль, Словарь. . . , т. IV, стр. 1322 — 23, изд. 1914 г. Н. П. Павлов-Сильванский — Феодализм в удельной Руси, стр. 63, прим. I, стр. 114, СПБ, 1910. Е. Барсов, Палеостровский монастырь, стр. 156 — 157 (оттиск из ЧОИДР).

[2] А. Дювернуа, Материалы для словаря древне-русского языка, М., 1894 г., Павлов-Сильванский, ук. соч., стр. 114.

[3] В. Шишонко, (изд.), Пермская летопись, т. III, стр. 176; 1641 г. Пермь, 1882 — 87. Образец межевых «знамен» см. АЮ, № 202, II, III.

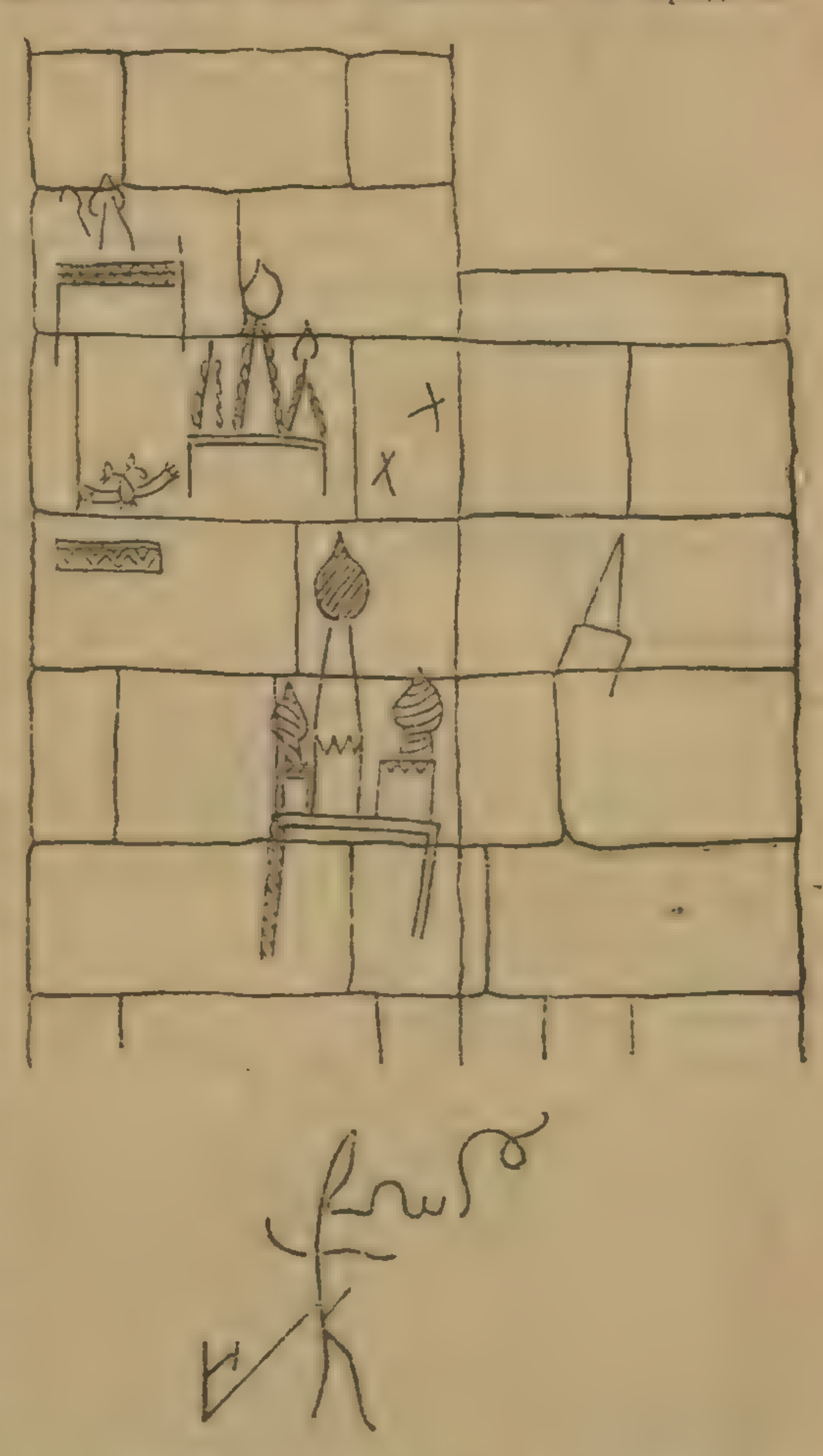
[4] Уваров, Сборн. мелких трудов, т. II, стр. 80 и сл. Может быть, изобразительной фиксацией участка была выпись на луб межевания (1483 г.), АЮ, стр. 3.

5. Постройка Моск. Успенского собора (Мин. «Лицевого летопис. свода»).

оформляет перспективную трактовку здания со вскрытым планом; его можно назвать почти «косоугольной проекцией».

Мы не касаемся всего многообразия изображений архитектуры в миниатюрной живописи; здесь важно лишь отметить, что представление о плане вырабатывается довольно отчетливо. Изображения intérieur'а создают предпосылки для вертикального разреза, однако, совершенно недифференцируясь, внутренность здания дается чаще всего в обрамлении фасада, как вырез в передней стене. Мы не касаемся также чисто фасадных изображений здания. Как правило, план, фасад и разрез существуют обособленно, не объединяясь в синтетическое изображение, к которому, как увидим ниже, приходит чертеж XVII в.

6. Графитти Успенской ц. в Александровской слободе. Внизу подпись ИЯКОВ , находящаяся, в связи с архитектурными рисунками, на соседнем пилястре.

Совершенно ясно, что эти весьма несовершенные попытки не могли иметь практического значения в строительном деле, как рабочий чертеж. Подобное изображение могло давать лишь беглое и общее представление об основных чертах здания. При этом реальный архитектурный объект подчинялся всем принципам иконописной трактовки, искажениям обратной перспективы и схематической стилизации, открываясь иногда зрителю с разных точек зрения и теряя, таким образом, последние элементы реальной точности.

Наиболее редкий случай, когда, с какой-то долей вероятия, можно говорить о принадлежности архитектурного рисунка руке самого

строителя, представляет графитти на стене подвала Успенской ц. в монастыре Александровской слободы.[1] Здесь изображен верх шатровой церкви типа Василия блаженного (во всяком случае, ряд черт точно этому отвечает — спирали по гуртам шатра, штриховка глав, передающая их реберчатую, винтообразную форму, и прямоугольники в подножии шатра, как бы изображающие трехгранные «контрфорсы» приделов Василия блаженного). В свое время мы указывали на отношение этого рисунка к строительству Грозного в опричных резиденциях — Старице и Александровской слободе.[2] Поэтому вероятно, что данное графитти — один из предварительных вариантов какой-то предполагавшейся постройки, но вряд ли самой Успенской ц., особенно если напомнить, что данное изображение находится в ее нижнем этаже. В данном рисунке интерес привлечен к внешнему оформлению здания и совершенно отсутствуют данные о том, как слагались и были ли фиксированы предварительно его план и конструкция.

При скудости и чрезвычайной неустойчивости приведенных материалов можно лишь предполагать, что при отсутствии рабочего чертежа план здания размеривается непосредственно на предназначенной площади земли, как это мы встречаем, например, в XVII в., когда подмастерье каменных дел Трефил Шарутин был «*у полатного размеру и свай*» при постройке Печатного двора. На это, кажется, указывает рассказ летописи о числе престолов собора Василия блаженного: мастерам было приказано, «здати церкви каменны заветные, 8 престолов, мастеры ж. . . основаша 9 престолов, не якож повелено им, но яко по Бозе разум даровася им в *размерении основания*». В житии Паисия Угличского в форме видения чудесных лучей описано то же «размерение» основания церкви. Корнилий Комельский, построив церковь, «устроив четвероуглено образ монастырю». В свете этих указаний источников, очевидно, что и древнейшие сведения о древоделах, строивших на «*назнаменане месте*», возможно толковать, как намек на то же замещение чертежа «розмером», «знаменанием» строительной площадки.[3]

Если в XVI в. нет следов развитой чертежной техники, и о методах изображения зданий мы можем судить только косвенно, на основании живописных памятников, то именно это «размеривание» земли чрезвычайно развилось в процессе правительственной деятельности по учету и перераспределению земель и откристаллизовалось к началу XVII в. в четкую систему землемерной практики. «Книга сошного письма» 7137 (1629) г.[4] дает, помимо сводных таблиц перевода мерных величин в окладные, серию примеров на

[1] Обнаружено Г. Ф. Корзухиной во время обмера мною памятника в 1928 году.

[2] «Монастырское строительство XVI в. в Переяславле-Залесском», Докл. в разряде русского зодчества ГАИМК, 1929 г.

[3] В. Е. Румянцев, Древние здания Печатного двора, «Древности», изд. МАО, т. III, в. I; Н. Кузнецов, Еще новые летописные данные. . . ЧОИДР, 1896, II. смесь, стр. 95; Ярославские епархиальные ведомости, 1873 г., стр. 136; Н. Коноплев, Святые Вологодского края, ЧОИДР, т. IV, стр. 89.

[4] Временник ОИДР, 1853, кн. XVII, смесь, стр. 33 и сл.

способы обмера площадей самых различных фигур. *Данные обмера фиксировались словесным и описательным путем.* Даже межевание конца XVII в. не могло дать точных результатов, так как «орудиями измерения служили простая веревка и сажень, без всяких математических инструментов; границы описывались только общими выражениями: направо, налево, и *планов никаких не составлялось».*[1]

Если такая система как-то удовлетворяла потребностям, выдвигавшимся современным землеустройством, то первое же крупное строительное предприятие государственного масштаба — возобновление засечной черты в 30-х годах XVII в. — поставило вопрос о необходимости плана и чертежа для руководства работами. Обнаружился и большой недостаток, почти полное отсутствие специалистов «чертежчиков». Два человека были взяты из Пушкарского приказа, третий остался на некоторое время в Оружейном приказе для «травного дела»; т. е. он и его товарищи были, по существу, рисовальщиками или граверами.[2] У самого разряда, руководившего работами, были и свои «чертежчики». В расходных книгах упоминается Федор Наквасин, делавший, по 10 ал. за чертеж, «городы» от Литовской Украины.[3]

Разряд хотел иметь общую картину засечной черты: «все их чертежи велети внести в один большой чертеж и тот чертеж и засекам всем роспись прислали б есте к нам, к Москве».[4] Это требование вызвано было огромными расхождениями присланных из Москвы проектных чертежей с реальным положением вещей: воеводские росписи засекам «с московским чертежом во многих статьях не сходятся и те засеки доведется изнова писать и начертить».[5] Огромная работа (кн. Пожарский писал «тем голову с нас сняли»)[6] была не по силам ничтожному количеству чертежников. Напрасно главный из них, Богдан Точков, метался с засеки на засеку. Требовались не только исполнительные чертежи уже готовых засек, какие делались, например, на Орловском и Веневском участках;[7] иногда и с засек просили «отписать, чтобы прислал товарища с чертежом и росписал бы в чертеже, которое место делать»,[8] т. е. настоятельно требовался предварительный рабочий чертеж.

Недостаток квалифицированной силы ставил на очередь вопрос о ее поисках. В первую очередь, обращаются к иконникам. Голицын

[1] Большой Энциклопедический словарь Брокгауза, кн. 15, ст. Бруна, Генеральное межевание; Продолж. др. рос. Бивл., т. I, стр. 217; А. Ефименко, Исследования народной жизни, вып. I, М., 1884, стр. 213, 245, 247.

[2] АМГ, II, № 180; 1639 г. В качестве чертежников выступали иногда и резные мастера по камню; таков, например, Митрофан Лукьянов, каменных дел равщик, рисовальщик и чертежник. См. «Древности», изд. МАО, т I, вып. 2; Мат. арх. слов., стр. 64—65.

[3] РИБ, т. XXVIII, стр. 541; 1617 г.

[4] Яковлев, Засечная черта, Записки РАО, новая серия, т. XIII, стр. 271.

[5] АМГ, т. II, стр. 103.

[6] Яковлев, ук. соч., стр. 275.

[7] Там же, стр. 99, 175.

[8] Там же, стр. 179.

писал с засеки к кн. Черкасскому: «а чертеж, господине, замешкал я потому, что в Одоеве *иконников и чертежчиков нет, написать было чертежу явнея тово некому. . . И чертеж, господине, я писал сам, как умел,* что видел и что сделано».[1] Это обращение к иконникам крайне характерно. Если горододельцы и строительные мастера ведут свою работу на основе преемственно переданного опыта, обходясь без чертежа, то правительству чертеж был необходим в целях предварительной наметки, распределения и учета работы по исполнению: отсюда отрыв функций чертежника от строителя, их расхождение на деле, возможность передать дело чертежа второму лицу — иконнику. В миниатюре и иконописи за XVI в. вырабатывались, как мы видели, элементарные навыки изображения зданий не только в виде фоновых или обстановочных стаффажей, но и в аналитическом о них представлении; естественно, что чертежное дело попадает в руки иконописца. В данном случае требовался некоторый рисунок с натуры отдельных участков засеки, и в этом смысле иконник, имевший уже навык, мог оказать существенную помощь.

И позднее, при аналогичных требованиях, иконник используется как чертежник. Так, в 1662 г., известный живописец и мастер «парсунного письма», Станислав Лапуцкий бил челом царю о пожаловании: «по твоему В. Г. указу, писал я, холоп твой, твою Государеву парсуну, да по твоему же В. Г. указу посылан был я, холоп твой, с Москвы на железные заводы и на железных заводах был 6 недель и *чертежи железных заводов написал».*[2] В другом челобитьи тот же Лапуцкий сообщает, что сделал «чертеж Московской и Литовской и Черкасской», сделал, повидимому, удачно, и, кроме того, пишет: «и по твоему Гос. указу *даны мне в ученье* два мальчика Ивашко да Дорошко, а указано им твоего гос. корму по алтыну на день; и тем Государь, им кормом кормитца нечем и платьишком ободралися ни сапожонок ни рубашенок купить нечем».[3] Таким образом, выучка новых кадров находилась опять-таки в руках иконников и поэтому закрепляла на долгое время в чертежном деле изобразительные методы иконы, ее схематизм и абстрактность. Так например, в 1673 г. иконник Андрюшка Андреев «писал каменного строения чертежи» Архангельского гостиного двора и получил за работу 24 алтына, а в 1685 г. было приказано подъячему Ивану Иванову, да живописцу Карпу Иванову «учинить чертежи и места все описать, измерить подлинно. . . и меру всему снять» с Воскресенской ц. Ново-Иерусалимского монастыря.[4]

---

[1] Там же, стр. 108; АМГ, т. II, № 127.

[2] И. Е. Забелин, Материалы для истории русской иконописи, Временник ОИДР, 1850 г., кн. VII, стр. 49.

[3] Там же, стр. 51; 1664 г. Упоминаемые ученики впоследствии известные иконописцы Ив. Безмин и Дор. Ермолин. Д. А. Ровинский, Обозрение иконописания в России, 1903 г., стр. 51.

[4] ДАИ. VI, № 21; XX. Леонид, Историческое описание Воскресенского мон. стр. 69 — 70. Функции чертежчика иногда становились у иконника преобладающими, и даже на иконе он подписывался как чертежник, таков напр., И. Аф-

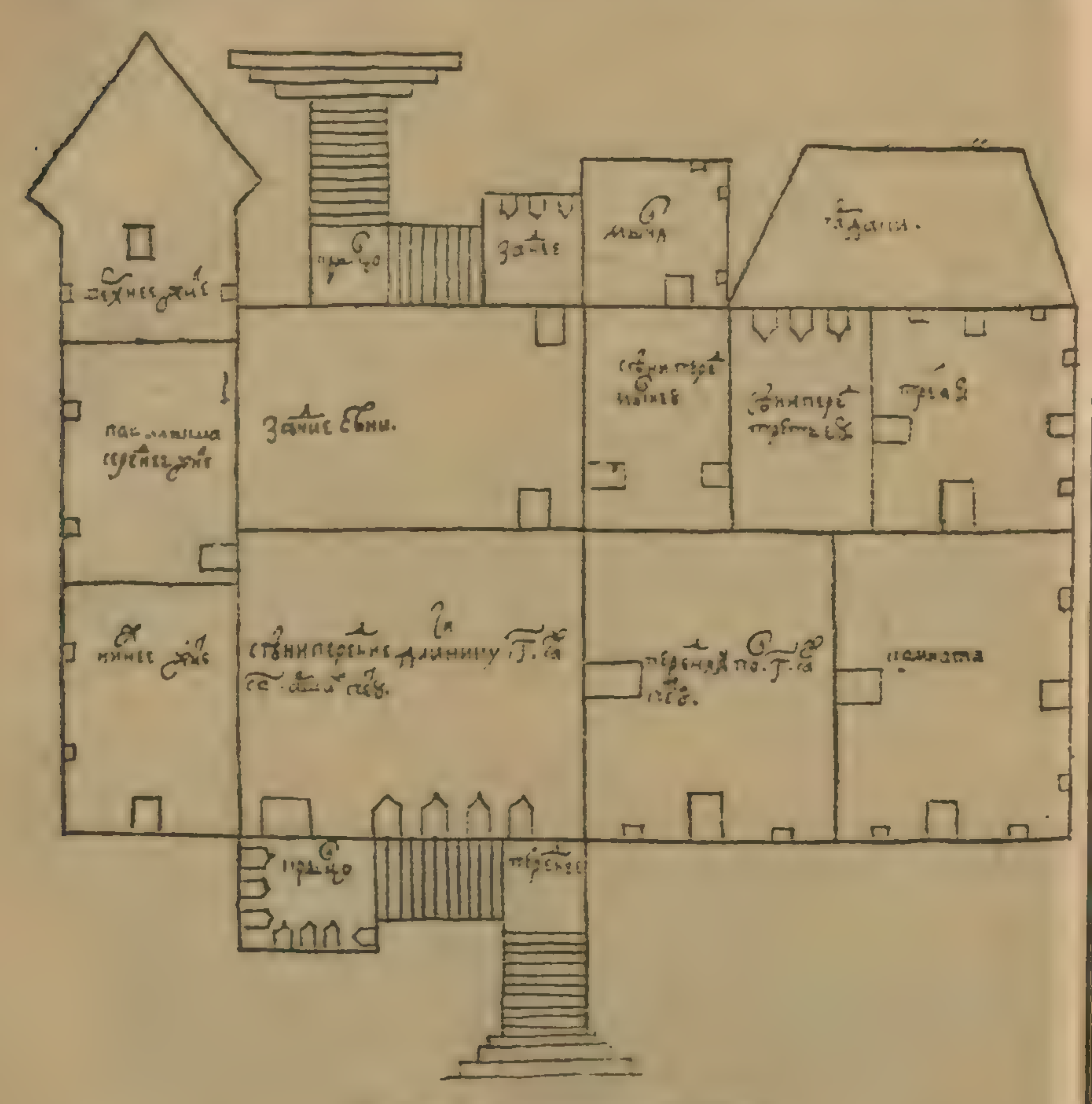
Изданные материалы почти не дают чисто строительных чертежей, преобладает картографический «чертеж», план города, его участка, группы городских строений. Таковы опубликованные С. Белокуровым чертежи г. Москвы, относящиеся к 60 — 70-м годам XVII в., составлявшиеся на тот или иной участок города в связи с его переходом в ведомство Тайного Приказа.[1] В этих в основном ситуационных планах можно усмотреть, однако, и черты, характерные для строительного чертежа. Планы имеют в виду фиксировать наличные строения, их взаимное расположение и размеры, и здесь в подавляющем объеме присутствуют приемы иконописной трактовки зданий, превращающиеся, по существу, в условные топографические знаки. Здание изображается в развернутом виде (ц. Трех святителей, стр. 12) — в фасаде, положенном на плоскость чертежа, демонстрирующем бессилие чертежника дать план с птичьего полета (крепостная стена на стр. 7, особенно Аптекарский двор, стр. 37); реальное здание трактуется в иконном схематизме (Спасская башня, стр. 69). На том же рисунке часть объектов дана в чистой горизонтали — лобное место, раскат. Иногда чертеж стоит целиком почти в условиях настоящего довольно точного плана, выполненного без распластывания фасадов, в строгой горизонтали с линейкой и циркулем (стр. 34). Как правило, масштаб отсутствует, чертеж дает лишь примерное расположение изображаемого, каждая часть снабжена необходимыми цифрами и описаниями. На этих городских планах встречаются, как исключение, случаи подачи здания не в фасаде, а в разрезе, с различной степенью архитектурной грамотности. Таковы Отводная башня и Спасские ворота — очень примитивно исполненные (стр. 16), и очень тщательно вычерченные ворота на плане царских житниц. Эти последние изображения, возможно, служили в шакестве рабочего чертежа. На это указывают отрывки описей, изданных при чертежах, где дается ряд ремонтных записей, относящихся к починке Кремлевской стены, или сметные соображения о постройке хлебных амбаров (стр. 70, 76). Последнее обстоятельство подтверждает предположение, что рабочего чертежа, в современном смысле слова, не существовало; письменные комментарии к ситуационным планам давали требуемый цифровой материал, а также определяли (описательно) и формы здания. Повидимому, отмечавшийся прием изображения здания путем вычерчивания на плане участка фасада этого здания, положенного в плоскость плана, отражал не только беспомощность передачи плана, но иногда этим именно приемом отмечалось, что данное здание строится. Так, рисовальщик так наз. «Годуновского» плана Московского Кремля, прекрасно выдерживая одну точку зрения («с птичьего полета») при изображении зданий, дойдя до новостроящегося дворца («Nova

---

письев. См. М. К. Каргер, Материалы для словаря русских иконописцев, Материалы по русскому искусству, т. I, изд. Гос. Русского Музея, 1928 г., стр. 115.

[1] С. Белокуров, Планы г. Москвы XVI ст., М., 1898 г., стр. ниже проводимые ссылки делаются на это издание.

Разработанная ранее в живописи техника изображения фасада дольше противостоит ее уточнению и развитию; горизонтальные же проекции, плохо удававшиеся художнику, относительно быстро совершенствуются.

10. Чертеж двухэтажных хором.

Однако неоднократно мы встречаем требования к мастеру-строителю придерживаться данного заранее чертежа, «строить церковь Успения Богородицы по размеру и чертежу, каков ему, строителю, дать повелели есьмы».[1] Ниже мы рассмотрим отношение этих «проектов» к реальному исполнению.

Те чертежи, которые мы с некоторой уверенностью можем считать проектными, или такие, где изображается специально одно

[1] ДАИ, X, № 71; 1683 г.

здание, дают ближайше нас интересующий материал. Таковы чертежи, изданные Ламанским.[1]

План «*основания* аптекарских полат» самым своим названием показывает свое проектное назначение.[2] И он, несмотря на раскраску и оттушевку, — не более как план расположения частей здания с выписанным внизу «длинником и поперечником», на котором кроме того дается расстановка предметов внутри здания — шкафов, стола; показаны печи и плитяной пол. Раскраска ничего не добавляет, кроме некоторой живописности. Она призвана лишь оживить графический рисунок, на который мастер смотрит глазами живописца.

Изображение в чертеже двух- и более этажного здания (жилой деревянный дом) обнаруживает интереснейший прием передачи многоэтажности — *вертикальный разрез* повалуши с шатровой кровлей *положен рядом с планом* одноэтажного жилья, к последнему причерчено, с одной стороны, помещение чердака так же в вертикальном разрезе. В другом случае на участок плана кладется фасад со всеми его архитектурными деталями, и на этом же фасаде дан план для каждого этажа. Прием этот взят из ситуационного городского плана. Иногда рисовальщик довольно удачно пытается дать вертикальный разрез. Таково изображение церкви около Дворцового приказа. Изображение трех зданий сразу, как бы с птичьего полета, при попытке сохранить их плановое расположение заставило мастера смотреть на каждое отдельно и, совершенно сбивая перспективные навыки мастера, вернуло для одного здания обратную перспективу иконы.

Даже в исключительно отчетливом чертеже, выданном из Посольского приказа в 1675 г. для постройки приказных зданий,[3] наряду с его графической выработанностью, находим, с одной стороны, масштабные неувязки фасада и плана, данного в общих промерах, с другой стороны, — при черчении фасада, рисовальщик не смог удержаться, чтобы не повернуть к зрителю площадку крыльца и не показать лестницу в перспективном ракурсе. Компановка самого плана сделана, по верному замечанию издателя, «без какого либо предвзятого архитектурного приема». Однако, на основании предыдущего, можно определенно говорить, что чертеж этот принадлежит не самому строителю, а специалисту-чертежнику.

Таким образом, рассмотренные примеры позволяют дать следующую характеристику строительного чертежа. Он является, в первую очередь, лишь ориентирующим во взаимном расположении отдельных частей здания, не давая никаких точных сведений графическими средствами — ни конструкций, ни масштабных соотношений. Вводимый в надписях цифровой материал дан в круглых

---

[1] В. Ламанский, Сборник чертежей Москвы и ее окрестностей, Записки отд. русской и славянской археологии РАО, 1861 г., т. II, прилож., СПб.

[2] Его может быть можно датировать 1673 г., когда строятся на гостином дворе «аптека и палаты новые». Временник ОИДР, кн. XXIV, Материалы, стр. 3.

[3] Издан Бондаренко в «Сборнике в честь гр. П. С. Уваровой», стр. 103.

падные мастера, удовлетворявшие запросам московского строительства, не слишком далеко отстояли от мастеров русских.

Неудовлетворительность проектного дела, совершенно отчетливо выступающая в показаниях источников, не менее ясно ощущалась самими современниками; как разрешение этого противоречия растет появившаяся вместе с чертежем его словесная часть, обращаясь в самостоятельные «смету» и «роспись», *а чертеж становится лишь иллюстрацией основного словесного изложения.* Так, царские дьяки неоднократно присылают царю отчетность по строительным работам в подмосковных вотчинах (*«всему досмотр на письме и чертежи»*), в другом случае посланы три росписи досмотру садам и чертеж Алексеевских хором (*«да 2 росписи одна мера хоромам»*, другая *«сколько какова леса на те хоромы надобно»*).[1] Повидимому, однако, и письменная «мера хоромам» не отличалась детальностью. Так, в «росписи» строившимся в Москве за Никольскими воротами церквам встречаемся опять-таки лишь с «длинником и поперечником».[2] Сметы на новые постройки производятся поэтому также на глаз, с различной точностью в зависимости от качеств посылаемых специалистов. Так, в 1636 г. во Пскове перед постройкой зелейной палаты «посылали смечать псковского каменных дел подмастерья Павлика Васильева с каменщики, сколко на тое полату надобно камию белого и извести, и песку, и воды, а кузнецом и плотником велели сметить, сколко на тое полату надобно на свези, и на двери, и к окнам на затворы железа и уголья, и сколько на полатное дело на кружала досок и на подвези всякого лесу и гвоздья».[3] Никакого упоминания о чертеже; вся сила заключается в знаниях посланных строителей. К концу века дело обстоит иначе — при починке тех же псковских укреплений воевода «о этом строении писал и сметную роспись в тетратех и тому строению чертеж за приписью дьяка Молчалина послал».[4] Даже карты путей сообщения снабжаются росписью. Велено было, например, дороги от Пскова «на чертеж начертить и противу чертежу роспись сделать».[5] В этих условиях появляется термин *«написать в тетрать чертеж»*.[6]

Изобразительное бессилие строительного чертежа для производства работ и обширный словесный комментарий к нему лишают чертеж его специфических качеств. Так, о тех же архангельских чертежах мы читам — «. . . и гостинным дворам два чертежа, один чертеж, что прислал с твоею вел. гос. грамотою. . . по которому те гостинные дворы велено строить, и с *того чертежа список слово в слово*, а другой чертеж, сколько чего против того чертежа. . .

[1] А. И. Заозерский, Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве, СПб 1917, стр. 97.

[2] Сборник материалов для VIII археологического съезда, вып. II, М., 1889 г. стр. 12 и сл.; 1671 г.

[3] Сборн. МАМЮ, в. VI, стр. 81.

[4] Там же, стр. 221, 1699 г.

[5] Там же, стр. 135, 1656 г.

[6] Там же, стр. 396, 1660 г.

сделано».[1] И, наконец, специфичность чертежа совершенно стирается в повседневной строительной практике: «и по чему человеку каменьщикам и ученикам и работным людем не день давано, и по которое число делать перестали, *тому всему сделать чертеж*». Так, в результате отрыва чертежа от непосредственного строительного производства, отсутствия специфических чертежных приемов и техники для реального отображения постройки, при преобладании условно-иконописных изобразительных методов и с введением поэтому «росписи против чертежа», возможен «чертеж слово в слово» и смета, понимаемая как чертеж.

Эти недостатки чертежного дела были осознаны раньше всего в городовом деле, отсутствие специалистов было восполнено, как мы видели, иконниками на Засечной черте в 30-х годах. Чертеж здесь был, более чем в других отраслях, топографическим: «и чертеж, *где быть острогу*, послал к вам в Верхотурье».[2] Одно из наиболее ранних упоминаний о чертеже (1583 г.) убеждает в том же его характере.[3] Собственно строительная часть описывалась лишь словесно и в сжатой форме: «сделать город деревянной *на прежнем месте по чертежу, а строением против прежнего*».[4] Здесь словесное описание ограничивается просто ссылкой на традицию, на установившиеся приемы крепостного зодчества, причем *строение* противополагается *«чертежу» местности.*[5]

Существенно изменилось дело с большим наплывом западных военных техников в середине XVII в.; старые приемы и формы строительства, выросшие на основе долгой выработки в деятельности русских «градорубов» и «горододельцев», должны были уступать свое место западным, особенно в области земляных фортификаций; и здесь, как нигде, было необходимо точное воспроизведение постройки раньше начала работ Чертеж, как мы видели, был бессилен передать реальную форму, мало помогала и «роспись».

И вот появляется новая попытка создания проекта — *образец, модель.*

В 1639 г. Мих. Салтыков и П. Загряжский писали: «по твоему государеву указу велено нам сделать *земляного города образец;* и мы по твоему г-ву указу, велели сделать земляного города образец драгунскому капитану Индрику Фалзальдерну солдаты кормовыми

---

[1] ДАИ, VI, 21, I; 1671 г.

[2] Там же, VII, 72, XX; 1681 г.

[3] ААЭ, I, № 318, см. выше, стр. 58, прим. 4.

[4] РИБ, т. VIII, стр. 909, 913; 1669 г.

[5] При постройке Рязанского собора было приказано «и в городе от городовой стены учинить мера до Соборные церкви сколько по мере будет сажен, и от Соборные церкви до Казенной Полаты. А осмотря и вымерев те места, где *быть* пристойнее Соборной Церкви и Казенной Полате, *учинить тому чертеж и мерную роспись* и привесть к Москве в Пушкарской приказ». Пискарев, Древние грамоты и акты Рязанского края 1854, стр. 111. 1667 г. Как исключение в чертеж вносилась и сама стройка: «чертеж острогу *и как быть крепям*», ДАИ, VII, № 72.

и даточными людьми по городовой черте земляному валу на образец, как быть земляному валу впредь *таким же образцом, как я по твоему г-ву указу, делал на Москве земляной вал за Чертольскими вороты*. И капитан Индрик Фанзандери сделал на образец земляной вал по городовой черте, как быть на Крапивне впредь земляному валу; *а длина тому образцу 8 сажен с полусаженью*, а у подошвы в ширину стены 4 саж. с полусаженью, а вверху ширина стены, из за чего биться, 1 сажень с полусаженью, а приступ, где людем быть за боем, сажень; а вышина стен 2 сажени, с полусаженью, кроме зубцов, а от стены до рву сажень»... Текст не оставляет сомнения, что этот образец Крапивенского вала является моделью его в натуральную величину. Перед постройкой земляного вала в Ростове в 30-х годах голландский горододелец Ян Корнилов делал предварительно «*на царя — Борисовском дворе земляного города образец*».[1]

Были в ходу и весьма портативные, небольшие модели. Источники убедительно показывают, что это не был чертеж или какое-то графическое изображение, или словесное описание постройки под именем «образца»: «и ныне прислан я с новым городком Коротояком с *образцем и чертежем* к тебе, к государю, к Москве»;[2] «*и городу образец и месту и всякому строению чертеж*»...;[3] «и городу образец и роспись строения прислали б».[4] Также в постройке мостов, где не было выработанных технических приемов, фигурировал образец; в подмосковном селе Пахрине строили мост, «а како мост делать, и тому послан образец ... а мастер тот мост делать на Пахрине у мельничного дела Андрюшко Фомин...»[5]

С большой осторожностью можно говорить, что, может быть, «образец» иногда представлял собою глиняный муляж, что довольно удобно для изображения, например, городового вала. Вспомним, что «изразец» в XVII в. носит также название «образца» («образчатая печь» и т. п.). Конечно, могли быть и деревянные модели. В 1623 г. плотник Савка Михайлов был пожалован сукном «за Колужское городовое дело, что он *Колужскому городу образец делал*». Совершенно очевидно, что речь идет о деревянной модели. Осип Старцев, известный зодчий, в 1681 г. делал своды, главы и гзымсы у ц. Спаса «на верху» в Кремлевском дворце, «против образца Ипполита старца». Этот последний был очень видным резчиком по дереву, и его «образец» мы можем представлять как *резную модель*.[6] На существование деревянных моделей указывает и легенда о костромских плотниках, подаривших костромскому удельному князю тщательно сделанную из дерева модель; по легенде она долгое время хранилась в роду князей.

[1] АМГ, II, № 179; 1639 г. А. И., т. IV, № 14; 1646 г.
[2] АМГ, II, № 294; 1647 г.
[3] РИБ, т. VIII, стр. 915; 1669 г.
[4] Там же, стр, 910; 1669 г.
[5] Там же, т. XXI, из дел Тайного приказа; 1666 г.
[6] Дополн. дворц. разр.; Забелин, Домашний быт, т. I, стр. 406, 410.

пока, наконец, один из них не подарил ее каким-то иностранцам; чтобы не обидеть плотников, князь наделил их землей и льготами. Может быть, к «образцу» можно возводить наличие храмовой модели на руках ктиторов (фреска Нередицы, Успенского собора во Владимире, икона Псковского князя Всеволода-Гавриила, фреска в Волотове и др.).[1]

Если русское военно-инженерное дело в XVII в. поворачивалось лицом к западу, то иное положение было в области церковного и гражданского строительства. Постройка деревянных жилых зданий была целиком в руках строителей ремесленников или крепостных, которые в своей работе опирались на древний, наследственно передаваемый опыт. Культовое строительство, связанное своего рода художественной цензурой в лице патриарших разрешений на постройку церквей, имело в прошлом ряд конструктивных типов, созданных в процессе общественной жизни XV—XVI вв. Эти типы переходят в XVII в. (канон «освященного пятиглавия», который упорно противопоставляют «шатровой» системе).[2] Не аргументируя этих положений, можно указать, что XVII в. не приносит принципиально новых конструктивных решений. Как заказчики, так и строители все свое внимание сосредоточивают на внешней декоративной стороне постройки, а отчасти на разнообразном развертывании масс здания в пространстве.

В этих условиях складываются и особые нормы для чертежа и его роли в строительном производстве.

Указанное различие в развитии архитектуры между XVI и XVII вв. отчетливее всего сказывается на регламентации строительного заказа. Так, в порядной 1552—1553 гг. на постройку ц. Успения на Белоозере читаем: «а церковь ставить как в Кирилове монастыре ц. Успения Пресв. Богородицы, гладким делом, и в стене нам доспети место колоколам большим и меньшим, и часовню поставить на церкви... а промазки нам класти тонко».[3] Здесь заказчика мало интересует внешность здания; указывая коротко на образец, оговариваются лишь существенные отступления от него — устройство пролета для колоколов в стене и часовой звонницы над ней. На протяжении XVII в. регламентация невероятно усложняется. Первоначально идут еще ссылки на «образцы», например, как у Миколы на Приводине тем образом».[4] Позже, а особенно к концу века, регламентация касается мельчайших деталей декоративной обработки здания. У окон трапезной Данилова мон. в Переяславле-Залесском нужно было сделать «растески, краштени да шкапы дорожник, а на шкапе баз, на базу полуступ, на полуступе

---

[1] Предание записано М. Г. Худяковым. См. сводку ктиторских изображений в статье Л. Гусева, Новгород XVI в., Вестник истории и археологии, т. XIII, стр. 7—9.

[2] «А верх той церкви ставить не шатровой и олтарь поставить круглый, тройной». Акты Лодомской ц., СПб, ком. 1908; 1685 г. Рассмотрение этих бегло намеченных здесь явлений составляет тему работы, подготовляемой к печати.

[3] АЮБ, II, № 254.

[4] РИБ, т. XXV, № 31, 1627 г.

валик двоеполотный, на валике столп круглый, на столбу каптель гладкая, поверх каптели архидрат пойдет, на архидрате плат, на плату кзымз малой, а на малом большой кзымз, а на кзымзе будет шпреньиль, а по стороне столбов круглых — карниз каменной вместо застолбья»... Или «устроить два крыльца по четыре столба осьмеричные, а в перемычках меж столбов вислое каменье, а на яблоках вислых резать чешую, а на откосе ложки резные, а над ложками полки-растеска столярная, а над тем вислым каменьем перемычки со столба на столб карнизом с яблочки, а над крыльцами шатры каменные».[1] Это совершенно отличный взгляд на здание со стороны заказчика и совершенно особая задача для строителя.

Строительное мастерство и художественная выучка зодчих приобретались в XVI — XVII вв. в процессе длительного ученичества; будущий архитектор начинал свою карьеру простым каменщиком, овладевая техникой и формой во время долгой работы. Еще при Петре, в начале XVIII в., до появления специально обученных архитекторов, стаж этот измерялся в 15 и 20 лет. Очень часто каменное дело становилось семейной профессией, навыки и приемы которой передавались из поколения в поколение. При отсутствии разрыва между архитектором и производителем работ, при устойчивости конструктивных приемов, на долю чертежа оставалось чрезвычайно немногое: он давал, как неоднократно показано, понятие об основных соотношениях частей здания, основные меры в тексте, и только. Отсюда основная и определяющая роль мастера и его руководства: «а делать против чертежа *за указом подмастерским*».[2] Мастеру, владеющему техникой и формой, не нужно было искать в чертеже указаний о том, *как строить*, на это он мог ответить сам и никто больше. Сложные декоративные обработки или описывались в деталях до последнего профиля, или, в случае резных работ по камню, передавались на ответственность мастера-резчика, опять-таки не находя отражения в самом чертеже. Так, Измайловскую колокольню ц. Иосафа указано «делать против чертежа, каков чертеж учинен, *а ростески тесать из камени как укажет разного дела мастер Степан* Зиновьев».[3] В гражданском зодчестве, при строении жилых домов или хозяйственных построек, дело обстояло проще. Так, патр. Иоаким указал строить в Китай-городе 33 двора «по чертежу». Совершенно очевидно, что это был лишь общий план застройки, никакой регламентации не давалось, строитель возводил обычные постройки.[4] В плотничном деле чертеж применялся лишь в том случае, когда стройку ве

---

[1] В. Г. Добронравов, История Троицкого Данилова мон. в Переяславле-Залесском; Сергиев Посад, 1908 г., стр. 65; 1691 г.

[2] Забелин, Домашний быт, т. I, стр. 405.

[3] ЧОИДР, 1886, т. I, стр. 36; Забелин, Домашний быт, т. I, стр. 407, 40 1681 г.

[4] Холмогоровы, В. и Г. Материалы для истории арх. и стат. церквей Мос М. 1884, стр. 937; 1689 г.

рядовой плотник. Так, кельи Спасского мон. в Москве плотник Федька Абакумов строил «против чертежа», и все же в порядной даны только основные размеры здания.[1] Иногда, при отсутствии чертежа и замене его сжатым словесным описанием, следовал указ «делать все, как станет указывать плотничей подмастерье Андрей Фомин».[2]

Для церковного каменного, а отчасти и деревянного строительства чертеж — явление довольно редкое. Например, при постройке трапезной Иверского мон. 1654 г. был составлен чертеж; с планом собора едет в Москву для выяснения вопроса о постройке паперти посланный строителем, каменных дел подмастерьем А. Мокеевым, плотничий мастер Иван Белозер.[3] В основном же здесь преобладал не чертеж, а ссылка на «образец», или строители уговаривались делать «против» такого-то сооружения — «А делать те церкви против образца... что на Москве церковь Козьмы и Демьяна за Москвой рекой...»;[4] «да тут же приделать колокольницу, как в селе Хотилове; да в той же церкви сделать крылос против Талецкой же церкви»,[5] «... а бочки и главы построить как на Тифенском посаде у Фрола и Лавра бочки и главы»...[6]

В исключительных случаях, когда образец был недосягаем для личного ознакомления с ним мастеров, как в случае с постройкой Ново-Иерусалимского монастыря Никоном, делалась модель. Такой была модель Иерусалимского храма, и эта последняя в «сказании» об освящении Воскресенской монастырской церкви называется «*прежним деревянным образцом*».[7] Когда заказчик не удовлетворялся каким-либо одним образцом и хотел иметь в своей постройке особенно оригинальную композицию, сочетавшую в себе отдельные части или отдельные декоративные детали различных зданий — следовала сложная регламентация, вроде принятой каменным подмастерьем П. С. Потехиным по порядной записи на стройку церкви в Островоезерском монастыре Нижегородского уезда: «Церковь в довершке по соборному и на церкви прикраска и окошки и меж окошек столбики и двери и рундуки, как у Воскресенской решетки в Кадашеве церковь, в пример пятиглавой утвердить, чтобы отнюдь течи не было... царские двери... поднять в размер ступени; подъемной алтарь совершить против соборного, что на Москве... святые ворота как у Воскресенского подворья... около церкви ходы, особь церкви с спусками в ширину и стеною по сажени, поднять с столбиками, как у Троицы на рву... на церкви колокольница с часами по мере что была в Красном... окошко в колокольнице и шатер и слухи так, как у Троицы на

[1] Забелин, Домашний быт, т. I, стр. 418, 1682 г.
[2] Там же, стр. 404; 1667 г.
[3] Леонид, Акты Иверского мон., СПб., 1878, стр. 16 и № 39.
[4] ЧОИДР, 1863 г. IV, отд. I, стр. 257—9; 1689 г.
[5] К. Н. Тихонравов, Владимирский сборник, стр. 180—181, 1696 г.
[6] АЮБ, III, № 165; 1700 г.
[7] Леонид, Историческое описание Воскресенского монастыря, стр. 70.

рву... сени под кровлю совершить так, как на Печатном дворе или так, что у Земского приказа»... Порядная заканчивается характерной фразой — «*и выше писанные образцы все смотрил подмастерье Пашка Потехин*».[1]

Так совершенно определенными чертами рисуется «социальный заказ» в области церковного зодчества изучаемой эпохи в его исторической конкретности. Так слагается из точно указываемых типовых деталей конструкции и даже декоративных форм архитектурный памятник XVII в. Отсюда иногда поражающая близость целых групп зданий, породившая типологические ряды в старой истории русского зодчества. Изучение строительного производства вскрывает причины этих тождеств, коренящихся в особенностях его и, в частности, в состоянии чертежного дела при данных архаичных способах получения квалификации мастерами. Из рассмотрения чертежа в его ничтожной производственной роли вытекает ряд методологических соображений к изучению русского зодчества XVII в. Заказчик менее всего интересуется конструкцией здания и ее частностями, о них он сообщает лишь общие понятия (шатром..., по соборному...), перенося центр тяжести на регламентацию декоровки. Самые технические методы лежат целиком на усмотрении мастера, в особенностях конструктивных приемов его школы и личной выучки. Отсюда следует, что основой для классовой аттрибуции того или иного памятника этой поры как идеологического явления будет главным образом декоративная его сторона, затем композиция архитектурных масс и в малой степени организация внутреннего пространства здания. Изучение же конструктивных и технических приемов становится, наоборот, средством к познанию строительного производства в его технологической специфичности и социальной организации этого производства, способствовавшей сохранению и развитию выработанной и совершенствуемой традиции архитектурного мастерства.

IV. Производство строительных материалов

1. Белый камень, известь, кирпич

Одним из тезисов, которые выставляла буржуазно-дворянская историография в утвеждение самобытности русского исторического процесса и его резкого отличия от развития западноевропейских стран, было выдвинутое С. М. Соловьевым противопоставление «деревянной» Руси «каменному» Западу. «Камень», понимаемый как «горы» и как «строительный материал», сообщил истории Западной Европы отличный от русского прошлого характер — «в камне свили свои гнезда западные *мужи* и оттуда владели *мужиками*». Г. В. Плеханов, подробно рассматривающий это противопоставление, указывает, что «камень» как строительный материал не

[1] Макарий, Памятники церковной древности Нижегородской губ., стр. 448—54, 1688 г.

всегда был отличительной чертой Европы, что, на известной ступени исторического развития, последняя была тоже «деревянной» и лишь полное развитие феодализма принесло с собой значительное распространение каменного строительства феодалов. «Ясно, стало быть, что не камень обеспечил французским «мужам» их торжество над «мужиками». Эти «мужи» начали строить себе «каменные гнезда» лишь *после* того, как удалось наложить на «мужиков» свое иго». И далее Г. В. Плеханов пишет: «Наконец, Соловьев позабыл, что «громадные вековечные здания» воздвигаются не только из камни. В Бельгии и Голландии их строили из *кирпича*. Но самой собой понятно, что их начали строить там только тогда, когда общественное развитие вызвало потребность в них и дало экономическую возможность ее удовлетворения».[1]

Точно так же, как и на Западе, деревянное строительство существовало до феодализации Восточной Европы, тогда как каменное строительство приобретает значительные размеры лишь в процессе образования и развития феодализма. Недаром, как показывают раскопки в Киеве и Старой Ладоге, каменные церковные здания феодальной поры возвышаются над слоями лежащих в почве остатков деревянных жилых построек.[2]

Но если «камень» и «дерево» как символы соловьевского противопоставления Руси Западной Европе не имеют никакого значения, то эти два вида строительных материалов резко подчеркивают основное деление феодального общества — крестьянин и феодал. Действительно, камень, как и кирпич, начиная с ранней стадии феодализма в Восточной Европе, применяется исключительно в военном, культовом и, отчасти, дворцовом строительстве крупной феодальной знати как светской, так и духовной, отнюдь не вытесняя в то же время дерева, как основного строительного материала. Не нужно повторять достаточно отмеченное историками (Забелиным в первую очередь) большое развитие плотничного дела в раннем периоде, «старейшину древоделей» в Киевской Руси, отзыв о новгородцах «а вы плотницы суще» и т. п. Деревянное строительство было исключительным уделом классов, занимавших нижние ступени феодальной лестницы.

Социальный базис каменного строительства, а с ним и соответствующих производств, значительно расширяется к XV—XVI вв., периоду быстрого роста и успехов товарно-денежного хозяйства, роста и увеличения сети городов. Растущие посады старых городов укрепляются стенами, новые города приобретают, по мере своего

---

[1] **Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XX, стр. 29—30.**

[2] М. Красовский и более ранние историки зодчества связывали появление каменного зодчества с «просвещением Руси светом христовой веры», но самый факт отсутствия камня в строительстве до этого периода (феодализации) подчеркивался правильно. «Деревянное зодчество», Курс истории русской архитектуры, ч. I, П., 1916. См. также о заимствовании терминов каменной кладки из чужеземной практики. М. Н. Покровский, Русская история, т. I, стр. 4—5, изд. 3-е.

стратегического значения, каменные укрепления (напр., 1521 г. — каменные укрепления Тулы, 1525 — 31 гг. — Коломны, 1531 г. — Зарайска и др.). Внутри городов появляются — правда, немногочисленные — жилые и правительственные каменные постройки.

Олеарий относил появление камня в жилищном строительстве к концу XVI — началу XVII вв. В Кремле Москвы «находится много богатых каменных зданий, палат (дворцов) и церквей, занимаемых и посещаемых великим князем, патриархом, важнейшими государственными советниками и боярами», один из епископов имел в Китай-городе «большой каменный дом»; каменное жилье в городе также принадлежало социальным верхам — «большим боярам и богатейшим из купцов и немцев». Однако, первые шаги камня в области жилого и хозяйственного здания общественных верхов относятся к поре значительно более ранней — к середине XV в. В 1450 г. митрополит Иона заложил на своем дворе «палату камену», в 1471 г. — купец Торокан «палаты кирпичны», в 1473 — 75 гг. митрополит Геронтий ставит кирпичные ворота у своего двора и кирпичную палату на четырех каменных подклетах; палата и ворота на дворе гостя Д. В. Ховрина (1485 г.), палата на Симоновском дворе (1491), каменные кельи «с подклеты» на дворе митрополита Зосимы (1492 г.). Эти и другие случаи указывают на первые опыты применения камня и для жилья. Не без основания летописец записал в 1508 г.: «тогда же и преже того и потом... во граде Москве и на посаде и по иным градам и в монастырях много церкви и трапезы и полаты и грады каменыя поставлены быша», отметив тем самым невиданный размах каменной стройки с конца XV в.[1]

Экономическое развитие страны властно ставит перед каменным строительством и новые, ранее неизвестные задачи. Товарооборот уже не умещается в церковном подклете и не может довольствоваться деревянной огнеопасной стройкой. В ряде узловых торговых центров Архангельске, Верхотурьи и других городах возводятся каменные гостиные дворы; в Вологде были «выстроены каменные палаты; в них лежат серебряные и золотые деньги, драгоценности и соболя, ибо здесь склад соболей, которые приходят от самоедов и из Сибири»; каменные подвалы и склады для ценностей строятся в каждом тороговом центре — опричник Каспар Элферфельд прятал «лари» со своим имуществом в каменном подвале Холмогорского английского подворья.[2] Вместе с тем выдвигается ряд новых монастырей, старые расширяются и крепнут. Торговая деятельность, сосредоточивающая в монастырях значительные богатства, требует утверждения оборонительного значения монастырских стен; под их охрану свозятся во время опричнины огромные

---

[1] Олеарий, Путешествие в Московию, пер. Барсова, изд. ЧОИДР, стр. 19[illegible], 108, 86, 107; ПСРЛ, т. XVIII, стр. 205; т. XX, стр. 282; т. XXII, стр. 492, 49[illegible]; т. XX, стр. 352; т. XXII, стр. 507, 511; т. XXI, стр. 585.

[2] Г. Штаден, О Москве Иоанна Грозного, М., 1925, стр. 66 и 133.

ценности из разграбленных торговых центров, там иногда находит свое хранилище и царская казна.[1] Каменная крепостная обстройка Никитского монастыря в Переяславле-Залесском обязана своей широтой и темпами работ именно опричнине.[2] Г. Штаден и отмечал поэтому каменные ограды у большинства монастырей, по крайней мере, богатейших; а в ряде случаев монастырь являлся укреплением для незащищенного городского посада; таким, по словам Штадена, рисуется Ростов-Ярославский.[3] Все это вместе взятое предъявляет новые, повышенные требования к строительному производству, а также требует расширенной программы производства строительных материалов — камня, извести и кирпича, принося значительный перелом в количественных и качественных его показателях.

Это расширение строительства упирается, на первых порах, в большой недостаток строительных материалов и, в первую очередь, камня и извести. За отсутствием данных трудно говорить об известных к началу XVI в. месторождениях известняков. Надо полагать, что Старицкие и некоторые из приокских каменоломен возникли значительно раньше.[4]

Каждое вновь возникавшее строительство ставилось в необходимость поисков в ближайшей округе необходимых строительных ресурсов, белого камня в том числе. Неоднократно встречаем грамоты, разрешающие поиски, добычу камня и обжиг извести для той или иной постройки. Так, в 1521 г. князь звенигородский Юрий Иванович дает грамоту игумену Сторожевского монастыря на розыск камня в пределах Звенигородского уезда: «ставити ему у пречистой на Сторожех трапезу камену, и на чьей земле ни буди каменщики Сторожевские камень найдут, и яз игумена пожаловал ослободил им камень делати на тесанье и на известь сколько игумену надобно». Несколько позже, по просьбе игумена Троице-Сергиевой Лавры, была дана Иваном IV грамота в Переяславль-Залесский и другие города, разрешающая «Троице-Сергиева монастыря мастером и крестьяном» искать в этих пределах «камень белый, синий и известной» для стройки ограды и на прочий монастырский обиход; отправленные люди были освобождены от явки, мытов и прочих пошлин, а крестьяне, на которых ложилась доставка, освобождались от ямской гоньбы. В случае отсутствия камня в ближнем районе, поиски простирались дальше, например, для ограды Спасского монастыря в Ярославле разрешена была ломка белого и известкового камня по обе стороны реки Волги —

---

[1] Там же, стр. 65, 143. Под приказом Большой Казны «находится множество глубоких и больших погребов и каменных со сводами подвалов», где хранятся все царские сокровища. Олеарий, стр. 292.

[2] Мой доклад в 6. разряде русского зодчества ГАИМК «Монастырское строительство XVI в. в Переяславле-Залесском» читан в 1928—29 акад. году.

[3] Штаден, стр. 66, 73.

[4] Доклад Г. Ф. Корзухиной, Проблема волжских болгар во Владимиро-Суздальском зодчестве XII в. Читан в 6. разряде русского зодчества ГАИМК осенью 1928 г.

«от Ярославля до Плеса и до Кинешмы и до Нижнего-Новгорода» «где найдут».[1]

Насколько затруднительны, а иной раз и безнадежны были эти своеобразные геологические экспедиции, показывает тот факт, что нахождение извести выступает однажды в оболочке сверхъестественного, необычайного явления, как результат помощи «святых князей». В повести о Борисоглебском монастыре (XVI в.)[2] рассказывается, как, при постройке трапезной церкви, не хватило извести. Игумен начал «скорбети о извести, понеже проходом далече и ставитца дорого. Посылал на Плесо в судех вверх Которосью до Ярославля, проход же тяжек есть и далече, Которосью и Волгою». Поиски, произведенные по разрешению князя в Переяславском и Ростовском уезде, остались тщетными: «нигде довольно обрести возможе извести». Наконец, патроны монастыря Борис и Глеб явились игумену во сне и обещали, что известь будет найдена в монастырской вотчине. «И се, третий имать день, принес ми крестьянин из монастырской деревни, Кочарка зовома, зобенку камени, а обрел сказывает на поле на верх земли. И послал есьми в хлебню в печь; и ужгоша и принесли к мне и показа ми — известь бе аки снег. И посылал спыты и обрете извести довольно каменному зданью. . . и до сего времени что ни помыслят здати каменное дело, то известь обретают на том месте у тое ж деревни». Так освещает автор-церковник типичное явление эпохи — недостаток строительных материалов, который тормозил строительство не только одного Борисоглебского монастыря, но почти всей страны.

При крупнейших постройках государственного масштаба, какова, например, стройка Смоленской крепости, расстояния, так пугавшие борисоглебского игумена, не играли роли; возможность использования на «городовом деле» огромных масс рабочей силы позволяла организовать подвоз за сотни верст — смоленские стены строились «всеми городами Московского государства. Камень возили изо всех городов, а камень имали, приезжая из городов, в Старице, да в Рузе а известь жгли в Белском уезде у Пречистые в Верховье».[3]

Самый процесс добычи строительного камня и извести в источниках второй половины XVI в. не отражен; можно лишь установить некоторые черты организации промысла. Приходо-расходные книги Болдина-Дорогобужского монастыря[4] за 80 — 90-е годы неоднократно отмечают расходы по каменной и известковой ломке. Монастырь эксплуатировал месторождения белого камня в верховьях р. Белой, притока р. Обши («у Пречистые в Верховье») как для своих строительных нужд, так и для поставки в Смоленск для смоленского же и московского «государства каменного дела»

[1] РИБ, т. XXXII, стр. 169; ААЭ, I, № 199, 1540 г., Исторические акты Яросл. Спас. мон., изд. Вахрамеева, т. 1, стр. 73 и 75, М. 1896.
[2] Изд. ОЛДП, в. LXXXVI, 1892.
[3] ПСРЛ, т. XIV, стр. 54.
[4] РИБ, т. 37, в. I, Л., 1924 г.

вотчинные крестьяне монастыря вывозят камень с Мячковских и Пахринских Москворецких ломок. Для организации добычи камня монастырь имел своих, повидимому квалифицированных специалистов этого дела. Таков старец Симан, который неоднократно ездит с монастырскими слугами «ламати камени», «по камень», — «старец Фадей-каменщик», «каменьщик Мосяга», клавший, а, может быть, и обжигавший известковые печи, каменщики Миша и Григорий, числящиеся слугами монастыря на годовом жалованьи (разница в окладе — Миша получает 50 алтын, а Григорий — 2 рубля, повидимому, фиксирует разницу в их квалификации). Денежную же оплату получает и старец Симан при отправке «по камень». Оплачивается и обжиг извести: «каменьщику Мосяге дано от извести от 4 печей 48 алтын, по 12 алтын от печи», «старцу Фадею от 4 печей от извести дано полтора рубля». Упоминается выдача денег на рукавицы трем монастырским детеньшам, поехавшим на байдаке по камень. Возможно, что с монастыря отвозилось на место промысла и продовольствие для старцев и слуг, так «Благовещенские бобыли Куска да Васка ходили на судне х камени с запасом».

В этих сведениях отражена, главным образом, квалифицированная верхушка, организовавшая производство. Старец, ведавший каменной ломкой, как можно судить по аналогии с XVII в., был не только монастырским администратором, но именно специалистом данного дела. При заготовке камня для Иверского монастыря старец Левкей имеет учеников, набранных из крестьян близлежащих деревень. Из крестьян монастырских вотчин несомненно формировалась и основная масса рабочей силы для каменных ломок, возглавлявшихся специалистами из монастырских слуг. Камень доставлялся в монастырь водой. В данном случае на поставке работает некий «Филипп Офонасов Волочетцкий» получая денежную плату с каждого доставленного байдака (возможно, что это подрядчик). Возка извести к городовому делу в Смоленск производилась монастырскими крестьянами по раскладке. Есть основание думать, что от этой натуральной повинности крестьяне иногда откупались и переводили ее на денежную. Так, «на Леушкинских крестьянах взято за полподводы 8 ал. 2 д., что известь не ездили. Деревни Игнатова на Романе на Кривом с товарищи взято полтора рубля за подводы, что они извести не возили с Белой».[1]

Расширение строительства в XVII в. потребовало расширения и сырьевой базы. Если мы сопоставим количество месторождений известняка, известных в XVI в., перечисленных выше, с данными XVII в., то станет ясным развитие каменных ломок. Каждое строительное предприятие прежде всего использовало возможность изыскания необходимых материалов в ближайшей округе, к этому толкала также трудность и дороговизна перевозки; источники указывают большое количество таких мест. Так, для построек Суздаль-

---

[1] Леонид, Акты Иверского мон., № 57 и 58; «Расходные книги», стр. 234 (РИБ, т. XXXVII, в. 1).

ского Покровского монастыря готовят известь в вотчине Ефимьевского монастыря — селе Коврове; при строительных работах в Можайске известь и белый камень добывают где-то невдалеке от города; при постройке Архангельского гостиного двора добыча и обработка камня происходит на Орлеце и Бралине Наволоке; между Архангельском и Холмогорами Г. фан-Кампен осматривает в 1666 г. «алебастровую гору».[1] Кирилло-Белозерский монастырь использует известняк Мауриной горы;[2] Иверский монастырь разрабатывает камень около с. Великий Порог; Ново-Иерусалимский — пользуется камнем Москворецких верховьев в Звенигородском уезде и близлежащей Лазаревской пустоши;[3] идут ломки для г. Ярополча (Вязники) в д. Лужках;[4] постройка в Спасском Ярославском монастыре берет известь около села Красного на р. Сухаре;[5] Солотчинский Рязанский монастырь добывает камень у села Каранчеева;[6] Велейское городище доставляет плиту для городового дела в Опочке;[7] к постройке казенных каменных житниц в Верхотурьи велено камень сыскать по р. Туре.[8] И позднее провинциальное строительство использует местные ресурсы, напр., Далматовский монастырь — в Пермской области, Красногорский — в Новгородском у. (д. Угзеньга), помещик Безобразов для своего хозяйства использует известняки по р. Наре Боровского уезда.[9] Известен также ряд более мелких указаний на местные ломки.

Строительный камень заготовлялся в больших количествах и часто с излишком: ограда Троицкого Калязина монастыря строится из старицкого белого камня «старых Смоленских запасов»; колокольню Вологодского собора строят частично из материалов, заготовленных к неосуществившейся постройке Вологодского кремля при Грозном.[10] Огромные запасы строительных материалов фиксирует опись царского села Измайлова — кирпич, готовый лес, известь, бут и т. п.[11]

Основными производящими строительный камень районами остаются верховья Волги, бассейн Москвы-реки — Старицкие и Мячковские каменоломни, повидимому, старейшие и наиболее круп-

[1] Владимирский сборн., стр. 138 (1631 г.), М. 1857 г.; Можайские акты, стр. 127, 1624; ДАИ, VI, №№ 5, 21, 1670 — 74 гг.; ПСГГ и Д., IV, № 49; 1666 г.

[2] Н. К. Никольский, Кирилло-Белозерский монастырь, т. I, [1609 г.].

[3] Леонид, Историческое описание Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря, стр. 667.

[4] ДАИ, IX, № 48, 1678. Вотчина Троице-Сергиева монастыря; камень заготовлялся к предполагавшейся стройке каменных укреплений Ярополча.

[5] Исторические акты Спасо-Ярославского мон., т. I, стр. 157 — 58, 1627 г.

[6] А. П. Доброклонский, Солотчинский мон., стр. 80.

[7] ДАИ, XII, № 3; 1684 г.

[8] АИ, т. V, № 269, 1697 г.

[9] Пермск. летоп. т. III, стр. 1135, прим. 4 и 5, 1705 г.; ЧОИДР, 18.. т. III. стр. 115, нач. XVIII в.; А. А. Новосельский, Вотчинник и его хозяйство. М., 1929, стр. 149.

[10] Описи др. грам. Троицкого. Кол. мон., Тверь, 1891, № 48, 1645. Пермская летопись, т. III, стр. 436 — 37, 1654 — 59 гг.

[11] И. Я. Гурлянд, Приказ тайных дел, стр. 172.

ные из остальных. В Твери «зженая плита» (известь) упоминается, например, при ремонте ц. Спаса в 1399 г.[1] Не знаем, на основании каких источников В. П. Семенов сообщает, что в Мячкове известь жгли еще при Иване III.[2]

Известняки московского яруса разрабатываются не только приписными к каменному приказу селениями Мячковской волости (Верхнее и Нижнее Мячково, Зеленая слобода, село Колычево, д. Турева).[3] Домодедовская и Пахринская волость и деревни Николо-Угрешского монастыря также развивает значительное производство. В среднем течении Москвы-реки, выше устья р. Пахры, в районе этой последней и ее притока р. Ромы расположен ряд деревень и сел, где источники фиксируют известняковые разработки. Таковы, кроме перечисленных А. Н. Сперанским, Пахра, Пахрино, с. Битягово, Ермолино, Домодедово, с. Остров и приселок Ориненский; деревни Николо-Угрешского монастыря — Съянева, Киселиха, Калинана, Новлянка.[4] К Домодедовской волости были приписаны из вотчины боярина И. Б. Милославского с. Золотиково и д. Беликово, Замыцкой волости, в которых, по купчей Тайного приказа, значилось на 1000 рублей каменных припасов, на ту же сумму припасы имелись в с. Денисове, Горетова стана.[5] Производилась ломка известняка и в Звенигородском уезде «во брегах Москвы реки», в дворцовых землях около с. Михайловского и д. Хотяжи.[6] Домодедовские известковые печи называются «государевыми», каменоломни под Дорогомиловой ямской слободой также были личными царскими предприятиями.[7]

Как призводилась сама ломка камня, источники не дают сведений. Ломки шли не только в речных обрезах, но и в оврагах. Предварительно место расчищалось работниками не специалистами, они же закладывали первые «точильные рвы» будущих ломок. В Домодедовской волости приказано было в Рыбушкине враге и других государевых землях расчищать места, где предполагалось найти аршинный и полусаженный камень, и ломать его местными наемными людьми, которым «это дело за обычай».[8] В другом случае

[1] ПСРЛ, т. XI, стр. 175.

[2] «Россия», изд. Девриена, т. I, стр. 316. Глухо сообщают о заготовках камня и летописи: к постройке каменных укреплений в Москве «повезоша камень к городу» (1366 г.); для постройки Успенского собора митр. Филипп «повеле готовити камень», «тое же зимы повезоша камень на Москву», может быть, это и были мячковские каменоломни, ближайшие к Москве. ПСРЛ, т. XVIII, стр. 106, 236. Нижняя часть церкви в с. Беседах под Москвой (XVI в.) построена из Мячковского камня. В. Киприянов, Московская губ. в строительном отношении, СПб., 1856 г., стр. 102.

[3] Сперанский, ук. соч., стр. 152.

[4] РИБ, т. XXI, стр. 1554, 1259; т. XXIII, стр. 927, 836, 622, 1165—66, 736—37.

[5] Там же, т. XXI, стр. 375, 376, 1699 г., 1674 г.

[6] Леонид, Историческое описание Ново-Иерусалимского монастыря, стр. 741, 667; 1690—93 гг. РИБ, т. XXI, стр. 1058, 1188; т. XXIII, стр. 626.

[7] А. И. Заозерский, Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве, стр. 213, Гурлянд, ук. соч., стр. 175.

[8] РИБ, т. XXII, стр. 1310, 1667 г.

упоминается уплата «работникам от земляной росчистки, что они расчищали и рвы копали, искали белого и бутового камени».[1]

Крестьянские каменоломные промыслы в Ковровском у. б. Владимирской губ., описанные К. Н. Тихонравовым в половине прошлого века, повидимому, сохраняют, наряду со старой терминологией орудий производства, и черты старого способа добывания камня. «По снятии земли аршин на 5 вглубь от поверхности показывается верхний слой известкового камня; его подбивают *просеками*, поднимают ломом и разбивают железным клином, посредством молота, называемого у крестьян *кулаком*. Так же добывается лещадный и цокольный камень. При выемке крупных камней вбивается еловый или сосновый кол около 4 вер. толщиной, так наз. *маяк*, — на него одевается *трубка* — просверленное насквозь бревно с долблеными отверстиями, в которые вставляются колья; опутанный канатами камень вынимается, таким образом, воротом. Эта работа, в зависимости от величины камня, занимает 20 и более человек рабочих».[2]

Камень, получаемый из ломок, делился в XVII в. на три сорта: стенной — шедший в кладки, известковый — шедший на обжиг, бутовый — мелкая колотая плита; булыжник, также встречавшийся в карьере, употреблялся в забутку. Стенной камень в свою очередь делился на аршинный, трех-четвертной, полуаршинный, логовой, точковый; затем шел мостовой, тесаный и ступенный. На месте же изготовлялись большие полусаженные плиты для престолов, каменные коробки, надгробия, большие брусья и пр.[3]

Местные ломки не всегда удовлетворяли провинциальное строительство. Так, в Велико-Порожских ломках Иверского монастыря не удалось найти подходящего для кладки сводов трапезной камня — он был жесток и подвергался теске с большим трудом. За камнем предполагали послать в Старицу.[4]

И для известкового обжига чрезвычайно выпуклая параллель дается крестьянскими промыслами прошлого века, тем самым отчетливо показывая чрезвычайную отсталость техники последних. По словам Тихонравова, «вынутый камень складывался *верткой*, т. е. вокруг ямы, образовавшейся от вынутия его, сажен 6 в окружности, и кверху *смыкается сводом;* в печь или пустоту, которая остается внутри под сводом, кладутся дрова. Чтобы обжечь камень до извести, употребляют дров около 350 сажен; жгут его 10 суток *кругом*, т. е. день и ночь, без малейшей перемежки. Для этого нужно на каждую печь не менее 9 человек: трое возят дрова, трое стоят у выхода из ямы и подбрасывают туда дрова, а трое отды-

---

[1] РИБ, т. XXIII, 1675 г.

[2] Владимирский сборник, стр. 35. См. также П. П. Боклевский, Некоторые каменоломни Влад. губ. «Горный журнал», 1888 г., т. IX.

[3] ДАИ, VI, № 5 — VIII; Описи др. грам. Троицкого Калязина монастыря. Т., 1891, № 48; 1645 г.; РИБ, т. XXIII, стр. 969, 1668. П. Алеппский, Путешествие патриарха Макария, пер. Муркоса, вып. 2, стр. 182.

[4] Леонид, Акты Иверского мон., № 90.

хают для смены (этих перемен бывает 12 в сутки). Бывают случаи, что иногда *прорывает окошки*, т. е. несколько камней сверху падают; огонь, находя через это отверстие свободный выход, из-под свода устремляется в *окошко* и лишается силы, необходимой для обжигания камня до извести. В подобных случаях работы прекращаются, и печь, повредившаяся таким образом, оставляется. Каждая печь дает до 18 000 пудов извести».[1]

Характер и размеры известковых обжигальных печей источниками XVII в. выясняются довольно скупо. Например, «три печи, мерою вышед из земли сверх вертки кругом 17 сажен, в вышину 1 пядей аршинных и над верткою чтоб было неуступно, так же и к верху нешиловато».[2] Верткой называется углубленная в землю часть печи, которая могла быть использована еще неоднократно при следующих обжигах — «а обжечь три печи извести в старых вертках».[3] Известковые печи располагались обычно поблизости от каменоломен, так, в с. Пахрине они были сосредоточены в Рыбушкинском овраге.[4] Размеры печей чрезвычайно разнообразны: печь извести в д. Новлянке «около нее 16 сажен», вышиной 15 пядей, производительность — 900 бочек; печь в д. Калининой «около нее» 11 сажен, вышина 17 пядей больших, производительность — 300 бочек; печь в д. Киселихе — 14 сажен, при вышине 18 пядей больших, с производительностью в 400 бочек; печь в д. Съяневе Николо-Угрешского монастыря — 15½ саж., при 12 пядях «пеших» вышины — 700 бочек.[5] Судя по расценке извести, больший размер печи отрицательно влиял на качество извести; так, печь в 900 бочек оценена в 112 р. 13 а. 4 д., т. е. приблизительно 25 денег бочка; печь в 700 бочек расценивалась в 28 денег бочка; в 400 бочек — 35 денег за бочку и, наконец, известь из меньшей печи в 300 бочек стоила 47 денег за бочку.[6]

Приемка готовых материалов была строго обусловлена. К подмосковному строительству известь принималась в «приемную государеву бочку», а «мера той бочки ис краю в край 1½ аршина, а поперег аршин; а мерить вверх как ведетца ½ аршина».[7] Крестьяне с. Пахрина подрядились на 1500 бочек извести из 4 печей по 12 алтын бочка, а «поставить на указанных местах по нынешнему зимнему пути крухом и мелью. А отдавать им та известь в государеву приемную бочку сверху без камени и опекишев, а верх мерить вверх поларшина. А поставить известь добрая зимнего зженья, а нероспущенная».[8] Так же регламентировалась и приемка тесаного камня, «а отдавать тот камень в аршин без вершка и с вершком; а которой камень аршинной и трехчетвертной будет против подряду без

[1] Владимирский сборник, стр. 35.
[2] Леонид, Ист. опис. Ново-Иер. мон., стр. 739.
[3] Там же, стр. 741.
[4] РИБ, т. XXIII, стр. 927; 1668 г.
[5] Там же, стр. 736—37; 1667 г.
[6] Там же.
[7] Там же, стр. 834; 1668 г.
[8] Там же, стр. 921; 1668 г.

полутора и без дву вершков, и такой камень отдавать по 2 за один».[1] Часто известь или белый камень приносились кому-либо из администрации Тайного Приказа «на досмотр»; царь иногда требовал их совета (например, «поговорить с Артемоном Сергеевичем Измайловского острова о почве и о бутовом камени и отписать великому государю, и роспись послать в поход»).[2]

При больших строительствах известь хранилась в специальных крытых амбарах, куда она ссыпалась навалом; так же она хранилась при самом известковом производстве: «да у известкового заводу на Орлеце 2 анбара длиной по 30 сажен, поперек по 7 сажен, а в те анбары кладут известь... на верхнем заводе насыпан известью анбар полон, а в другом анбаре в остатке пол-пята прясла, да на нижнем заводе анбар насыпан известью немного не полон; а в другом анбаре в остатке ж 4 прясла не сполна; а пряслу мера в длину по 3 сажени по полутретья аршина с двема вершки, а в ширину 7 сажен».[3] В Москве крупные запасы извести хранились в каменных житницах у Троицких ворот, а доставляемый водой строительный камень и бут выкладывался на берегу Москвы-реки.[4]

В тех случаях, когда доставка строительных материалов не могла быть организована в порядке крестьянской повинности, транспортные издержки ложились тяжелым накладным расходом на их стоимость. Так, например, при цене бочки извести примерно в 10 алтын, ее доставка из Новгорода в Олонец стоила 9 ал. 3 д. Возка камня из Мячкова на Аптекарский двор стоила 13 ал. 2 д. с сотни.[5]

В 60 — 70-х годах, когда Тайный Приказ ведет работы по организации хозяйства в царских подмосковных имениях, он управляет здесь также и строительными предприятиями — Мячковская, Пахринская и Домодедовская волости работают по поставке камня и извести к строительству этих имений. В связи с этим особенное развитие получает здесь и подводная повинность. Например, в марте 1673 г. домодедовские крестьяне перевозят из Пахрина 1000 бочек извести в Измайлово и 500 бочек в Алексеевское; в сентябре туда же было довезено еще 1000 бочек; в марте следующего года вывезено: 900 бочек в Соколово, 1000 бочек в Котельничи, 500 бочек и 400 камней на Аптекарский двор. Повидимому, существовала какая-то норма, выход из которой считался «прибылым изделием», т. е. вознаграждался. Платили чаще всего солью или вином по договору или же по оценке приказа. Гужевая поставка из этого основного производящего района часто ограничивалась вывозом на р. Коломенку по Владимирской дороге, откуда материалы шли водой. По подсчетам Заозерского, царское строитель-

---

[1] РИБ, т. XXIII, стр. 924—26; 1668 г.

[2] Заозерский, ук. соч.

[3] ДАИ, VI, № 5, VIII.

[4] РИБ, т. XXIII, стр. 411; 1663. Забелин, Материалы для истории археологии Москвы, т. II, стр. 1236—1238.

[5] РИБ, VIII, стр. 938—39, 1675—76 г.; т. XXIII, 1675 г.

ство получило из Мячковской волости 80 000 штук белого камня, и 9 800 шт. из Москворецких верховьев.[1]

При сдаче поставки белого камня и извести с подряда последний в большинстве случаев включал и доставку материалов на место. Подряжается обычно группа крестьян в 15, 20, 30, 50 человек, часто со старостой во главе. Нормальная стоимость камня с доставкой: аршинного — 6 р. с сотни, трехчетвертного — 4 р.; указывались сроки доставки — «половину зимним путем, другую к Троице и Петрову дню». Летняя поставка шла водой, для нее оговаривалась дача стругов со всем необходимым инвентарем, «с шестами, бичевами и снастьями». Повидимому, специально для возчиков оговаривается сверх денег натуральная оплата: мука, крупа, ветчина, вино, иногда сверх денег берется пуд соли на сотню камня. По подряду, заключенному крестьянами с. Остров и приселка Оринского, натуральная часть состояла из 3 пудов соли, 4 ведер вина и 10 пудов *железа*. Последнее было необходимо для чинки и ковки инструментов, и крестьяне пытались получить металл из запасов царского хозяйства. Это показывает крайнюю скудость оборудования крестьянского производства даже в основном районе добычи камня; напротив, царское хозяйство сосредоточивало в огромном количестве разного рода инвентарь, получая его из запасов приказов — железо из Оружейного, канаты, заступы, лопаты и кирки из Пушкарского; этому инструменту велся учет, в частности, велась и «тетрать записная всяким припасом к каменному делу».[2]

Москворецкие верховья, богатые выходами известняков, повидимому, не имели постоянных разработок, а потому на месте и не сформировались кадры каменных ломщиков и других специалистов данной отрасли. Туда отправлялась с места, при необходимости разработок, вся необходимая рабочая сила; к концу века подрядчик ставил производство своими людьми. Для того же подмосковного строительства посылался туда «для каменной ломки и каменной ж и известной воски дьяк Андрей Шахов, а с ним послано прапорщиков 4 человека, салдатов 50 человек, каменных ломщиков 20 человек, да 4 струга». В другую поездку с тем же дьяком Шаховым было послано «из каменного приказу 20 человек ломщиков, из Саввинского монастыря стрельцов по 90 человек с переменою, ис Приказу Большого Приходу 10 стругов с кровлями и со всеми снастьми, а на струги 100 человек салдатов... да для наряду над ними капитан».[3] Здесь ломщики выступают в качестве организаторов производства, а неквалифицированная рабочая сила представлена стрельцами и солдатами, которыми могло располагать царское хозяйство и которые также несли функции конвоя при использовании на производстве крепостных. К заготовке и выделке строительных материалов иногда привлекался и сам строитель;

---

[1] Заозерский, ук. соч., 184—85, 213.

[2] РИБ, т. XXIII, стр. 734—35, 922, 924—26, 1165—66; т. XXI, стр. 754; 1667—68 гг., Заозерский, ук. соч., стр. 80.

[3] РИБ, т. XXI, стр. 105, 1188; 1664—66 гг.

подрядчик по стройке церкви в Далматовском монастыре, каменных дел подмастерье И. Борисов, соглашался «кроме каменной клади... меж строением известь жещи, кирпичь делать и обжигать с работными людьми».[1]

Будучи достаточно ценным продуктом, строительный камень часто фигурирует в качестве объекта царских пожалований монастырям, приближенным боярам и иногда как бы замещает деньги. Так, боярин И. Б. Милославский за вотчинные его с. Золотилово и д. Беликово, взятые к Домодедовской волости, был компенсирован камнем и кирпичем; оставшийся на Пахринских ломках камень был пожалован боярину Ромодановскому.[2] При продолжительных крупных строительных работах в вотчинном хозяйстве (каковы, например, работы в Иверском монастыре) известью платился оброк крестьянами селений, расположенных поблизости от мест каменных ломок: на крестьянах Березовского рядка бралось 900 бочек извести, а с Великопорожского рядка — 406 бочек.[3]

Таким образом в XVI — XVII вв. уже открыты и широко эксплуатируются основные производящие строительный камень и известь месторождения, находящиеся в эксплуатации вплоть до XX в. Не только сплошные известковые залежи верхнего отдела каменноугольной системы левого берега Волги в районе Старицы и Зубцова, не только богатейшие и разнообразные Мячковские «мраморы» вводятся в строительный оборот XVI — XVII вв., но и более северные выходы этих известняков от Коврова до устья р. Тезы и Меленок уже нащупаны, и там, в с. Коврове, в начале XVII в. уже разрабатывается известь Покровским Суздальским монастырем.[4] Известняки девонской системы около с. Свинород на р. Шелони разрабатываются уже в половине XVII в.[5] Мы здесь не говорим об эксплуатации девонских известняков в Северо-западной области в целом, — около Пскова, Изборска, в Порхове по течению р. Великой и в других местах, — эти материалы используются, например, псковским зодчеством с древнейших времен.

Если вопросу о производстве строительного камня и извести в работе А. Н. Сперанского уделено сравнительно мало внимания и наличный материал источников позволил полнее осветить это производство, то производство кирпича выявлено в его работе с полнотой, недоступной для исследования по одним изданным источника, какими располагали мы. Здесь остается сделать незначительные дополнения чисто фактического порядка, не подвергая пересмотру материалов, использованных в «Очерках по истории приказа Каменных дел», не выдвигая вторично тех проблем, которые там поставлены.

[1] Пермская летопись, III, 1135, прим. 4 и 5; 1705 г.
[2] РИБ, т. XXI, стр. 1544; 1699 г.
[3] Леонид, Акты Иверского монастыря.
[4] «Россия», изд. Девриена, т. I, стр. 240 — 241, 154, 316, 12 — 16.
[5] Там же, т. III, стр. 328; Вестник археологии и истории, т. XV, стр. 363, 1652 г., известны плитные ломки под Ивангородом (конец XVI в.); А. М. Андрияшев; Шелонская пятина, стр. 445.

«И кирпичную печь доспе за Андроньевым монастырем в Калитникове, в чем ожигати, и как делати нашего Рускаго уже да продолговатее и твержe, егда его ломать, тогда в воду размачивают».[1] Так характеризовал летописец нововведения, внесенные в кирпичное производство вызванным для работ в Москве итальянским зодчим Аристотелем Фиораванте. До этого времени русское каменное строительство знало один тип кирпича — плиткообразной формы, тонкий, почти квадратный, который известен начиная с древнейшей поры.

Пример Аристотеля был быстро усвоен и распространен. Уже в начале XVI в. производство кирпича нового образца приобретает право гражданства не только в центре, но и в строительной практике провинции. Особенное развитие получает кирпичное производство в монастырях, ведущих в это время большую строительную деятельность, сплошь и рядом упирающуюся в недостаток или дороговизну натурального строительного камня.

Кирпичные сараи были, например, заведены в Горицком и Никитском монастырях в Переяславле-Залесском; при постройке в 1530 г. каменной церкви в Даниловом мон. Василий III «к церковному зданию запас весь и сарай Горицкия церкви и Никиты чюдотворца церкви сарай повелел Данилу во свой монастырь препроводити, бяху бо те церкви в та времена камением и плинфами поставлены».[2]

Кирпич и до приезда Фиораванте начинал быстро и решительно входить в строительный обиход московских зодчих, чаще и чаще заменяя натуральный камень или употребляясь вместе с ним. Летописи отчетливо отмечают этот сдвиг, начало которого мы отнесли к половине XV в., и подчеркивают в приводившихся цитатах именно кирпичную стройку. В 1458 г. строится кирпичная церковь на Симоновском дворе в Москве; в 1471 г. «Торокан купець заложи себе палаты *кирпичны* в граде Москве»; митр. Геронтий «поставил у двора своего на Москве врата, *кирпичем кладены ожиганным*» и «полату *кирпичну*... на четырех подклетах» (1473—75 гг.); на месте разрушенной церкви на Троицком подворье в 1481 г. построили новую — «камену, и *кирпичем делаша*»; церковь «*кирпичну*» за Яузой ставит в 1483 г. игумен Чигас; в 1485 г. большой московский гость и боярин Ховрин построил «полату *кирпичну* и ворота».[3] Тщательные указания летописей на материал построек говорят о новизне этого явления. Фиораванте своими техническими усовершенствованиями и нововведениями, которые учесть во всей их полноте мы не можем, закрепил и форсировал начавшийся до него процесс внедрения кирпича в строительное дело. В конце XV и начале XVI в. кирпич становится уже обычным строительным материалом и идет и на крупные постройки и сооружения, как вымостку рвов вокруг Кремля, чинку прудов, по-

[1] ПСРЛ, т. VI, стр. 200.
[2] С. И. Смирнов. Житие Даниила, М. 1908, стр. 57.
[3] ПСРЛ, т. IV, 148; VI, 191, 32, 233, 234; XX, 352.

стройку стен Кремля в Нижнем-Новгороде и т. п.,[1] что указывает на быстрое развертывание кирпичного производства, которое должно было неизбежно расширяться, чтобы покрыть эти возросшие потребности.

Имеется мало данных относительно организации кирпичного производства в XVI в.; обрывочные сведения, которые находим в приходо-расходных книгах Кирилло-Белозерского и Болдина Дорогобужского монастырей, указывают лишь на использование рабочей силы по найму. Нанимаются к кирпичному делу казаки, бобыли; казаки исполняют те же черные работы при печах, которые несут в XVII в. ярыжные. Обжиг кирпича производился, повидимому, особым специалистом, так как в найме совершенно не упоминается обжиг, а лишь «резка» или «деланье» кирпича, так же, как и в производстве XVII в., когда кирпичники лишь формуют кирпич, а обжиг ведет мастер-обжигальщик, когда порядные записи оговаривают выработку жженого или сырого кирпича. Производство работы наемной рабочей силой переходит и в первые десятилетия XVII в.; так, в 1607 г. Кемские крестьяне сделали 35 790 шт. кирпичу, в 1610 г. крестьяне же «резали 4000 кирпичу с тыщи по 16 алтын». Работы производились в монастырских сараях; в Кирилло-Белозерском монастыре они находились около Щелковской мельницы. Общее наблюдение над производством поручалось монастырскому «старцу».[2]

Из источников не ясна конструкция кирпичных обжигальных печей; для кладки их использовался обычный жженый кирпич,[3] делали их те же кирпичники, а иногда приглашался специалист-печник; из возможности такой замены можно заключить о технической простоте устройства печи. Перед обжигом печь просушивали — «выжигали».[4] Дальнейшее оберегание печи от воды было особой заботой мастеров, подрядные иногда оговаривают это наблюдение особо: «а от верхней воды беречь ему Сидору, а от исподней воды беречь нам наемщиком».[5] Главной фигурой производственного процесса был кирпичный обжигальщик, следивший за обжигом и особо высоко оплачиваемый; при нем работали ярыжные или работники, вносившие и выносившие кирпич из печи. На долю кирпичников, работавших в сараях, приходилась выделка сырца, который формовался в особых станках при помощи «ножевых гвоздей». Станок или «творило кирпичное» делался из липы и сшивался гвоздями. Так был «подряжен Печатного двора столяр Иван Гаврилов зделать в Строкине к кирпичному делу станки; в которых делать кирпич, а по счету 700 станков липовых; и гвоз-

[1] ПСРЛ, т. XIII, 8.

[2] Никольский, Кирилло-Белозерский монастырь, вып. II, 1568 г., РИБ, т. XXXVII, вып. I, стр. 96, 98, 99 — 100, 103, 106; т. XXIII, ст. 1333. Сперанский, ук. соч., стр. 85.

[3] РИБ, т. XXIII, стр. 933.

[4] Там же, т. V, № 48; Кунгурские акты, стр. 287 — 291.

[5] Кунгурские акты, ук. м.

дьми шить против дворцовых Калужских сараев» — за сотню по 3 рубля;[1] иногда артель кирпичников сама бралась сделать станки.[2] Постройка кирпичных сараев также не была особенно сложным делом: это были по существу двускатные навесы на столбах. В Строкине 16 сараев (60 с. × 4 с. каждый) артель в 40 человек подрядилась сделать в 20 дней.[3] При крупных строительствах, быстро исчерпывавших запасы глины, сараи переносились на другое место, ближе к новым глиняным залежам. При постройке Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря старые кирпичные сараи из с. Дубового перенесены в с. Богородицкое и на пустошь Ожгутово, где была обнаружена пригодная для производства глина; позднее, по истощении и этих залежей, сараи вновь перенесли к Зимней горе в Гостиное поле, — здесь были сложены и новые обжигальные печи.[4] В Архангельске, при постройке гостиного двора, когда сараи и печи не переносились с места на место, глина заготовлялась перед летним сезоном и складывалась около сараев «валами», примерно на 100 000 кирпичей каждый.[5] Так же организована была заготовка сырья в постоянных казенных заводах Москвы, на возке глины специализировалась особая группа работных людей, так наз. «глинщики» (их встречаем, например, в слободе под Новинским монастырем); на подвозной глине работали частью и государевы кирпичные заводы в Строкине.[6]

Монастырское, церковное и гражданское строительство провинции в XVII в. обзаводилось своим производством кирпича, также как натурального камня и леса. Николо-Корельский мон. в 60 — 70-х годах отстроил две церкви из кирпича монастырских заводов, построенных около монастырской мельницы на р. Мячке в 60 верстах от монастыря. При отводе земли для Железненского поселья Далматовского монастыря учитывалось наличие на участке полезных ископаемых — бутового камня и глины, особо пригодной для кирпичного дела, за которое вскоре и принимаются. Повидимому, были кирпичные заводы у Саввина монастыря, откуда везли в 1674 г. кирпич на Звенигородские железные заводы; были кирпичные сараи в хозяйстве суздальского архиепископа, а в 30-х годах упоминается о них в Вязьме; перед стройкой различных правительственных и хозяйственных зданий в Верхотурьи велено было «осмотреть, можно ли дешевою ценою завести кирпичные заводы, известь и камень». Солотчинский монастырь брал глину для своих построек в ближнем селении Новоселки.[7]

---

[1] РИБ, т. XXIII, стр. 1164, 954; т. VIII, стр. 943; ДАИ, VI, № 5-VIII. Забелин, Материалы, т. I, стр. 924.

[2] Кунгурские акты, там же.

[3] РИБ, т. XXIII, стр. 951 — 952.

[4] Там же, т. V, № 63, № 90 — 4.

[5] ДАИ, т. VI, № 5, VIII — XIII.

[6] Забелин, ук. соч., стр. 757; РИБ, т. XXIII, 1688 г.

[7] ЧОИДР, 1879, т. I, стр. 4; Перм. лет. III, 1122, 1124; РИБ, т. XXIII, стр. 353; Токмаков Ист. опис. Сузд. Покр. мон., Влад., 1913, стр. 26; АМГ, I, стр. 645; ПСЗ, III, стр. 401; Доброклонский, Солотчинский монастырь, стр. 80.

О размерах кирпичного производства при местных строительствах можно судить, например, по строительству Архангельского гостиного двора: там было 12 сараев, из них шесть длиной 50 и поперек 6 саж. и шесть сараев «шатровых» над печами по 40 саж. в окружности; к кирпичным сараям в Строкине на летний сезон было заготовлено в декабре 1668 г. глины на 1 600 000 штук кирпича. [1]

В самой Москве, кроме крупнейших государственных заводов — Даниловских, оборудованных, повидимому, на западный лад, Хамовнических, Крутицких и Полевых, являвшихся главными производственными единицами правительственного строительства, — был ряд других, более мелких, монастырских и частновладельческих сараев. Известны сараи у Пресненских прудов, Лужицкие сараи; кирпичные склады, а может быть, и производство было под Моисеевскими богадельнями; Знаменский монастырь владел кирпичными заводами «по поступной дворянина думного Прокопия Кузьмича Елизарова (?Минина)», он состоял из трех сараев и двух печей. [2] Продукция этих частных и монастырских предприятий была достаточно велика, у них неоднократно покупается кирпич и для казенных построек; так, в 1667 г. был куплен кирпич у Покровского монастыря «на убогих домах». [3]

Писцовая книга Московского у., Ратуева стана дает возможность ближе познакомиться с мелким производством кирпича. «Да на р. Москве у Воробьевских круч, ц. Андрея Стратилата древяна клетцки. . . да на церковной же земле сараи, а в них жгут кирпичье; да сарай попа Ивана Кондратьева, а в нем *зжет кирпич сам поп на продажу;* на другой сарай попа Алексея Денисова, да в том же сарае жеребей дьяконский и тот жеребей в споре у попа Алексея с церковным дьячком с Тимошкою; а *поп Алексей отдает свой сарай на оброк торговому человеку* Ивану Истомину сыну, Котельного ряду». [4] Это свидетельство писцовой книги рисует мелкую домашнюю промышленность, работающую без применения крепостной и наемной рабочей силы, являющуюся в этом отношении антиподом крупных казенных предприятий с широко поставленным производством. Характерно также, что это мелкое производство уже в 20-х годах XVII в. ориентировано с расчетом на рыночный сбыт: поп Иван делает кирпич «на продажу», а поп Алексей предпочел сдать свой сарай из оброка «торговому человеку». Купец-торговец овладевал непосредственно производством.

Самый процесс производства кирпича, отчетливо выявленный в книге Сперанского для больших предприятий, для мелкого домашнего производства может быть дополнен сравнительными данными

---

[1] ДАИ, т. VI, № 5 — VIII; РИБ, т. XXIII.

[2] РИБ, т. XXIII, стр. 954, 968; Забелин, Материалы, т. I, стр. 103, 283, 566, 742 — 748; т. II, стр. 673; Довнар-Запольский, Торговля и промышленность Москвы («Москва в ее прошлом и настоящем», т. VI, стр. 51.

[3] РИБ, т. XXIII.

[4] Забелин, Материалы, т. I, стр. 734 — 35; приведено у Сперанского, стр. 190.

крестьянских промыслов недавнего прошлого, в которых мы с полным основанием можем предполагать большое сходство с производством XVII в. В конце прошлого столетия Д. П. Семенов так описывает производство кирпича крестьянами в Верховьях Дона и на его притоках — Б. Сосне, Красивой Мечи, Вязовне и других: «Крестьянские кирпичные заводы обыкновенно работают силами одной семьи. Глина мнется и вминается в станки ногами; работа эта производится обыкновенно ранней весной, в свободное от полевых работ время. Затем кирпич сушится на воздухе под соломенными навесами и обжигается во врытых в землю печах вместе с некоторым количеством известняка. В одну обжижку обыкновенно идет от 20 до 40 тыс. кирпича. . . Для обжижки употребляется иногда солома, а иногда дрова, чаще всего пни, а иногда крестьянин, желающий выстроить кирпичную избу, получает необходимый ему кирпич со значительной скидкой, отдавая на обжижку его свою старую деревянную избу».[1]

Производившийся в XVII в. кирпич разделялся на ряд сортов — стенной, городовой, жженый, трубный, сырой, угольчатый, муравленый для выстилки полов; он муравился самими же кирпичниками свинцом и приближался таким образом к изразцу; для вымосток употреблялся также «синий кирпич», получаемый при помощи пережога обычного. Такой кирпич часто заменялся «дубовым резаным» (своего рода «паркет»). Потребности строительства часто вызывали к жизни производство нового вида материалов. Так, во Пскове для выделки черепицы на кровлю Зелейной палаты были приглашены псковские гончары, которым и приказано было, в виде опыта, сделать 100 штук с образца; до этого времени производство черепицы во Пскове не было известно.[2]

Величина кирпича на протяжении XVII в. значительно менялась. «Большой государев кирпич» 7 × 3 × 2 вер. был наиболее употребительным, так как его производили казенные заводы и этого размера придерживались в правительственных постройках. Однако, обжиг этого крупного кирпича «большие руки» требовал значительного расхода топлива и был под силу лишь мощным предприятиям государственного масштаба. Часто встречаются упоминания о кирпиче «меньшей руки». Его появление вызвано большей легкостью обжига до нужной крепости и его конструктивными преимуществами в кладке; при постройке каменных амбаров в Верхотурье «кирпичь велено делать менши для того, чтоб в деле был крепче». В частных строительствах господствовало полное отсутствие какого-либо единообразия в выделке кирпича: балахонские

---

[1] «Россия», изд. Девриена, т. II, стр. 248.

[2] Забелин, Материалы, т. I, стр. 231, 237, 238, 249, 249, 941; его же, История г. Москвы, стр. 499; его же, Домашний быт, т. I, стр. 61. Сборн. МАМЮ, т. VI, стр. 82. Попутно следует указать, что назначение «голосников», т. е. глиняных кувшинов, вставлявшихся в кладку стен особенно культовых зданий, источниками выясняется с полной отчетливостью. Их значение — улучшение акустики, в ряде мест они названы «слуховыми кувшинами». См., напр., Материалы для VIII археологического съезда, в. II, стр. 17.

кирпичники делали для Нижегородского Печерского монастыря кирпич «большие руки в монастырскую меру», в другом случае подрядная оговаривала «мерою тот кирпич делать против государева кирпича арленого, длиною в 7 вер., а шириною на связь, а толщиною в $1^{1}/_{2}$ вершка». Таким образом казенная величина кирпича крайне разнообразилась местными нуждами и условиями. Этому положению отвечают и данные памятников зодчества XVII в., характеризуемых разнообразием пропорций кирпича.[1]

Несмотря на почти исключительное пользование кирпичом в каменной стройке с XVI в. и на все большее отступление на второй план натурального камня, в начале XVII в., примерно через 150 лет после нововведений Фиораванте, опять происходит вызов иностранных специалистов кирпичного производства. В 1630 г. пожалованы «на приезд» каменщики Дирик Мартыс и Берет Якобс. Первый был вскоре отпущен назад с подарками: из записи об этом узнаем, что «голландские земли немчин кирпичный мастер Дирик Мартыс» был у Государева кирпичного дела в Даниловских сараях и сделал кирпичную печь и *над печью деревянный шатер по своему немецкому образцу* и кирпичи делал».[2] Таким образом, наряду с запросом о голландских «подмастерьях городового дела»[3] был и вызов мастеров-кирпичников, и один из основных кирпичных заводов (Даниловские сараи) был поставлен более или менее на уровень западной техники. И. Е. Забелин связывал это новое ее привнесение с упадком кирпичного производства, происшедшим якобы в это время под влиянием преобладающего значения деревянного стоительства.[4] Последнее не только в это время преобладает — господство дерева в строительстве характерно для всего феодального периода. Во всяком случае, «немецкому образцу» Дирика Мартыса с легкостью последовал в 1647 году московский печник Алексей Кондратьев, сделавший, по приказу Алексея Михайловича, в Даниловских же сараях «кирпичную обжигальную печь *немецким образцом* в 34 500 кирпичей».[5] А. Н. Сперанский относит ошибочно появление иноземцев кирпичников к 70-м годам XVII в.

Примерно с половины XVII в. в строительной практике начинает все более и более решительно выступать подрядная система производства строительных материалов, равно и самих строитель-

[1] РИБ, т. V, № 43; Забелин, Материалы, т. I, стр. 248, 921; ДАИ, X, № 75 — VII; Перм. лет., V, ч. 2, стр. 256; Акты Печ. мон., стр. 193; Кунгурские акты, ук. м.; Снегирев упоминает о «гербовом клейме царя Ивана Васильевича на кирпичах, из коих складена» «Романовская палата» в Москве. Вряд ли это клеймо Грозного, поскольку само здание построено в XVII в. См. «Старина русской земли», т. I, к. I, СПб, 1871, стр. 37.

[2] Доп. дворц. разр., стр. 645.

[3] ПСГГД, т. III, № 89, 1631 г.

[4] Домашний быт, т. 1, стр. 33.

[5] И. Е. Забелин, История г. Москвы, стр. 165. На развернувшееся применение кирпича в строительстве XVII в. указал П. Алеппский, давший и подробное описание производства кирпича и кирпичной стройки, ук. соч., в. III, стр. 33—34.

ных работ. Не только московские обжигальщики (наиболее зажиточный слой кирпичников) выступают в качестве предпринимателей; большое количество артелей выходит и из крестьянской среды. Постановка и организация кирпичного производства при этой системе достаточно выявлены в работе А. Н. Сперанского. Он вскрывает и значительную дифференциацию, намечающуюся здесь — от крупных артелей с обжигальщиками во главе, обладающих настолько большими средствами, чтобы брать весь процесс производства на себя, до маломощных артелей, могущих предложить только рабочую силу, при предоставлении заказчиком всех средств производства. Частное производство, как на подрядах, так и в постоянных заводах, по данным источников, являлось более производительным, здесь намечалось и значительное разделение труда, чего почти нет на казенных кирпичных заводах.

В основном приемы и организация производства строительных материалов, кирпича в частности, как они складываются в XVI — XVII вв., а особенно самая техника производства оказывается чрезвычайно живучей. Это отражено в материалах XVIII в., а также в пережитках мелкого крестьянского производства в XIX в.,[1] показывая с новой убедительностью его средневековые корни.

2. Лесные материалы

Переходя к рассмотрению производства лесных материалов в условиях XVI — XVII вв., нужно сделать ряд замечаний предварительного характера. Выше мы касались производства белого камня, извести и кирпича — тех видов строительных материалов, в производстве которых в данном периоде происходят значительные перемены: производство количественно расширяется, этому соответствует ряд качественных изменений в способе производства, в самой его технике. Так, о технике кирпичного дела после Аристотеля Фиораванте можно говорить как о новом производстве, почти не увязывая ее с развитием предшествующего времени; с меньшей резкостью то же можно сказать и в отношении добычи известкового камня и выработки извести. Это положение подчеркивается и всем составом источников, каким мы располагаем; до конца XV и начала XVI вв. эти производства почти совершенно не освещены, не привлекают большого внимания летописца и не отражаются в актовом материале. Это положение не случайно и создано не только скудостью дошедших до нас письменных памятников. Оно отражает действительное место этих производств в общественном производстве материальной жизни в целом. До периода, рассматри-

[1] Архитектор Кигнер писал, что до 40-х годов «выделкой кирпича занимались люди самой низшей категории (!), обжигали его по устаревшим способам», только с 50-х годов производство кирпича стало улучшаться («Зодчий», 1872 г., № 6, стр. 84—87). Киприянов указывает на неудачные попытки добиться экспериментальным путем обжига кирпича до качества кирпича Смоленского кремля. Московская губ. в строительном отношении, стр. 112.

ваемого нами, каменная стройка была очень редким явлением: ее область — культовые здания, редкие крепостные сооружения. В XV — XVI вв. камень проникает и в жилищное строительство феодальных верхов, расширяется, как мы видели, военная и хозяйственная стройка из камня и кирпича. Этот рост влияет на развитие производства как самих строительных работ, так и на организацию и технику производства строительных материалов. Мы застаем деревянное строительство с издавна выработанной системой технических и организационных приемов — оно обслуживает и нужды феодальных господ, но исключительной его сферой являются жилище и хозяйственные постройки крестьянства и нижних слоев городского населения. Каменная стройка проникает в деревню значительно позже: можно говорить о XIX в., даже его второй половине как времени этого дальнейшего серьезного расширения социальной базы каменной стройки. Но в деревне, уже расслояемой капиталистическими отношениями, производство строительных материалов (камня, извести, кирпича) сохраняет, как мы пытались показать выше, средневековые черты своей организации и техники, унаследованные от производства XVI — XVII вв., обслуживавшего потребности феодального города, монастыря и вотчины. В силу указанных соображений нельзя думать, что каменное строительное производство, а с ним и производство камня и кирпича, как мы его изучаем на материале XVI — XVII вв., было в основных чертах таким же и в предшествующий период до крупного перелома в производстве в последней четверти XV в. Напротив, исходя из тех же предпосылок, мы в праве искать в производстве лесоматериалов и, особенно, в самой деревянной стройке XVI — XVII вв. черты старой организации и технических приемов. Необходимо указать и то серьезное обстоятельство, что эта отрасль не включалась в круг правительственных предприятий и не подвергалась серьезным изменениям сверху, со стороны правительственной администрации. Если каменное строительство было в основном охвачено компетенцией Каменного приказа, то деревянная стройка была вне организационного давления и регламентации со стороны правительства.

Вопрос о праве на леса, рыбные ловли и другие угодья до сих пор не совсем ясен. Наряду с несомненным правом частной феодальной собственности, мы имеем основание полагать, что они, формально принадлежа государству, находились во владении общин, волостей и сел, еще не освоенных феодалами, образуя так называемую альменду. Н. П. Павлов-Сильванский, проследив процесс ликвидации этих общинных владений и захват их феодалами, пишет: «Средневековые крупные землевладельцы, подчиняя своей власти общины, прежде всего накладывали свою тяжелую руку на общинные угодья, леса, поля и другие земли». Право распоряжения общинными угодьями переходило к волостному княжескому чиновнику — волостелю. Так, в XV в. отходят к монастырям и боярам леса Волочка Словенского и ряда других волостей, в это

же время лес становится предметом купли-продажи».[1] Аналогичный процесс захвата лесных угодий феодалами протекал и в Западной Европе. По словам Поля Лафарга, он начался ранее экспроприации пахотных земель; запрет использования крестьянами леса был одной из главных причин крестьянских восстаний, в частности жакерии, вспыхнувшей в северных и центральных провинциях Франции в середине XIV в.[2] Примеры, показывающие и в позднейшее время наличие еще не захваченных феодалами общинных лесов, неоднократно встречаются в источниках; так, еще в 1580 г. писцовая книга замечает, что в тверской Кушалинской волости лес «секут волостью», «секут всякие крестьяне села Кушалина, сельчане и деревенщики».[3]

Лесные угодья, став собственностью феодальных владельцев, оставались источником основного строительного материала для деревни, а также для заготовки топлива, и именно потому, главным образом, являются предметом особого охранительного беспокойства со стороны владельцев. Возможность получить с крестьян дополнительный доход за право эксплуатации лесных богатств заставляла с раннего времени регламентировать это право. Особенную попечительность в этом отношении проявляют монастыри, запасаясь запретительными грамотами властей на свои угодья — с одной стороны, а с другой — испрашивая право рубки леса на свои нужды в княжеских угодьях и волостных лесах. Так, грамота вел. князя в волость Углу приказывает старосте дозволить игумену Кириловского монастыря «сечи дрова, и жердье, и бревенье на хоромы» в волостном лесу (1448—1468).[4] В 1487 г. Троице-Сергиев монастырь получает грамоту от углицкого князя о беспошлинном въезде монастырских крестьян в княжой Передольский лес по дрова и бревна;[5] в 1471 г. указной грамотой запрещается крестьянам великокняжеской волости рубка леса Махрищского монастыря без доклада игумену.[6] Неоднократно следуют грамоты (1479, 1485, 1490 гг.) о назначении приставов для охраны от порубщиков принадлежащих Троице-Сергиеву монастырю Засоминского, Молитвинского и Копнинского лесов в Переславльском у. с указом волостелю Соли Переславской содействовать этой охране.[7] С тем же явлением мы встречаемся и в XVI в., когда, например, дается Успенской Зосимной пустыни (Колом. у.) жалованная грамота на пристава, запрещающая посторонним людям въезд «по дрова и по

---

[1] Н. П. Павлов-Сильванский, Феодализм в удельной Руси, СПб., 1910, стр. 12, 73, 248, 250, 258, 259; Ф. К. Арнольд, История лесоводства, СПб., 1895, стр. 205—206.

[2] П. Лафарг, Происхождение и развитие собственности, М., 1925. Ф. Энгельс, Развитие социализма от утопии к науке, 1931, стр. 85.

[3] Павлов-Сильванский, ук. соч., стр. 32.

[4] Там же, стр. 60.

[5] ААЭ, I, № 121.

[6] Памятники социально-экономической истории Московского государства, изд. Центрархива, в. I, № 155.

[7] Там же, №№ 196, 218, 235.

*

берная в монастырский лес;[1] князь Василий Иванович дает в 1529 г. грамоту Сергиезу монастырю о запрете въезда посторонним людям по дрова и хоромный лес в монастырские леса; ту же льготу получает от князя Звенигородского Сторожевский монастырь, освобождаясь, с другой стороны, от пошлины на свои лесные заготовки и сплав монастырскими крестьянами леса.[2] Это ограждение приставами, пошлинами, явками и пр. лесных угодий лежит в начале процесса превращения лучших из них в заповедные леса, с которыми мы встречаемся еще в XVI в.; Кирилло-Белозерский монастырь объявил заповедной часть своих лесных угодий; в 1589 г. «келарь Пахомий объехал лесу по старым граням старца Никодима и заповедал для монастырского и мельничного обиходу, не велел сечи того лесу никому и приказал того лесу беречи».[3] В XVII в. и позднее известны заповедники у Солотчинского и Макарьевского Нижегородского монастырей. Насколько это отозвалось на крестьянском и посадском люде, урезав возможности его промыслов, показывает то, что эта «мобилизация» лесов фигурирует в качестве одного из аргументов оппозиционного старообрядчества. Жалуясь на лишение «рукодельства и всех своих прежних промыслов», старообрядец Докукин дальше писал: «древеса самые нужные в делах наших заповеданы быша... древоделий и каменосечцев отгнали».[4] Особенно большое количество заповедных лесов было на южных окраинах Московского государства, что было вызвано, кроме того, военными соображениями (леса служили для устройства «засек»); известно, например, распоряжение о запрете будных станов на рр. Обояни и Орле.[5]

Смысл лесных заповедников изменился во второй половине XVII в., когда в монастырских записях мы встречаемся с «товарными бревнами», когда ведутся особые «книги продажные лесу».[6] Лес превращался в товарную сырьевую базу хозяйства, и, когда монастырь не мог наладить своего производства, то заповедный

---

[1] ААК, I, № 189, 1540 г.

[2] Там же, № 174, 1529 г.; Павлов-Сильванский, ук. соч., стр. 258. РИБ, т. XXXII. стр. 161, 1520 г.; стр. 131, 1570 г., см. так же Н. Коноплев, Вологодские святые, стр. 74.

[3] Никольский, ук. соч., стр. 67, прим. I. В житийной литературе чрезвычайно ярко отражена эта усиленная забота монастырей о заповедных лесах; на страже их стоят небесные патроны. Пертоминские «чудотворцы» разрушили плоты краденого леса, Кассиан Учемский сжег пожаром озины, построенные крестьянами из монастырского леса; в рассказе жития Савватия Соловецкого о природных богатствах Соловецкого острова большое место занимают «сосния велиа к соделанию храмов». И. Яхонтов, Жития св. русских подвижников Поморского края; Казань, 1881, стр. 298; Ярославские Епархиальные ведомости, 1823, стр. 339, Вел. Минеи Четьи, изд. Археогр. ком., апрель, т. 2, стр. 505—506.

[4] Цит. по Плеханову, История русской общественной мысли, Соч., т. XX. стр. 355; О заповедниках см. также Павлов-Сильванский, ук. соч., стр. 141; Писцовые книги Московского государства, т. II, стр. 393—395.

[5] **РИБ, т. XXI, стр. 686.**

[6] Леонид, Историческое описание Ново-Иерусалимского монастыря, стр. 586. Лес стал значительно раньше одной из статей московского экспорта. О торговле ценными породами из Герцинского леса сообщает Кампенье. В. Семенов. Библиотека иностранных писателей о России, т. I, стр. 30.

лес сдавался промышленным людям, которые «готовили к Москве на продажю лес красной и тес и драпь, и оттого давали в монастырь выкупу по 20 р. на год, да со всякого лесу десятое дерево». [1]

Обычно рубка леса производилась по точной смете плотников. Когда делались заказы на дрова для Строкинских (под Измайловом) кирпичных сараев, строго оговаривалось, чтобы брался только лес, сваленный под расчистку пашни, подсушенные или подожженные деревья, отнюдь не затрагивая заповедного леса. [2] Это показывает значение заповедников как строительных сырьевых баз и большое внимание к ним.

В эксплуатации XVI — XVII вв. находились главным образом основные среднерусские лесные массивы в приокском бассейне. [3] В XVI в. особенно славился Клинский лес, из материалов которого (ель) был выстроен описанный Штаденом Опричный дворец Грозного в Москве. [4] Крупнейшие строительные работы в подмосковных царских именьях ведутся на материале Муромских, Арзамасских (Роженский бор), Елатомских, Касимовских, Кадомских, Рязанских, Брынских лесов; лесозаготовки шли также в Рузском, Гороховецком и Вязниковском уездах, по рекам Жиздре и Угре; разрешено было сечь лес и в заповедниках Солотчинском и Макарьевском. [5] Конечно, этот перечень охватывает только наиболее богатые лесные районы, к которым обращалась и крупная стройка государственного порядка. Частные же строительства более мелкого масштаба естественно использовали местные ресурсы, и перечислять все эти местные лесные угодья не имеет смысла.

В силу обычности и общеупотребительности деревянной стройки как ее техника, так и способ заготовки лесоматериалов не обрисованы источниками даже с тем вниманием, которое заняло в XVI — XVII вв. кирпичное и каменное дело, имевшее и сложные организационные формы и подтягивавшееся к западной технике. [6] Источники касаются этой стороны лишь тогда, когда производство лесных материалов пытается оставить свои старые приемы ручной

---

[1] Доброклонский, Солотчинский мон., стр. 15.

[2] РИБ, т. XXIII, стр. 917—19; 1668 г. Обширность лесных богатств Московского государства смягчала последствия роста их эксплуатации, особенно развернувшейся с конца XV в. (Н. Рожков, Сельское хозяйство Московской Руси, стр. 12). На западе же этот процесс поставил под угрозу самое существование лесов, в силу этого там мы находим детально разработанную правовую нормировку использования лесов, слагавшуюся в довольно целостную лесохозяйственную систему. В практике Московского государства в приведенных выше указаниях на попытки такой регламентации мы имеем лишь зачаточные проявления этого лесного законодательства. См. К. Бюхер, Возникновение народного хозяйства, ч. II, гл. III. Лес и хозяйство, стр. 23 и др. П., 1923 г.

[3] О размещении лесов в XVI в. см. Рожков, ук. соч., стр. 7—17, прилож. I.

[4] Ук. соч., стр. 109.

[5] РИБ, т. XXI, стр. 721, 1195, 1202, 1301, 1350, 1382-83, 1445; Забелин, Домашний быт, т. I, стр. 351; Вахрамеев, Исторические акты Спасского Ярославского мон., т. I, стр. 167; Акты Ниж. Печ. мон., стр. 237 и др.

[6] В силу тех же причин в иконе в миниатюре мало отражено деревянное зодчество, живописец должен был насытить иконный ландшафт парадной и редкой каменной архитектурой господствующего класса.

обработки и ввести первичные элементы механизации. Ставится вопрос о постройке «мельниц для ростирки тесу и досок», т. е. о лесопилках. Эта потребность возникла в строительстве царских имений под Москвой около 1676 г.[1] Здесь опять-таки играл какую-то роль «немецкий образец», хотя и местные мастера уже както подходили к разрешению проблемы механизации: часовник Моисей Терентьев в 1667 г. представил для нужд с. Измайлова образцы механизмов—мельницы, водокачки и насоса; один из «образцов», по заданию, предполагал разрешить проблему «вечного двигателя» — «как молотить колесами и гирями без воды».[2] В Нижнем-Новгороде лишь в 1692 г. стали думать об устройстве мельниц «для ростирания досок и всякого леса и хлебного молотья по *немецкому образцу*»; в этом же направлении был поощряем переводчик посольского приказа Андрей Крефт, главным образом, по постройке хлебных мельниц «немецкого образца» в Москве и других городах.[3] В Архангельске в это же время уже действует компания холмогорца Оськи Баженова и гостя Вас. Грудцына во главе с железным заводчиком Андреем Бутенантом, безоброчно владеющая пильными мельницами под Архангельском, которые работают не только на внутренний рынок, но и, главным образом, на экспорт; внутренние торговые операции оплачивались пошлиной по торговому уставу («заморская продажа») по 24 ал. 4 д. со ста досок; позднее торг корабельным лесом взял на откуп голландец Даниил Артман.[4] Эта компания имела первоначально, повидимому, правительственное происхождение, и ее начало можно связывать с командировкой в 1666 г. полковника Густава фон Кампена на Двину с целью «присмотра» за корабельным лесом и поисков, где бы можно поставить мельницу для «ростирки лесу» при лесных местах, а также для наведения справок о ценах на доставку леса к Архангельскому порту.[5] Таким образом, раньше, чем местное строительство выдвинуло проблему механизации производства лесоматериалов, она была подсказана намечавшимися возможностями их экспорта.

О самом характере этих лесопилок «немецкого образца» мы можем только строить предположения (ни одной из них в натуре не существует, равно нет их описаний).[6] Мы ничего не знаем также об эффективности этого технического нововведения, можно лишь констатировать, что в инвентаре ручной обработки лесных материалов мы почти совершенно не встречаем пилу, так же редко попа-

[1] РИБ, т. XXI, стр. 745.

[2] РИБ, т. XXIII, стр. 787; Заозерский, Царь Алексей Михайлович.. стр. 116

[3] РИБ, т. XVII, стр. XXI, пр. I; ДАИ, XII, № 74, 1692 г.

[4] Полн. Собр. законов, III, № 1411; 1691 г.; № 1410. Корабельный лес был одной из важных статей русского экспорта. А. Н. Шграух, Торговый капитал в Московском государстве, 1931 г., стр. 89.

[5] ПСГГ и Д, IV, № 49. РИБ, т. XXI, стр. 1213. О лесном экспорте в XVI в. см. Герберштейн, Донесение о Московии, ЧОИДР, 1876, II, отд. IV, стр. 18.

[6] Разнообразие иностранных вариантов устройства лесопилок с использованием водяной силы также затрудняет расшифровку этого «немецкого образца».

даются «пильники», работники по выделке досок;[1] и в самом плотничном деле основное место принадлежит топору, плотники XVI в. и при стройке больших дворцовых сооружений «пользуются только топором, долотом и скобелем и одним инструментом вроде кривого железного ножа, вставленного в ручку» (Штаден). В соответствии с этим среди известных нам сортов продуктов лесного дела преобладающее место занимает сделанный при помощи топора тес, а не пиленая доска. По одному упоминанию мы знаем, что одно бревно при теске топором давало не более двух «тесниц», в Олонце из 175 бревен вышло 300 штук теса.[2] Из учета данного лесного рынка можно заключить, что выработка теса при помощи топора, помимо малого использования бревна и превращения «горбыля» в щепу, имела еще и другой предел: максимальная длина теса — 4 сажени, тогда как пиленая доска по тем же данным достигает, правда в редких случаях, 7 саженей длины. Ниже мы увидим место этих двух сортов, как на рынке, так и в строительстве, определенное изложенными условиями.

Не случайно, что первые лесопилки сохраняют название «мельниц», ясно показывая свое генетическое родство с этим усовершенствованием, появившимся еще в очень раннюю пору в сельскохозяйственном производстве. Потребности сельского хозяйства значительно раньше выдвигали и давали первоначальное решение технических задач. А. И. Заозерский приурочивал первые технические сдвиги в этой области ко времени больших работ по устройству царских подмосковных имений в 60 — 70-х годах XVII в.[3] Однако, мы должны отдать первенство монастырскому хозяйству и дату этого явления сдвинуть значительно глубже к середине XVI в. В угодьях Чердынского Богословского монастыря уже в 1580 г. была «на речке на Чудовке мельница *немецкое колесо*».[4] Еще раньше, по словам монастырского летописца, Соловецкий игумен Филипп (середина XVI в.) устроил, повидимому, чрезвычайно сложные по тем временам механизмы — севальню («десятью решеты один старец сеет»), решето, которое «само сеет, и насыпает и отруби и муку разводит розно», он же «нарядил ветр мехами в мельнице веять рожь». Филиппу летописец приписывает и ряд

---

[1] Наиболее раннее упоминание о досках относится к хозяйству Кирилло-Белозерского мон. (1560 г.). Никольский, ук. соч., стр. 33, пр. 4; двух «пильников» встречаем в Москве (1633 г.), «Росписной список», «Труды Моск. Отд. военно-ист. об-ва, М., 1911 г., т. I, стр. 96; при постройках в Иверском мон. была пила «и тес и брусы тешут и пилами доски ростирают» Леонид, Акты, № 90 (3) — патриаршее хозяйство естественно было хорошо оснащено. РИБ. т. XXIII, стр. 32. В миниатюрах рукописи жития Варлаама и Иоасафа (первой половины XVII в.) встречаем изображение пилы в сценах, не относящихся к русскому быту, где она изображена в виде палки со вставленными с обеих сторон зубьями, повидимому, нереально. Изд. ОЛДП. т. XXXVIII, стр. 360. «О широком применении ее (пилы) крестьянство в XVIII в. еще не знало». «Техническая энциклопедия». т. XIV, стр. 249.

[2] РИБ, т. VIII, стр. 942; 1675 — 76 г.

[3] Ук. соч., стр. 116.

[4] Пермская летопись, т. I, стр. 90.

других более фантастических изобретений. Конечно, так квалифицируя развитие техники в отраслях, связанных с сельскохозяйственным производством, не надо забывать, что это развитие касалось единичных крупных владений, отнюдь не меняя сколько-нибудь существенно общую картину рутинности хозяйства в целом.[1]

До времени появления «пильных мельниц» (второй половины XVII в.) источники чрезвычайно мало интересуются техникой выработки строительных материалов, предполагая их общеизвестность; однако, в них с достаточной ясностью отражена как организация производства, так и весь состав вырабатываемых материалов и их значение на рынке.

Заготовка леса на нужды строительства вотчинного хозяйства производилась крестьянами местных деревень с самого раннего времени, источники XV в. уже указывают в ряду прочих и эти повинности.[2] Это положение остается верным и для XVI—XVII вв.; повинность закрепляется «вотчинным крестьяном... к монастырскому и монастырских дворов к строению лес рубить и возить и хоромы и ограду и заборы и всякое строение строить».[3] Нагрузка крестьянского хозяйства барщиной и «лесным оброком» точно учитывается, и мы неоднократно встречаемся с детальной разверсткой причитающегося с каждого крестьянского двора леса. Эти раскладки, естественно, вырастают при крупных строительных работах, какие, например, вел Солотчинский монастырь.[4] Для стройки в подмосковных царских имениях эта повинность выражалось в следующих цифрах: за зиму 1 крестьянский двор должен был заготовить: по с. Сасову 400 шт. тесу 2½ сажен и 100 шт. трехсаженного; по с. Солочинскому — 600 шт. драниц, 100 лубов, липовая доска, липовое бревно и «дубина»; по д. Кучиной — 400 шт. тесу 2½ сажен, 100 шт. трехсаженного, 300 лубов и 600 драниц; по с. Дехтяному — 200 шт. кровельных и 50 косящатых тесниц, 600 драниц и 100 лубов.[5] Иногда лесной материал замещал иную статью натурального оброка; так, для того же строительства с. Сасово, размером в 100 дворов, выставляло за год «вместо столовых припасов»: 400 досок липовых, 200 — дубовых, 200 — сосновых, 100 «дубин», 400 досок ореховых, кленовых, яблоновых, грушевых, 400 бревен «товож лесу», 500 скал и ряд предметов щепных — 500 ушатов, 600 кадок, 100 корыт, 50 извар, 10 площадок (?).[6] Показательны итоговые цифры лесных материалов, которые поглощало одно подмосковное строительство царских имений. По подсчетам А. И. Заозерского, в Измайлово было

---

[1] Исторический вестник, 1896 г., т. III, стр. 919—920. Об экономической прогрессивности средневековой церкви, см. М. Н. Покровский, Русская история, т. I. стр. 204.

[2] См. выше ААЭ, I, № 121 и др.

[3] С. А. Шумаков, Сотницы, грамоты... в. IУ, стр. 1287; Уставная грамота 1685 г.

[4] Доброклонский, ук. соч., стр. 77.

[5] РИБ, т. XXI, стр. 1023—24; 1665 г.

[6] Заозерский, ук. соч., стр. 178—79.

доставлено: из Рузы 10 000 сосновых бревен 8 вершков в отрубе, из Черноголовской волости 30 000 и 40 000 бревен; под первую возку было дано 993 крестьянских подвод, из Солотчинского леса 40 000 тесниц, 6000 лубов и 5000 драни.[1]

Царское хозяйство, имевшее неограниченные возможности использования как крестьянской, так и служилой (солдатской и стрелецкой) рабочей силы, организовало огромные лесозаготовительные работы в отдаленных богатых строевым лесом районах. Основным был Муромский бор, где работал полковник М. О. Кравков со своим полком и крестьянами. Заготовки шли зимой, материал вывозился на Окский берег крестьянами всех владений, «которые к тому лесу поблиску подошли», вовлечены были в работу крестьяне Муромского, Нижегородского, Балахнинского, Гороховецкого, Вязниковского, Арзамасского, Кадомского и Касимовского уездов.[2] За возку дано было по пуду соли. Солдаты Кравкова получили «по софьяну ис Персицких товаров».[3] Часть запасов сдавали на доставку, подрядом и сплавляли водой частью в плотах (бревна), частью на гребных стругах; кормщики и гребцы брались из Белогородской волости Нижегородского у.[4] Эта эксплуатация крестьянского населения (и так истощенного «налогами» своих помещиков) имела на другом конце обнищание и развал его хозяйства: «а нынешним де работным людям, которые ныне идут на стругах с лесом, в другой раз иттить не мочно, для тово, что изнуждались, и ныне де со стругов беспрестанно бегают, а впредь и достальных на стругах не удержать».[5] Крестьяне вотчин Троице-Сергиева монастыря и с. Меленок, взятые к возке материалов из Муромских лесов, сбежали, недовозив положенной доли.[6] С лесосек крестьяне бежали партиями — с Гороховецкой ушло, например, 150 человек.[7] Царь справлялся: «отчего они бежали: от налога, или обиды чьей, или крестьяня ставят себе во оскорбленье, что им указано готовить тес, и дрань, и лубья, и всякой иной лес; и будет то им становитца тягостно, и ему велено крестьяном говорить и государевою милостью их обнадеживать, что им впредь будет во всем льгота».[8] Не нужно преувеличивать «отеческую заботливость Тишайшего»: царским посулам не было доверия, и тут, в качестве радикального средства от побегов, выдвигались солдаты, получавшие за свою «работу» подарки «ис Персицких товаров».

Близкую по характеру картину мы будем наблюдать и при заготовке лесоматериалов для нужд развертывавшегося строительства крепостей и острожков, закреплявших продвижение московских колонизаторов в Сибирь, а также для многочисленных больших и

[1] Там же, стр. 213.
[2] РИБ, т. XXI, стр. 1382—1383.
[3] Там же, стр. 1391.
[4] Там же, стр. 754, 758, 1739.
[5] Заозерский, ук. соч., стр. 104.
[6] Акты Печерского мон., стр. 312—313.
[7] РИБ, т. XXI, стр. 1320.
[8] Заозерский, ук. соч., стр. 189.

мелких ремонтов и укрепления вновь городов внутри страны. Городовое дело, а в особенности основная его часть — заготовка строительных материалов — целиком ложилась на тяглое население государства. Первоначальные деревянные укрепления Соловецкого монастыря, Сумский острог в монастырской волости — ставятся «монастырем и крестьяны»,[1] укрепления южной окраины Московского государства в XVI в. «сооружались людьми князей и бояр с их поместий».[2] Сечь лес на постройку «такой то волостью крестьяны всеми без омены» —[3] формула XVI в., по существу типичная и для XVII в. К этому времени повинность лишь расширяется в сторону привлечения посадского населения — «лес готовить служилыми и посадскими людьми, ямскими охотниками, пашенными крестьянами и всякими посадскими и уздными людьми», читаем в грамоте о построении Верхотурского острога.[4]

В Сибири и на окраинах эту повинность русские колонизаторы пытались неоднократно переложить на местных туземцев: «а около острога много, государь, ясашных иноземцев и им бы делать»; в 1677 г. Ядринский воевода, рапортуя о починке городских укреплений, между прочим писал: «а Ядринского уезда Черемиса на городовую крышку тес и бревна в Ядрине изготовили».[5]

Привлекая крестьян к городовому делу, правительство, охраняя свои фискальные интересы, делало малоуспешные попытки ослабить отрицательное действие повинности, расстраивавшей и разрушавшей сельское хозяйство деревни, ослаблявшей ее податную силу — предписывалось делать заготовки и ставить город «в непашенное деловое время со всяким раденьем, чтоб от того никаких чинов людям тягости и убытков и десятинной пашни недопашки и ясачному и всякому сбору не было».[6] Заготовки имели определенную норму, раскладываясь по развытке на население; крестьяне с. Усолья, вотчины Суздальского Покровского монастыря по выписи данной из приказной избы, обязаны были «с 24 четей с полуосьминой» поставить к владимирскому городовому делу следующие материалы: 100 бревен дубовых разной толщины и длины, 772 — сосновых, тесниц — 461, драниц — 461, гвоздей прибойных и двоетесных — 466 штук, 38 скал, 4 сосновых доски.[7] Остаток, превышающий возможности развытки, раскладывался денежным сбором на уезд и посад; так, для стройки тюрьмы в г. Шуе 1/3 средств предполагалось взять с уезда и 2/3 с посада, против чего посадские люди усиленно протестовали.[8] Иногда часть издержек брала на себя казна, сдавая поставку с подряда, как было при постройке

---

[1] ААЭ, 1, № 323; 1584 г. Возможно, что в данном случае речь идет о раскладке городового дела на средства крестьян.

[2] Штаден, ук. соч., стр. 110, 151.

[3] М. Дьяконов. Акты тяглого населения..., в. II, № 8; 1534 г.

[4] АИ, III, № 136; 1625 г.

[5] ДАИ, VII, № 72—III; 1679 г. и № 39.

[6] Там же, стр. 72.

[7] Там же, VI, № 7—I; 1670 г.

[8] Там же, VI, № 99; 1674 г.

Архангельского гостиного двора, когда «того же часу во все двинские волости послали памяти и биричем велели кликать по многие дни... чтоб... охочие люди шли подряжатца поволною ценою»; при починке Псковских укреплений в 1678 г. на крестьян легла лишь заготовка теса и драни.[1]

Количество леса, необходимое для постройки, как мы говорили, предварительно смечалось плотниками и представителями посада, плотники же изыскивали и наиболее пригодный лес в близлежащих угодьях, стараясь ориентироваться на речной сплав материала, или же лес вывозился «зимним путем». Суздальский воевода, например, «смечал» лес для чинки города «с тутошними лучшими людьми» и составлял смету за их подписями; посадские же люди производили и оценку плотов при покупке или подрядной сдаче материалов.[2] Безлесные места снабжались сплавным лесом иногда на огромные расстояния — на Терское городовое дело в Астрахань гнались, например, плоты из Казани; грозновская стройка Свияжских укреплений (1551 г.) производилась, по военным соображениям, из леса вотчины Ушатых Углицкого уезда, там же на месте город был срублен и, в разобранном виде, на плотах и судах был сплавлен вниз по Волге до Свияги.[3]

При лесных разработках для монастырского строительства основным контингентом рабочей силы также являлась вотчинная крестьянская масса, обязанная заготовкой в порядке оброка, и наемный труд лишь восполнял то, что не могло уже быть покрыто трудом крепостных. Никон приказывал в 1653 г. «запасаться лесом хоромным и камением и глиной на кирпич... *будс своих мало крестьян и тебе б со стороны нанять*, каменья брать, и глины копать, лесу пасти и теся пасти».[4] Колосальное никоновское строительство, конкурировавшее с царским подмосковным, естественно не могло быть удовлетворено обычными оброчными статьями, и, помимо значительного применения наемного труда, производилась еще и покупка у тех же вотчинных крестьян *заготовленного на продажу леса и готовых изб* «почем возьмут».[5] И все же, несмотря на такое положение в производстве патриаршей вотчины, крестьяне изнемогают под тяжестью наваленных строительством хозяйственных повинностей, отказываются от возки леса и не высылают даточных людей.[6] Это, в свою очередь, заставляет прибегать к наемному труду в дополнение к крепостническим методам эксплуатации.

В помещичьей вотчине, где «крепостной труд был исключитель-

---

[1] Там же, VI, № 21—IX; 1671 г. № 5—IV; 1670 г. Сборн. МАМЮ, VI, 177.

[2] ААЭ, III, 324, 1645 г.; Акты Новг. Соф. Дома, стр. 28, 1657 г. Холмогоровы, Селецкая десятина, стр. 79, 1711 г.; Пермская летопись, т. I, стр, 141 - 142, 1627 г.; ДАИ, VI, № 21—XIII, 1671 г.

[3] ДАИ, VIII, № 60, 1679 г.; М. К. Каргер, Крепостные сооружения Свияжска, Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии при Каз. университете им. Ленина, т. XXXIV, в. 3—4, К., 1929 г., стр. 133.

[4] Леонид, Акты Иверского монастыря, № 21.

[5] Там же, № 49.

[6] Там же, № 63.

ной основой хозяйства», к наемному труду прибегали редко, но эти случаи обращения к наемной рабочей силе связаны со строительным делом. Так, стольник А. И. Безобразов нанимал московских кирпичников для кладки церкви; плотничные же работы и заготовка лесных материалов производились трудом крепостных. Строительные нужды городского двора стольника также покрывались вызовом мастеров из числа вотчинных крепостных плотников или кирпичников, последние были известны наперечет и вызывались иногда по спискам, так как при общем запросе каждый пытался «избыть» повинности и просил «перемены». Городские «деловцы» вызывались из деревень со своим запасом провианта, «свой хлеб» вотчинник очень берег: — с двух плотников, не работавших некоторое время (один заболел, а другой расшибся на постройке), за то. «что они прогуляли, а хлеб мой ели», Безобразов приказал «хлеб доправить», «а подмоги ничего не давать». [1] Здесь нужно подчеркнуть характерный факт: если в вотчине имелось ничтожное количество кирпичников и вообще специалистов каменного дела, то деревянное строительство, как в заготовке материалов, так и в стройке покрывалось *полностью* крепостным трудом.

Таким образом, во второй половине XVII в. при подавляющем преобладании крепостного труда вновь пробиваются ростки передовых общественных форм производства — наемный труд. Это явление, конечно, никак не может быть квалифицировано, как решающее. А. И. Заозерский, анализируя методы эксплуатации рабочей силы в хозяйстве Алексея Михайловича, пишет: «подневольный [крепостной *Н. В.*] труд решительно преобладал, и к нему, вероятно, приспособлена была самая организация работ. Все было, повидимому, сведено к установлению крепкого надзора, и наиболее надежными «руководителями» работ были признаны, как мы знаем, солдаты и стрельцы». Их роль в лесозаготовках выясняется очень отчетливо.

В царском хозяйстве стиралась грань между оброком и барщиной в рамках обычного вотчинного владения и возможностью возведения хозяйственных работ в подмосковных имениях на степень государственной повинности; в этом смысле основной контингент рабочей силы — местные крестьяне — пополнялся значительными массами присылыных «работных людей», для которых «государево дело» являлось не обычной помещичьей барщиной, но добавочной государственной повинностью; к работе привлекались и военные служилые люди. Уже сверх этих основных слагаемых применялся труд «вольницы», наемных рабочих, и эта категория использовалась по преимуществу для строительного производства. [2] Условия царского хозяйства, однако, являлись все-таки исключительными. Обычные возможности рядового вотчинника, например, монастырского хозяйства, выдвигали, как основу, оброк и барщину в заго-

[1] А. А. Новосельский, Вотчинник и его хозяйство в XVII в., РАНИОН. 1929, стр. 137—138, 145, 146, 147, 182.

[2] Заозерский, ук. соч., стр. 118, 123.

товке лесных материалов, и в дополнение к нему наемный труд в порядке ли артельного подряда или индивидуального найма.

Состав тех работных людей, которые использовались по найму в лесных заготовках, слагался, с одной стороны и главным образом, из крестьянства, которое толкалось к работе по найму усиливавшимся податным обложением, причем не порывало своих связей с сельским хозяйством,[1] с другой стороны — наемная рабочая сила рекрутировалась из служилого и посадского люда. В большинстве случаев работа сдается по подряду; подрядная запись фиксирует количество и качество леса, условия и сроки выполнения. Укажем в качестве примера подряд 1593 г. крестьян на сосновые бревна для Софийского дома; подряд 1592 г. «охотников» из Алексеевской слободы на лесную заготовку к Новгородскому городовому делу; крестьян Вяжищского монастыря на лес к мостовому делу в 1593 г; новгородских пушкарей на 5000 теса для Софийского дома в 1676 г.[2] Часть рабочей силы вербовалась особыми приказчиками данного хозяйства, а иногда здесь выступал подрядчик-предприниматель, формировавший крупные партии наемной рабочей силы и поставлявший их к нуждам того или иного строительства. Эта масса «работного люда», попадавшая на работу вне подряда, подвергалась всем условиям мелочного надзора — урезкам зарплаты, усиленному выжиманию пота, в каких работала вся «вольница» XVII в. в целом; например, с работников по очистке леса в царских подмосковных был произведен вычет за треть дня, так как шел дождь; строгий надзор дьяков и прочих слуг вотчинного хозяйства гарантировал полное использование наемной рабочей силы.

Не совсем ясным представляется отношение этих основных в лесном деле групп рабочей силы к орудиям производства. На этот вопрос можно бросить некоторый свет лишь при помощи сопоставлений с близкими отраслями. Конечно, не представляет сомнения, что строительные материалы, получаемые в качестве оброка с крестьян, заготовлялись последними при помощи наличного в крестьянском хозяйстве инструмента. Крестьяне, работавшие по строительному делу на барщине, или работные люди, вызывавшиеся для «государева дела» в его именья, или даточные люди к городовому делу — редко работают инвентарем помещика или казны. В подавляющем большинстве случаев крестьяне вызывались к работам со своим инструментом, количество и качество которого оговаривалось

[1] Вызванные к Москве Безобразовым деревенские строители, кроме работы на владельца, нанимались еще на постоянные работы; случалось также, что вотчинные крестьяне-плотники и кирпичники прямо уходили в «мир» на заработки. Новосельский, ук. соч., стр. 145—146. Крестьяне Солотчинского монастыря добывали деньги частью плотничеством на стороне, часть подрядами на выделку кирпича. Доброклонский, ук. соч., стр. 60. По свидетельству грамоты 1587 г., еще в середине XVI в. в волостном лесу Куской вол. «промышляли» двое крестьян и платили оброк «с промыслу», Павлов-Сильванский, ук. соч., стр. 61. О превращении крепостного ремесленника в наемного рабочего см. М. Н. Покровский, Очерк истории русской культуры; 3-е изд., т. I, стр. 82.

[2] РИБ, т. XXXII, № 354, 381; Акты Новгор. Софийского дома, стр. 44.

при вызове. На засечной черте «деловцы» обязаны были являться «с топоры и с заступы и с лопаты», или же орудия производства покупались ими из жалованья, что, правда, отмечалось как явление ненормальное.[1] К чинке Смоленских укреплений требовались люди с топорами и лопатами, «а лопат велеть им имать для работы в запас со двора по 2 лопаты».[2] При приеме «деловцев» строго приказывалось «того смотреть и принимать всех на лицо и чтобы у всякого работника было особое свое по топору доброму, острому, по заступу доброму, по лопате, да у дву человек была кирка или пазник добрый же, острой»; подобные требования встречаются неоднократно в документах о постройке острогов на р. Исети, укреплений Ядрина, Оскола и т. п.[3] Как характерное исключение отметим, что *иногда с населения брался только инструмент без рабочей силы*: так, с Яблоновцев было взято 50 заступов и отослано к работам в Белгород.[4] Курчане, вызванные к городовому делу в Чугуев, не успев приготовить «запасишки и снасти», принуждены были *брать в наем орудия производства* — «и мы... просеки и кирки и заступы покупали и наймовали у литовских людей большою дорогою ценой».[5] На основании этих данных можно предполагать, что и лесные работы при строительстве обслуживались собственным инвентарем эксплуатируемого тяглового населения — крестьян и посадских людей. Так же для работ, выполнявшихся в строительстве вольнонаемным трудом, можно констатировать собственный инструмент у работников (укажем, в качестве примера, наемных плотников в Иверском монастыре).[6] Но среди многочисленных строительных артелей имеются уже и такие, которые могут предложить только свою рабочую силу и оговаривают полное обеспечение со стороны работодателя всеми средствами производства. Такой подряд заключила, например, очень пестрая по своему социальному составу строительная артель, принявшая на себя постройку хозяйственных помещений на Аптекарском дворе.[7] Это уже представители «предпролетариата». Аналогичные условия мы в праве предполагать и для лесных заготовок.

Лесные материалы, являясь предметом чрезвычайно широкого потребления, очень рано становятся товаром. Деревянное строительство и заготовка лесоматериалов было производством исключительно деревенским, основным производителем здесь выступает крестьянин, он же первоначально появляется и на рынке как торговец лесом, и лишь позднее к лесной торговле присасывается ку-

---

[1] А. Яковлев, Засечная черта... Зап. рус. арх. об-ва, СПб., 1916, стр. 68, 209—210.

[2] ДАИ, IV, № 75, стр. 193; 1660 г.

[3] АЮБ, II, № 171; 1697 г., АИ, IV, № 36 и 217. ДАИ, VII, № 37—1. ААЭ, IV, № 16.

[4] ДАИ, IX, 117; 1679 г.

[5] АМГ, II, стр. 119; 1640 г.

[6] Леонид, Акты Иверского монастыря, № 418; кузнецы, работавшие со своими инструментами, оплачивались выше, РИБ, т. XXIII, стр. 228.

[7] РИБ, т. XXIII, стр. 331—36; 1674 г.

пец или помещик, захватывая ее в свои руки. Мы видели, что крестьяне Никоновских вотчин занимаются заготовкой леса и срубов на рынок, что сам Никоновский монастырь наладил уже лесной торг и в его хозяйстве появились «товарные бревна» и «книги продажные лесу», Солотчинский монастырь сдает свой заповедник на откуп лесопромышленникам, экспортная компания Бутенанта и холмогорских гостей дополняет эту картину.

Не нужно, однако, представлять себе дело так, что эти явления, отражающие в нашем частном и узком материале развязывание и успехи товарно-денежного хозяйства, представляют собой нечто совершенно и принципиально новое. Лесной рынок не представляет исключения из общего развития экономических отношений Московского государства; во второй половине XVII в. происходит лишь усиление процесса, лежащего своими истоками в XVI в. и заторможенного событиями конца XVI и начала XVII вв. Известно, что на Владычных островках в Новгороде в половине XVI в. помещался лесной двор, где, по некоторым сведениям, торговали лесом митрополичьи крестьяне.[1] В расходных книгах Кирилло-Белозерского и Болдина-Дорогобужского монастырей сплошь и рядом встречаем записи о покупке леса у крестьян или о подряде на поставку. В 1586 г., например, белоозерский казначей записывает: «Рыжику долгозерскому с товарищи дал 30 ал. пол восьма алтына, выронили ему 150 бревен, шти сажен на солодежню вывести и поставити. . . купил 56 бревен 3 саж. без локти. . . да купил 17 бревышек по сажене с локтем, да 10 досок, да 18 скал,, 50 драниц», покупка леса происходит у крестьян Иванова Бора, Долгозерки, Уломы. Часто попадаясь в книгах Болдина монастыря, записи о покупке строительных материалов проходят и в XVII в.[2]

Неоднократно мы встречаемся и со сведениями о пошлинах на товарный лесосплав. Таможенная грамота 1633 г. о сборе пошлин в Гороховце (одном из центров, как указывалось, лесоразработок для средней России) отводит много внимания лесным товарам: «А которые люди зимой и летом торгуют лесом, и с лесу тамги имать с рубля по 5 денег да замыту деньга»; с воза продажных дров шла «плашка средняя»; хоромный и погребной сруб облагался «с угла по деньге, да замыту к тамге с рубля по 5 денег», хоромы «с нутры», т. е. с заготовленной тесовой нутряной обшивкой, облагались по 2 ал. 4 д., — «без нутри» — 8 денег. «А которые люди лес и бревна и дрова пригоняют Клязьмою, или иною рекою, с верху или с низу, и у тех людей с того лесу — с кряжей и с бревен, пошлина имать с рубля по алтыну, да выдершки со 100 кряжей имать по 10 денег; а с верхового же лесу, с бревен и кряжей, что пригоняют с верху же в плотех, на торговых людях имать с 100 бревен и со

[1] Б. Д. Греков, Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского дома. Лет. зан. Арх. ком., в. 33, стр. 206. «В Новгороде в 1548 г. было великое смятение в ряду», так как в р. Вишере «засох лес и дрова». ПСРЛ, т. III, стр. 200.

[2] Никольский, Кирилло-Белозерский монастырь, в. II; РИБ, т. XXXVII, в. I, стр. 67, 152, 153, 154; т. XII, №№ VII, XII (1615—21 гг.) и др.

100 кряжей выдершки по 10 денег да рублевая пошлина с рубля по алтыну, с 10 бревен или с 10 кряжей по денге». С мелкой деревянной утвари, лубов, бочек, досок, и пр. «со всех товаров имати у продавца рублевая пошлина по розсчету».[1]

Обложение пытались распространить и на не товарный сплав леса монастырскими крестьянами на нужды монастырского строительства; неоднократно встречаются челобитные монастырей об освобождении их от пошлин со ссылкой на беспошлинную возку «изстари». Об этом хлопотал, например, Ярославский Спасский монастырь, получивший в 1621 г. льготную грамоту.[2] Освобождаясь от пошлин на свои лесные промыслы, монастыри, с другой стороны, иногда получают пошлины на откуп, что, опять-таки, показывает большой товарный оборот лесных материалов; Нижегородский Печерский монастырь получил на откуп полесную пошлину в дворцовых волостях Заузольской и Толоконцевской, от Нижнего Новгорода вниз по Волге до Керженца, а вверх до р. Линды, — с посадских нижегородских людей и всяких чинов нижегородского уезда, «со всякого угодного вывозного леса» — иными словами, прибрал к рукам доходы с огромного участка водного пути, бывшего наиболее обычным для лесного сплава.[3] В 80 — 90-х годах XVII в. в связи с усилением и расширением лесных промыслов, особенное внимание привлекает обложение пошлинами лесосплава, о чем говорят указы 1686 и 1693 гг.[4]

В Москве, основном потребляющем центре провинциальных лесных промыслов, на берегах Москвы-реки скоплялись огромные количества лесоматериалов; приходилось разъяснять в указах, чтобы лес складывали в стопы, а не держали на воде, «чтобы в прибылую воду тем лесам и дровам и от тех лесов каменному и плавучим мостам и хлебным стругам порухи не было»; обширный лесной рынок находился в Скородоме; большие запасы леса держал на своем материальном дворе Каменный приказ.[5]

Чтобы охарактеризовать наиболее крупные размеры лесных поставок и роль товарного леса в строительстве, достаточно указать, что один лишь кадашевец Филька Онофриев поставил в Тайный Приказ за 4 — 5 лет леса на сумму 7630 с лишним рублей; часть этой суммы была выплачена солью из нижегородских складов и московских запасов.

Усиливающееся товарное значение лесных материалов демонстрируют также и характерные бытовые явления. Одной из самых чувствительных неприятностей, которые мог употребить помещик в своей владельческой борьбе с соседом, был поджог лесоматериалов и порубка леса; к этому и прибегнул помещик Гр. Зюзин, враждо-

---

[1] ААЭ, III, № 241.

[2] Акты Спасского монастыря, I, стр. 107.

[3] Акты Нижегородского Печер. мон., стр. 237; 1671 г.

[4] Полное собр. зак., II, № 1176; III, № 1583.

[5] Полное собр. зак., III, № 1329; 1699 г.; Олеарий, ук. соч., стр. 292; Герберштейн, Записки о московитских делах, СПб., 1908, стр. 97.

вавший с Печерским Нижегородским монастырем — он посек монастырский лес между дд. Опалевой и Беляннхой и сжег «пасеного» монастырского дровяного леса 40 костров, «а в костре по 25 возов, да дощаного леса на 5 изб на нутры полтретья ста досок ясеневых липовых и дубовых». В 1638 г. была подана жалоба на воевод псковских пригородов, что они «для своей корысти затевают... городовые поделки, раскладывают бревна, и тес, и драницы на наших крестьянишок, и от городового дела емлют с них посулы великие, а городов не делают, *а бревна и тес, и драницу продают, а деньгами сами корыстуютца*»...[1]

Если мы чрезвычайно мало можем вывести из наличного состава изданных источников о состоянии техники производства лесоматериалов, то данные рынка позволяют сделать некоторые, правда, общие заключения. На рынке в Москве в покупках провинциальных строительств мы встречаемся с огромным разнообразием сортов и видов материала, начиная от «черемхового прутья» для вязки лесов до готовых зданий включительно. Перечислим основные виды этих материалов.

Бревна (кряжи, оследи), длиной от 1 до 10 сажен, самой разнообразной толщины сосновые, дубовые, осиновые, липовые. Кроме основной массы — бревен для срубов, так наз. сосновых хоромных, имеются следующие виды: связные, переводины, заборные или тыновые (заборник), брусья, отесанные на 4 канта, бревна стропильные, сваи дубовые (дубник, дубина), решетные (решетник), лежни, быки, мостовые, кровельные, подвязные еловые, куричины.

Мелкий лесной материал — луб, гонт, скалы; драница, кроме обычной, встречается «струговая».

Досчаной материал. Тес — от 2 до 4 сажен длиной; кровельный, байдачный — для обивки судов и выстилки водоемов, он же «слань»; кровельный-подвязной; мостовой; тес красный — высшего качества; особенно славился тес москворецкий и верховской (с верх. Москвы-реки). Доски от 1 до 7 саж. длиной, различной ширины, по материалу — сосна, дуб, ель; липа и хорошие сорта (груша, клен и т. п.), судя по их использованию, шли для более мелких и тонких столярных работ; встречаются столовые, дверные, красные — дверные, лавочные, половые (сосновые, еловые), коничные — для обшивки «нутра» избы, кружальные — для опалубки крылечных рундуков; в крупные работы доски шли лишь на барки («барочные доски»), и то в небольшом количестве.

Использование доски в основном для столярного дела, в XVII в. еще почти не отдифференцированного от плотничества, и относительная редкость досок на рынке подтверждается также и их расценкой и размером покупаемых партий. Наиболее часто встречаем покупки, не превышающие десятка: в смете на постройку укреплений Опочки 1648 г. показана 1 доска 2 саж., 8 верш. в отрубе, по цене 10 денег.[2] В заготовках Тайного Приказа 100 дубовых досок

[1] Акты Нижег. Печ. мон., стр. 72, 1630 г.; Сбо. МАМЮ, т. VI, стр. 85.

[2] ДАИ, XII, № 3.

стоят 40 рублей; 16 красных дверных, саженных — 12 р. 13 ал. 2 д.; 17 лавочных 2½ саж. — 3 р. 13 ал. 2 д.; половые 3 саж. — за 10 штук 1½ рубля и т. п.; эти цены существуют при обычной стоимости теса в тех же заготовках 4—5 рублей за 100.[1] Как исключение, пока трудно объяснимое, выступают большие закупки досок и их относительная дешевизна в районе Кирилло-Белозерского монастыря: там в начале XVII в. у Боровицких крестьян покупаются доски большими партиями и по низкой цене — 272 доски стоят 1 р. 20 ал. 2 д., или 210 досок — 1 р. 6 ал. 4 д.[2]

На рынке можно было приобрести и отдельные части зданий — желоба, прибоины, дверные колоды, окончины и пр. Здесь же продавались мох для конопаченья срубов, измерявшийся «ношищами» (связками), «елками», возами, и черемховые прутья для крепления подвязей. Наконец, имелись и готовые здания «два струба горница с комнатою, горница трех сажен, а комната без лохти 3 сажени, без венца на 20 поземное, по цене 24 рубля с провозом», или «изба новая на келью с нутром» 13 рублей.[3]

Из этих данных вытекают некоторые дополнительные выводы. Большое разнообразие и спецификация лесных строительных материалов, наличие в их составе зданий и их частей заставляет предполагать, что производство строительных материалов, начиная с его первичной стадии — ронки леса, в значительной своей части еще не отдифференцировалось от плотничного дела как такового. На рынке фигурируют, помимо готовых домов и частей зданий, отдельные конструктивные детали (куричины, переводины и т. п.); эти материалы могли производиться, конечно, плотниками-строителями, а отнюдь не простыми лесорубами. Действительно, есть, например, указания, что в полку Кравкова, работавшем на лесозаготовках в Муромских и Арзамасских лесах для подмосковной стройки, было много плотников, а также работали на жалованье «лесовые промышленники».[4] Плотники, помимо составления смет для ронки леса, принимали также непосредственное участие в розысках нужных материалов в лесных угодьях: к Смоленску в 1660 г. требовали плотника для «обыскивания лесу на городовое дело».[5]

Перечисленные разновидности лесного материала почерпнуты нами главным образом из расходных книг тех хозяйств, которые данные материалы приобретали; поэтому естественно предположить, что некоторая часть указанных названий сортов происходит от того архитектурного использования, которое давалось им в стройке. Например, покупалось брезно, предназначенное для куричины или переводины, и в расход писалось, что куплена куричина или переводина. Несмотря на полную реальность данного соображения, оно

[1] РИБ, т. XXIII.
[2] Никольский, ук. соч., в. II.
[3] Забелин, Материалы, т. I, стр. 921; 1627 г.
[4] РИБ, т. XXIII, стр. 1244; 1669 г.
[5] АМГ, III, стр. 54.

не меняет ранее высказанной характеристики. Данные таможенной Гороховецкой грамоты, фиксирующие сплав на плотах срубов зданий, заготовка крестьянами никоновских вотчин изб на продажу, неоспоримое наличие отдельных готовых частей здания на рынке — дверных колод, окончин и т. п., все же показывают, что лесной материал в очень большой части поступал на рынок не только в виде готовых бревен и теса, но получал первичное, а иногда и серьезное строительное оформление. «В Москве, за Белой стеной, — пишет Олеарий, — есть *особый рынок разных построек*, и там стоит множество совсем сложенных и разнообразных домов, которые покупаются, перевозятся с небольшими издержками на место и быстро устанавливаются»..., «продающиеся бревна все заготовлены, пригнаны друг к другу, и их стоит только сложить на новом месте и проконопатить мохом».[1]

Обычность плотничного ремесла, его распространенность в деревне, связанная с необходимостью его в крестьянском хозяйстве, делавшей почти каждого крестьянина плотником, отмечены еще И. Е. Забелиным.[2] Вряд ли специалисты-плотники имеются в виду в уставных грамотах, фиксирующих обязанность крестьян «двор тынити и хоромы рубити», — скорее это именно подчеркивает общеизвестность плотничного дела. Отсюда вполне понятно и появление на рынке архитектурно-обработанных лесных материалов в виде срубов, частей зданий и т. п.

В этой неотдифференцированности лесного производства, в какой-то его части, от самого деревянного зодчества заключается основная архаическая черта, которая отличает производство лесоматериалов от производства камня, извести и кирпича, уже начисто оторвавшихся в рассматриваемый период от самого строительного процесса.

Отсюда отнюдь не следует, что плотничное дело не отдифференцировалось от лесных промыслов вообще. Специалисты-плотники известны с раннего времени; плотники встречаются среди монастырских слуг — в Троицкой лавре, Софийском доме и др. Однако, — и здесь это нужно подчеркнуть, — внутри плотничного ремесла мы не находим значительного расслоения по квалификации. Формировавшиеся в основном из крестьянства плотничьи артели несли с собой традиционно-сохраненные технические навыки и приемы, их работа поднимается до высокого мастерства, но все же на основании источников мы не можем делать вывод о выделении внутри этих строительных коллективов особых специалистов, аналогичных подмастерьям каменных дел. Формула «такой-то с товарищи» скорее показывает выделение юридического лица от артели, который, будучи, может быть, наиболее искусным мастером (напомним плотничьего старосту Семена Петрова и плотника Ивана Михайлова Стрельца, строителей Коломенского дворца), — был

[1] Ук. соч., стр. 108, 112; Ср. В. И. Ленин, Соч., 2-е изд., т. III, стр. 310, прим. 4.

[2] Домашний быт..., т. I, стр. 33.

все же «первым среди равных».[1] Основное место в плотничном деле занимали не эти артели, а та крестьянская масса, которую привлекал к плотничному делу духовный или светский крепостник; а технический уровень ее был очень низок и иногда не мог удовлетворять весьма элементарных требований. Например, крестьяне отказывались делать баню пятистенку («а рубить такой бани не умеем — на пять стен»);[2] хотя заказ и был в конце концов выполнен, но возможность выставить такой довод с несомненностью показывает действительную примитивность строительных навыков крепостного крестьянина. Совершенствование строительной техники, а с ней и возможность выработки новых архитектурных форм в деревянном строительстве несли с собой именно артели плотников, частично оторвавшихся от земледелия, превращавшихся в ремесленников, работающих на заказ, терявших первоначальную неразрывность с заготовкой лесных материалов. Основная же масса крепостных плотников сохраняла первобытную, хотя иногда высокую технику, «неизменную чуть ли с незапамятных времен» (Ленин), и тормозила это развитие.

С другой стороны, те технические нововведения, которые мы отмечали для XVII в. в производстве кирпича и отчасти камня, проникающие и в лесное дело (лесопилки), отнюдь не одинаково отражались на этих производствах. Каменное зодчество было монополией верхушечных классов Московского государства, и в этом узком поле развертывания строительства и производства строительных материалов (также в основном мобилизованного на службу этому строительству) технические новшества быстро давали ощутительные перемены в производстве в целом. Кирпичное производство начала XVI в. усвоило методы Аристотеля Фиораванте; в 30-х годах XVII в. государевы кирпичные сараи реорганизовались «по немецкому образцу»; дифференциация трудовых процессов шла

[1] Житийные источники дают богатейший материал для характеристики этих крестьянских плотничьих артелей. В житии Паисия Галицкого (спис. XVII в.), трактующем о событиях XIV в., читаем, что для постройки церкви «во время легнее призва древоделей и повеле им уготовати место, на нем же хотящ церковь создати» («Православный собеседник», 1893, № 1, стр. 12). К Кириллу Белозерскому «приидоша древодели никим же званы, и создана бысть церковь нарядна» (Вел. Минеи Четьи Димитр. Рост., 12-е изд., месяцы VI—VIII, стр. 57 об.). В монастырь Александра Ошевенского приходит «древодель» «от северного Лукоморья, по имени Василий», производящий сломку старой церкви и строящий новую (Житие написано в половине XVI в.; Житие пр. Александра Ошевенского, СПб., 1860, стр. 22 (в пересказе). И. Яхонтов, Жития... подвижников Поморского края, стр. 236). Иосиф Волоколамский «повелевает округ сидящими посещися дубравы на месте онем, купно же и хитреца с древодели собрати тамо, и церковь Божии Матери въдрузити, и трапезарию с хлебницею и поварницею, и хизины вкупе възградити» (ЧОИДР, 1903, т. III, стр. 21. См. также житие Зосимы Соловецкого, Вел. Минеи Четьи, изд. Арх. ком., апрель, в. 2, стр. 530). К стройке Глушицкого мон. древоделы были присланы князем Дмитрием (Н. Коноплев, Святые Вологодского края, стр. 47, прим. 21. Жит. Варлаама Важского, Православное Обозрение, 1887, прил. 7, стр. 32).

[2] Новосельский, ук. соч., стр. 138 (1669 г.) Посадские плотники встречаются относительно редко, РИБ, т. XXV, № 98; т. XII, стр. 161.

усиленным темпом. Нужды как строительства, так и производства материалов организованно обслуживались и подготовкой кадров и особым централизованным административным аппаратом. Ничего подобного не было в лесном промысле и деревянном зодчестве, обслуживавшем массовые потребности низов городского населения и деревни; это основное их значение не снимается тем обстоятельством, что деревянная стройка была преобладающей и для обычного строительства феодальных верхов.

Быстро развивающееся военное строительство, вызванное колонизационными предприятиями Московского государства и стремлением проложить кратчайшие пути к европейскому рынку, ставило различные задачи деревянному и каменному строительству; каменная крепостная стройка выдвигалась в сторону запада, здесь же деревянный острог вытеснялся «земляными фортециями» (наиболее ранние примеры «град землян» на Себеже — 1535 г., и «град Стародуб землян» — 1536 г.); деревянный «город» еще продолжает выдвигаться против покоряемого населения Сибири, деревянные острожки еще долгое время составляют основную массу укреплений в Поморье. Г. Штаден, имевший вообще невысокое мнение о крепостной стройке Московского государства, отмечал эту особую заботливость о западной границе и малый интерес к северу, откуда и предлагал своим западным покровителям начать интервенцию; характеризуя состояние крепостного дела, он пишет: «у монастырей большей частью — во всяком случае у богатейших (действительно) имеются каменные стены. Но города и остроги выстроены из бревен, закиданных затем землей. В центре государства все они (т. е. остроги) упали и запустели. Великий князь приказывает охранять города и остроги лишь по границе — с Польшей, Лифляндией и Швецией, равно как с Казанью и Астраханью. О местах вышеописанных (Поморье. *Н. В.)* великий князь совершенно не помышляет».[1]

Деревянная стройка, хотя и занимает основное место в сети укреплений,[2] все же постепенно начинает сдвигаться с передовых, ведущих участков, оставаясь на долгое время в старой своей сфере жилого и отчасти культового здания наиболее консервативной и отсталой.

Аргументируя прогрессивность капиталистического земледелия в России XIX в., Ленин неоднократно характеризовал состояние деревни до этого периода термином «средневековый», «отработочная система хозяйства, — пишет он, — безраздельно господствовала в нашем земледелии со времени Русской Правды и вплоть до современной обработки частновладельческих полей крестьянским инвентарем».[3] Конечно, деревня не только в XIX в. вступила на путь экономического расслоения; в XVII и XVIII вв. уже начи-

---

[1] Ук. соч., стр. 73—74. Для постройки земляных укреплений не было и мастеров на окраинах, АИ, V, № 294.

[2] Олеарий, стр. 105.

[3] Сочинения, т. III, стр. 242.

нается выделение буржуазных элементов и, с другой стороны, пролетаризация крестьянства; но все же эти процессы были крайне заторможены крепостными отношениями. Эта вековая застойность крестьянского хозяйства определяла неподвижность быта и, в частности, крестьянского жилья, лишь в XIX в., по сломке крепостнической системы, поднимаемого на каменный подклет интенсивно растущим кулаком.[1]

Забелин отмечал «другие потребности общества», которые определили проникновение камня и в деревню — эту исконную сферу деревянной стройки. Застойность и медленность развития жилого деревянного строительства историками отмечалась неоднократно.[2]

Если жилье городской бедноты представляло собой такую же курную избу, в какой жил крестьянин, то и деревянное жилище верхов общества, особенно в деревенском «дворе», вносило незначительную разницу, не давая импульса для крупных сдвигов в строительном производстве и выработке лесных материалов. Городское жилье отличалось лишь большей высотой и некоторым наличием декоративной обработки. Помещичий же дом в деревне иногда совершенно не разнился от крестьянского жилья; Олеарий очень тонко подметил это явление. «наш переводчик, справляясь об одном князе, живущем в этом селе (Будове), обратился с вопросом об этом именно к самому тому князю, который выглядывал в это время из одной курной избы через оконное отверстие, никак не полагая, чтобы князь и крестьянин *одинаково* могли глядеть через такое отверстие».[3] В деревенском поместье жилье помещика или феодального чиновника строилось с давних времен исключительно в порядке крестьянской барщины местными примитивными плотницкими силами (документы XIV — XVI вв. постоянно перечисляют в числе барщинных работ постройку княжеского, наместникова, волостелева двора). Отсюда эта близость крестьянского и «княжеского» жилья, особенного, принадлежащего, в случае с Олеарием, какому-то захудалому «князю». Использование деревянного зодчества в крупных сооружениях дает качественно-отличное здание путем увеличения количества однообразных простейших элементов. «Клеть», лишь много раз повторенная, по прекрасному наблюдению Забелина, лежит в основе Коломенского дворца. Отодвинутое на обслуживание жилой постройки плотничное дело, а с ним и производство строительных материалов в XVII в., сохраняет почти неизменной свою организацию и технику, идущую из древнейшей поры.

То обстоятельство, что деревообделочное мастерство, вообще, и

[1] Ленин приводит характерный отзыв г. «Старого Маслодела». «В старых деревнях дома всех хозяев были однообразны и по наружному виду и по внутренней отделке; теперь же рядом с лачугами стоят расписные хоромы, рядом с нищим живут богачи, рядом с униженными и оскорбленными — пирующие и ликующие». Сочинения, т. III, стр. 213, пр. I.

[2] См., напр., Красовский, ук. соч., стр. 41, 50. Также у Павлова-Сильванского. Феодализм, стр. 7—8.

[3] Олеарий, стр. 257, также у Павлова-Сильванского, ук. соч., стр. 179.

деревянное строительное дело, в частности, появляется уже на ранней стадии, освещаемой наличными источниками, с тем набором инструментов, какой имеет хождение почти до сегодняшнего дня, позволяет подойти еще с другой стороны к вопросу о «застойности» и «консерватизме» плотничного дела. Приемы заготовки дерева и постройки из него, как они сложились в дофеодальный период, переходят и в эту формацию со своим весьма почтенной давности инвентарем.[1] Выделка последнего была вполне доступна средствам домашнего металлического производства; топоры, ножи, долота и в XVII в. делает кузнец-ремесленник посредством весьма примитивных приемов. Феодальное развитие принесло в строительство древней Руси каменную технику, ей учились у иностранных мастеров будущие местные «каменные здатели», здесь шло движение вперед в узкой сфере строительства феодальной верхушки. Деревянная же стройка оставалась на старых позициях, но ее техническая вооруженность, будучи неизменной, могла все же покрывать новые архитектурные запросы. Мы крайне редко находим, например, пилу, распространенную почти у всех зарубежных соседей, в инвентаре русского деревянного зодчества; импорт, обслуживая господствующий класс, состоял в основном из предметов роскоши и вооружения и, естественно, не мог включать в себе орудия производства, тем более для туземного, в основном низового, деревянного зодчества; сложная же техника производства самой пилы, надо думать, была недоступна для местной металлобрабатывающей промышленности при данном развитии производительных сил.

Это положение сохраняется по существу без изменений и для XVI — XVII вв.[2] К концу этого периода втягивание лесоматериалов во внутренний и особенно международный товарооборот создает предпосылки для частичного и мало решающего поворота в технике; пильные мельницы, при непременном участии иностранных предпринимателей — показатель этого сдвига. Но они не могли, при данных условиях, сыграть той роли, какая выпадала на долю западных новшеств в производстве каменных строительных материалов — производство лесоматериалов осталось в основной подавляющей массе на старом техническом уровне. Связанное всеми своими корнями с деревней, вербующее там свои основные кадры, деревянное строительное производство от крестьянской же домашней промышленности получает и свой примитивный инвентарь, закрепляясь и воспроизводясь постоянно в старой форме.[3] Расшире-

---

[1] К. Бюхер не без основания, учитывая почти предельное развитие «разносторонности и искусности» обработки дерева в дофеодальную пору, называл ее «деревянным веком», ук. соч., стр. 18.

[2] Г. В. Плеханов, отмечая слабую концентрацию промышленности в городе и распространение ее в деревне, замечает: «Ближайшим следствием этого было замедление технического прогресса. Известно, что наши кустари трудились с помощью самых элементарных орудий». Соч., т. XX, стр. 93.

[3] «Законом докапиталистических способов производства является повторение процесса производства в прежних размерах, на прежнем [в I-м изд. техническом] основании: таково барщинное хозяйство помещиков, натуральное

ние же и большая емкость рынка еще покрывалась производством на старой технической основе.

Лесной торг теперь выглядел по-новому. Если раньше крестьянство выступало одновременно производителем и продавцом леса, то позднее картина сильно меняется. На пороге XVIII в. в 1701 г., в московском Лесном ряду встречаем лишь одного оброчного крестьянина и то в доле небольшого лесного «места». Основным ядром лесоторговцев являются стрелецкие пятидесятники, посадские люди разных слобод и сотен — кадашевцы, хамовники, ордынцы и т. п.; среди них уже образуются крупные лесоторговцы. Таково, например, семейство Полуниных, имеющее целый ряд лесных «станов» около Алексеевской башни, стрелецкие пятидесятники Блохин и Борин и др.[1] Напомним крупного лесоторговца Фильку Онофриева, который, повидимому, производил и крупные соляные операции, так как получал за свои поставки, кроме денег, тысячи пудов соли по таможенным ценам, с нижегородских складов. На основе лесных промыслов намечалась концентрация капиталов.

Из семьи названных лесоторговцев Полуниных один был кирпичным обжигальщиком и крупным подрядчиком по кирпичному делу;[2] не лишено вероятия, что накопления, выросшие на быстро развивавшемся кирпичном производстве, были здесь пущены в лесной торг; в каменном деле в это время уже складывались условия для системы «промежуточного подряда». Тот же Полунин не выполнял сам свои подряды. а сдавал подчиненному подрядчику. Крестьянин, производитель лесных товаров, вытесняется с рынка купцом, который перекупает лес у крестьян и в дальнейшем организует лесопромышленность, оставляя для крестьянина долю наемного рабочего. Мы уже видели «промышленных людей», снявших на откуп заповедник Солотчинского монастыря. Лесопромышленник производил ронку леса, его обработку и сплав «своими людьми» и, несомненно, должен был прибегать к найму рабочей силы, вербовалась ли она из владельческих крестьян или из «вольницы» — «гулящих людей».

Городской рынок имел обратной стороной активное воздействие на производство. В Нижнем в 1692 г., как мы видели, уже собирались строить лесопилку. Развитие лесного рынка являлось сильным импульсом, толкавшим старое производство к количественному и качественному совершенствованию своей техники. Но это движение

хозяйство крестьян, ремесленное производство промышленников». Ленин. Соч. т. III, стр. 39. Недоразвитость лесопильного дела и его ничтожность в XVII в. объясняется именно тем, что не внутренние потребности развития производительных сил, а возможность лесного экспорта и торговли вызвали к жизни первые русские «пильные мельницы». «Лесопильное производство, — замечает Ленин, — составляет лишь одну из операций лесопромышленности, которая является необходимым спутником первых шагов крупной машинной индустрии». Там же, стр. 369.

[1] Материалы для истории московского купечества, т. I, 1886 г., стр. 1234—1240.

[2] Сперанский, ук. соч., стр. 150.

было крайне ничтожно и слабо. Даже в пореформенной России, с развитием капиталистической машинной индустрии, предъявившей несравненно больший спрос на строительные материалы, и лесные в том числе, лесная промышленность оставалась одной из наиболее отсталых и неподвижных отраслей. Сопоставляя последнюю с каменноугольной промышленностью, В. И. Ленин писал: «Лесопромышленность означает примитивное состояние техники, эксплуатирующей первобытными способами природные богатства... лесопромышленность оставляет производителя крестьянином... оставляет почти в полной неприкосновенности весь старый, патриархальный строй жизни, опутывая заброшенных в лесной глуши рабочих худшими видами кабалы, пользуясь их темнотой, беззащитностью и раздробленностью».[1]

ПРИЛОЖЕНИЕ

Материалы к словарю мастеров-строителей XVI — XVII вв.[2]

XVI век

1. *Барма* — строитель Покровского собора на Рву в Москве (Василий Блаженный) 1555 — 1560 гг. На этой постройке с ним работает Постник Яковлев (см.). Последняя проработка вопроса об этих двух мастерах см. М. К. Каргер, Успенский Собор Свияж. мон., Казань, 1928; там же источники и литература.

2. *Борисов, Григорий* — «ростовец, мастер, церковный каменный здатель». С 18 VI 1522 г. по 22 IX 1524 г. строит собор Борисоглебского мон. под Ростовом; с 30 VI 1524 г. по 7 X 1526 г. — трапезу там же и, может быть, некоторые хозяйственные постройки. 1525 — 30 гг. — трапеза Троицкого Калязина мон.. 1530 — 32 гг. — Троицкий собор Данилова мон. в Переяславле-Залесском; далее перерыв до 1543 г., когда Г. Б. достраивает трапезную Спасо-Каменного монастыря на Кубенском озере, начатую Пахомием Горяиновым. Возможно, о смерти Г. Б. запись во II Новгор. лет. под 1545 г., где он назван «трапезным мастером» (подробно и ссылки см. гл. II этой работы.).

— ***Борисов, Третьяк*** — **См. Ростовка.**

3. *Варфоломей* — во II Новг. лет. под 1545 г. упоминание о смерти «трапезного мастера... Олфромея» (ПСРЛ, т. III, стр. 151).

4. *Горяинов, Пахомий* — ростовский мастер; начал постройку трапезной в Спасо-Каменном монастыре на Кубенском озере, которую заканчивает в 1543 г., Гр. Борисов (Никольский, Кирилло-Белозерский мон., т. I. стр. 88, пр. 2).

— *Давыд* — см. № 19.

---

[1] Соч., т. III, стр. 414.

[2] Мы включаем сюда также строителей, не носящих определенного звания «мастера» или «подмастерья», но занимающих явно руководящее положение в строительном производстве. Из публикуемых материалов исключены сведения, дублирующие изданные в «списке» А. Н. Сперанского; в ряде случаев приходится пополнять эти последние или же указывать новые ссылки на приводимые там данные. В список включаем также «каменных резцов», перечисленных И. Е. Забелиным в «Мат. для арх. словаря», плотничьих старост, наиболее известных подвязчиков, мастеров водовозного и плотинного дела. Поскольку собирание этих материалов не являлось основной задачей нашей работы, а имело лишь вспомогательное значение, неизбежна их неполнота, особенно в части иноземных мастеров XVII в.

5. *Ермола* — «больший» мастер в строительной артели тверичей; строит в 1535 г. ц. Григория в Хутынском мон. в Новгороде (ПСРЛ, т. VI, стр. 296.)

6. *Захар* — «мастер церковный»; прислан по гос. указу в Антониев-Сийский мон., где в 1592 г. «завел подошву» для Троицкой ц., «а церковь де мерою заведена в Вознесенскую меру, что в Девиче монастыре у нас на Москве» (Макарий. — Ист. опис. Ант. Сийского мон., ЧОИДР, 1878 г., т. III).

7. *Захарий* — «мастер домашний» Саввиной пустыни; плотник; в 1558 г. делает новую кровлю на Воскресенской ц. (ПСРЛ, т. III, стр. 158).

8. *Конь, Федор Савельев (Федоров Конон)* — «Царский мастер»; строитель Белого города в Москве (1586 — 90 гг.) и Смоленского Кремля; возможно, начал строительное поприще в Болдином Дорогобужском мон. (Подробности и ссылки см. в тексте, гл. I).

9. *Маков, Гавриил Дмитриевич* — тверич; построил (?) в 1567 г. каменную ц. в Свенском Успен. мон. около Брянска («Мат. для стат.», стр. 180). В «Памятной книжке Тверск. губ.» за 1862 г. (стр. 110) предполагается, что тот же Маков выстроил ц. Белой Троицы в Твери. 1564 г. («Древн.», изд. МАО, т. III, в. 3; Мат. арх. слов., стр. 28).

10. *Малой, Андрей* — ростовец (?); резная на камне запись Вознесенской ц. в Ростове, «а делал церковь великого князя мастер Андрей Малой» (1566 г.), издана у Эдинга (Ростов Великий, Углич, стр. 68); там же (стр. 65) указывается предание, что он же строил собор Авраамьевского мон. в Ростове (1554 г.).

11. *Постник, Яковлев* — псковичь; «городовой и церковный мастер»; (подробно и ссылки см. в тексте, гл. I).

12. *Прохор* — «ростовец»; строит с товарищи Успенский собор (освящ. 1497 г.) в Кирилло-Белозерском мон. (Никольский, Кирилло-Белозерский монастырь, т. I, стр. 24).

13. *Ростовец, Третьяк Борисов* — подряжается на постройку каменной ц. в Белоозере (Успенской). (АЮБ, т. II, стр. 776 — 777, № 254. Подробности см. в тексте, гл. I).

14. *Семен* — «мастер домашний» Саввиной пустыни; плотник (?); в 1558 г. кроет ц. Воскресения (ПСРЛ, т. III, стр. 158).

15. *Терентий* — «церковный мастер»; упоминание в расходных книгах Болдина мон. (апрель 1591 г.); возможно, монастырский мастер. (РИБ, т. 37, в. I, стр. 117 — 118).

16. *Царев, Горяин Григорьев* — заключает порядную на постройку каменной ц. Успения в Белоозере. 1552 — 53 гг. (АЮБ, т. II, стр. 776 — 7. № 254. Подробности см. в тексте, гл. I.)

17. *Ширяй, Иванка* — псковский каменщик; глава артели псковских каменщиков, вызванный грамотой 1555 г. для работ в Казани (ДАИ, т. I, стр. 167). Ср. Грабарь, т. II, стр. 70.

18. *Ширшов Леонид*, — старец Кирилло-Белозерского монастыря, по предположению Н. Никольского, строитель ряда зданий Кирилло-Белозерского монастыря во второй половине XVI в.; скорее это ответственный организатор работ. См. «Кирилло-Белозерский мон. и его устройство», т. I, стр. 36, 71.

19. *Давыд*. — «Человек некий бе зодчий каменный, именем Давыд. Живущу ему близ обители преп. Димитрия чудотворца *в селе преподобного* и делающу ему каменную гробницу...» Житие Игнатия Прилуцкого (2-я пол. XVI в.) Яросл. еп. вед., 1873, № 28, стр. 225

XVII век

Строители русские.[1]

1. *(1) Абрамов, Сергей* — кам. д. подм.; прислан в 1605 г. для доделки соборной ц. в Переяславле-Рязанском по гос. указу, при нем 18 вологодских и 6 старицких каменщиков (Изв. РАО, т. III, стр. 12).

[1] Курсивная цифра в скобках обозначает номер списка А. Н. Сперанского

2. *Аврамьев, Ждан* — кам. резец; вдовый поп; 24 I 133 г. резал и окрашивал надпись на гробнице царицы Марьи Владимировны («Древн.», изд. МАО, т. I, в. 2, стр. 64—65).

3. *Алексеев, Ермолка (Олексеев)* — плотничный мастер, 7 XI 1621 г. пожалован сукном; «делал во Брянску плотинное дело» «для городовые крепости»; 15 IV 1626 г. назван «кам. дел подвязчиком» — ставит крест на Успенском соборе; пожалован сукном (Доп. дворц. разр., стр. 275, 451).

4. *Алексеев, Мирошка* — подм., кам., новг. стрелец; в 1676 г. вывезен из Новгорода с женами и детьми» к строению палаты в Олонце (РИБ, т. VIII, стр. 944).

5. *Андросов, Савка* — подмастерье; 1683 г. — упоминается на работе по разборке старого собора в Переяславле Рязанском, под постройку нового по подряду Ф. Я. Шарипина, см. Шарутин (Изв. РАО, т. III, стр. 214).

6. *Антонов, Андрей* — кам. дел мастер; приезжал от преосвящ. с Москвы смотреть порухи от течи на сводах соб. ц. в Переяславле Рязанском (Изв. РАО, т. III, стр. 215).

7. *(2) Апсин, Иван* — кам. д. подм.; 1661 г. — строит ц. Федора Стратилата на Троицком подворье в Москве вместе с каменщиками Емелькой Семеновым «с товарищи» (Забелин, История гор. Москвы, стр. 429).

8. *Афанасьев, Потапка* — подм., кам., нов. стрелец; 1676 г. — смета полаты в Олонце (РИБ, т. VIII, стр. 944).

9. *Афанасьев, Степан* — кам. д. подм.; 1637—38 гг. — Суздальский Спасо-Евфимьевский мон. запрашивает Печерский нижегородский о присылке С. А. для осмотра камня и извести; повидимому, монастырский кам. д. подмастерье (Акты Печ. мон., стр. 208).

10. *Борисов, Иван* — кам. дел подм.; 1705 г. — «по реклу сорока, — опытный в каменном деле Тюменец», строит ц. Успения в Далматовском мон. в Пермском крае (Перм. лет., т. III, стр. 1135, пр. 5; там же в прим. 4 назван каменщиком).

11. *Бухвостов (Бухвостков), Яков Григорьевич (Никита?)* — строитель-подрячик; «Дмитровского, у., Берендеевского стану, вотчины окольничего Мих. Юрьевича Татищева, с. Никольского крестьянин»; 1690 г. — подряд на кельи у ц. Моисея боговидца на Тверской ул. в Москве «За Неглинными вороты» (Забелин, Материалы, т. I, стр. 561); 1693 г. — подряд на ц. в вотчине боярина Шереметева с. Уборах «с товарищи» — М. Тимофеевым и М. Семеновым (Грабарь, Ист. р. иск., т. II, стр. 440, пр. 1); не закончив постройки, берет с торгов подряд на постройку Рязанского собора (Изв. РАО, т. III, стр. 215) — 1693 г.; 1697—99 гг. — ряд построек архиерейского хозяйства в Рязани и несколько церквей там же (Иероним, Ряз. дост., § 314). См. Григорьев Якушка, № 22.

12. *Бык, Петр* — «каменный подрядчик»; 1693 г. — приезжал «с товарищи» для подряда на постройку собора в Рязани (Известия РАО, т. III, стр. 215).

13. *Васильев, Михаил* — «каменных дел резец»; 177 г. — был «с товарищи» у строения ц. Григория Неокес. в Москве («Древности», изд. МАО, т. I, в. 2, стр. 64—65).

14. *Варфоломеев, Гурий* — дворцового кам. д. подм. сын; 1674 г. — строит с большой артелью погреба и другие хозяйственные здания Аптекарского двора (РИБ, т. XXIII, стр. 331), см. № 16.

15 *Варфоломеев, Прокофий* — дворц. кам. д. подм. сын; 1674 г. на работе по постройке на Аптек. дворе совместно с братом Гурием (РИБ, т. XXIII, стр. 331).

16. *(8) Вахрамеев (Варфоломеев), Гурька* — кам. д. подм.; 189 г. «ценовая роспись» работам в ц. Спаса «у государя вверху» (Забелин, Домашний быт, т. I, стр. 410).

— *Веснин, Иов* — см. № 101.

17. *Возоулин, Лаврентий* — кам. дел подм.; 1625 г. — строит вместе с пасынком своим Антипом Михайло-Арханг. ц. в Нижнем-Новгороде (Акты Печ. мон., стр. 164.).

18 *Возоулин, Антип* — царский кам. дел подм.; 1629 г. — власти Печерского в Н. Новгороде мон. просят дать его для постройки ц. Вознесения; уп., что он строил ц. Мих-арх. в Н. Новгороде. (Акты Печ. мон., стр. 163—64).

19. *(10 Возоулин (Вазовулин, Вазовин), Федька* — кам. дел подмастерье; 27 XI 1626 г. — пожалован сукном вместе с Огурцовым за Можайские крепостные работы (Доп. дворц. разр., стр. 459).

20. *Вязьма, Иван* — «плотинных дел подмастерье»; стрелец; 1667 г. — на плотничных работах в Измайлове (РИБ, т. XXIII, стр. 784 и др.).

21. *Гаврилов, Добрыня* — плотничий староста; 17 XI 141 г. — у постройки хором боярынь в Кремле (Забелин, Домашний быт, т. I, стр. 447).

22. *Григорьев, Якушка (Бухвостов?)* — 27 IV 189 г. участвует в торгах на постройку кам. ц. Воскресения на Пресне в Москве, запросил 1500 р.; подряд передан подмастерью Оске Старцеву (см.) за 787 р. (Забелин, Домашний быт, т. I, стр. 405 — 406).

23. *Губа, Карпушка* — костромской каменщик; крестьянин с. Исаковского, Ипатьевск. мон.; 1668 г. — работает «с товарищи» по постройке ц. Григория Неокес. в Москве (РИБ, т. XXIII, стр. 831).

24. *Данилов, Артюшка* — каменщик; взялся в 193 г. «с товарищи» за постройку каменных подклетов под хоромы в с. Воробьеве — «в длину на 80 саженях без аршина, поперег на 6 сажен с полусаженью пятьдесят семь житей; да под те хоромы проезд». (Забелин, Домашний быт, т. I, стр. 425).

25. *(15) Данилов, Первой* — каменного приказа второй резец; 124 г.; («Древн»., изд. МАО, т. I, в. 2, стр. 64 — 65).

26 *(19). Добрынка* — кам. дел подм.; 1630 г. — работает на патриаршем дворе (Забелин, Мат., т. I, стр. 925).

— *Давыд,* — см. Охлебинин.

27. *Долгий, Ивашка* — подвязного дела мастер; 150 г. — у росписи Моск. Успенского собора, получает 10 денег на день (Вестн. арх. и ист., т. XVII, отд. 2, стр. 15 и сл.).

28. *(22) Емельянов, Савва (Тюнин?)* — кам. дел подмастерье; 1677 г. — послан в Переяславль Рязанской для сметы крепостей и рухомых мест от р. Трубежа; о том же — 15 VII 1677 г. — Тюнин (Тютин) Савва — «от г-даря приезжал из Пушкарского приказу кам. д. подм. С. Т. в Переяславль-Рязанской смечать каменную Глебовскую проезжую башню и от Спасские башни до Духовской смечать, что надобно под городом на каменной бык каменных и деревянных припасов» (Известия РАО, т. III, стр. 213).

29. *Ерохов, Иван* — водовзводного д. мастер; 189 г. — опаивает свинцовыми досками госуд. мыленку «своими снастьми и угольем и работными людьми, а по договору дать ему по 10 алтын за доску... и доски лить и оловом спаять в своем государеве свинцу». (Забелин, Домашний быт, т. I, стр. 413).

30. *Жернохов, Микитка* — водовзводных дел мастер; 150 г. — работает при росписи моск. Успенского собора; поденный корм 2 ал. (Вестн. ист. и арх., т. XVII, отд. 2, стр. 13).

31. *Зубов, Василий Харитонов* — мастер; резная запись Духовской ц. в Рязани: «лета 7150 совершена бысть сия церковь при архиепископе Моисее Рязанском, при игумене Севастиане. А мастер был Солигалицкой Василий Харитонов сын Зубов» (Пискарев, Собр. надп. на памятн. Ряз. стар., Зап. РАО, т. VIII, 1856 г., стр. 282).

32. *Иванов, Демка* — каменщик; один из главных строителей кам. церквей на дворе Приклонского на Мясницкой ул. в Москве, 1672 г. (ЧОИДР, 1904 г., т. IV, смесь, стр. 9, и др.).

33. *Иванов, Микитка* — подвязчик; пожалован сукном 27 VIII 1614 г. «за то, что он в Новом-Девичьем мон. в ц. к деисусу и празником и к пророком и к праотцем ставил подвязи»; 20 I 1619 г. — пожалован сукном вместе с кам. д. подм. Оксенкой Михайловым (см.) «за то, что они поделовали у Архангела Михаила». (Доп. дворц. разр., стр. 44, 147.).

34. *(25) Иванов, Евсютка* — кам. дел подмастерье; 189 г.—за его рукоприкладством ценовая роспись по починке Оской Старцевым ц. Спаса у г-даря на верху (Забелин, Домашний быт, т. I, стр. 410); 191 г. — работает по починке Успенского собора (Забелин, Материалы, т. I, стр. 37).

35. *(26) Иванов, Роман* — кам. дел резец; 142 г. («Древн.»; изд. МАО, т. I, в. 2, стр. 64 — 65) см. Наумов В.

36. *(27) Иванов, Смирной (Смиря Иванов)* — подмастерье к. дел; 1615 — 17 гг. — мелкие работы в разрядном приказе. (РИБ, т. XXVIII, стр 254, 548 — 553).

37. *Иванов, Смирной* — Староста дворцовых плотников; 1649 г. — строит ц. в с. Коломенском (Забелин, Домашний быт, т. I, стр. 351; Грабарь, т. II, стр. 254).

38. *Иванов, Федот* — подм., кам.; новг. стрелец; 1676 г. — у сметы полаты в Олонце (РИБ, т. VIII, стр. 944).

39. *Ильин, Осип* — кам. дел подмастерье; 1700 г. — работает по ремонту в дому у патриарха (Забелин, Матер., т. I, стр. 940).

40. *(29) Исаев, Первой*—дворцовый плотничий староста (у Спер. кам. д. подмастерье?); 29 I 1616 г. пожалован сукном, вероятно, за постройку в 1613 — 14 гг. новых хором в Кремле; 1620 г. — новые госуд. хоромы, столовая изба и постельная комната; 22 XII 1623 — пожалован сукном; 1626 г. — отстроил сгоревшие постельные хоромы; 19 X — пожалован сукном; 1627 — 28 г. — строил новую столовую избу, за что пожалован английским сукном и тафтой (Забелин, Домашний быт, т. I, стр. 54, 55, 447; Доп. Дворц. разр., стр. 48 — 49, 358, 456, 547).

41. *(30) Исаков, Фомка* — кам. дел подмастерье; 1629 г.—мостил пол в Крестовой палате на Патр. дворе в Москве (Забелин, Материалы, т. I, стр. 924).

42. *Калачников, Иван* — церковный мастер; 1615 г. — кроет Софийский собор в Вологде (Перм. летоп., т. III, стр. 429).

43. (34) *Константинов, Антип* —кам. дел подмастерье; пожалован сукном за стройку Кормовой поварни; 8 V 151 г. — подал смету на ремонт дома доктора Венделина Сибилиста на Успен. вражке в Москве и проводил его (Доп. дворц. разр., стр. 693; ЧОИДР, 1908, т. III, смесь, стр. 2 — 6).

44. *Копыл, Григорий* — кам. дел подмастерье; 1663 — 5 гг. — у каменного строения на Моск. Рязанском подворьи на Лубянке (Известия РАО, т. III, стр. 213).

45. *Корела, Иван Яковлев* — водосточного д. мастер; 24 IX 1693 — чинит «водяные колеса» в Воскр. Ново-Иер. мон. (Леонид, Ист. оп. мон., стр. 384).

— *Корнильев, Юрий* — кам. дел подмастерье; см. Ярушов.

46. *(38) Королек, Никитка* — кам. дел подм.; 189 г. — «ценовая роспись» за его рукой работам в ц. Спаса у гос. на верху (Забелин, Домашний быт, т. I, стр. 410).

47. *(39) Костоусов, Дмитрий Якимович* — кам. дел подмастерье; 1667 г. — получил жалованье 20 рубл. «в приказ»; в летний сезон строит Виноградную плотину в Измайлове и руководит устройством токов на Виноградном поле (РИБ, т. XXIII, стр. 744, 763 — 66, 780 — 82).

48. *(40) Костоусов, Леонтий Якимович* — кам. дел подмастерье; 1666 г. — чинит погребной выход на Лыковом дворе; 1667 г. — его дети (Савка и Илюшка) работают под руководством Д. Костоусова на постройке плотины в Измайлове; в 1627 г., в числе белозерских государевых кам-ков уп. Якушко, Сенка и Корнилко Костоусовы; Якушко, может быть, отец обоих мастеров (РИБ, т. XXIII, стр. 686, 763; Успенский, Ст. Ор. пал., т. III, № 1479, стр. 706).

49. *(41) Кузнечик (Кузнечонок), Иван Кузьмин* — стрелец; IV 1655 г. — подряд на поставку извести (600 бочек) для стройки в Екатерининской роще; 24 VI назван камен. д. подм.; 1666 г. — на стройке в Екат. роще, получает деньги как за известь, так и за строительные работы; 1667 г. — там же получает поденный корм по 2 алтына; 1668 г. — получил поставку извести к ц. Гр. Неокес. в Москве; поденный корм по 2 алт.; 6 X — упоминается его роспись и смета по ц. Григория Неокес.; 15 XII — упоминается, «что он был у того ж церковного каменного дела и у каменных дел в с. Измайлове», и получил 10 р.; 1669 г. — там же; 1672 г. — сметал постройку трех камен. ц. ц. на дворе Б. Приклонского на Мясницкой ул. в Москве; в 1666 г. параллельно работам в Екатерининской роще работает на Аптекарском дворе. Каменное дело зимой 1668 г. в Измайлове; предположительно руководит стройкой собора (РИБ, т. XXIII, стр. 622, 646, 708, 718, 722, 727 — 9, 744, 869, 885, 834, 972, 1115, 1162; т. XXI, стр. 1233; Сб. Мат. для VIII арх. съезда, в. II, стр. 3, 4; Грабарь, т. II, стр. 148 — 149).

50. *(43) Кузьмин, Цыганок* — кам. дел подмастерье; 1630 г. — мостит пол в средней палате Патр. Двора (Забелин, Мат., т. I, стр. 925).

51. *Кузьмин, Иван* — кам. дел подмастерье; 1672 г. — делал смету на постройку ц. ц. во дворе Б. Приклонского на Мясницкой ул. в Москве (Сборн. материалов для VIII археологического съезда. вып. II, стр. 3).

52. *Левонтей* — церковный мастер; 1615 г. — кровля Софийского собора в Вологде. (Перм. лет., т. III, стр. 429).

53. *Лукьянов, Митрофан* — кам. дел травщик, рисовальщик, чертежник; 177 г. — был у строения ц. Григория Неокессарийского в Москве с резцами Мишкой Васильевым «с товарищи» («Древн.», изд. МАО, т. I, в. 2, стр. 64—65).

54. *(45) Лыка (Лыко), Василий Петрович* — кам. дел подмастерье: 1672 г.— присылался, по указу Алексея Михайловича, в Переяславль Рязанский «для досмотру» порух города «и подкрепки и сметы о потребных к тому материалах» (Известия РАО, т. III, стр. 213), ноябрь 1673 — работал с 9 кам-ми в Саввинском монастыре по церковно-папертному и госуд. хором. каменному делу — починивали (РИБ, т. XXIII, стр. 172).

55. *Мазухин, Григорий Леонтьевич* — подрядчик; кр-н с. Здемирова, Костромского у.; 1693 г. — приезжал для подряда на постройку Рязанского собора (Известия РАО, т. III, стр. 215).

56. *Макаров, Терентий* — кам. дел подмастерье; 1688 г. — получил 400 р. за постройку по подряду ц. цар. Иосафа в Измайлове, строил «с товарищи»; получал дополн. «от дела каменного обходу с своды. . . около алтаря» ц. Иосафа (Сборн. матер. для VIII археол, съезда, в II, стр. 18—19), см. Титов. И.

57. *Малафеев, Данилка* — плотничный мастер; 1674 г. — работает в с. Алексеевском под Москвой (РИБ, т. XXIII. стр. 315. 329).

58. *Марков, Яким* — «каменных дел. . .» (подм.?); 1669 г. — «с товарищи» у постройки ц. Григория Неокессарийского (РИБ, т. XXIII, стр. 970).

59. *Морков (Марков), Борис* — ? ; 8 III 1671 починки укреплений т. Вологды (ДАИ, т. IV, № 26.).

60. *Михайлов, Ивашка* — стрелец, плотник; один из строителей Коломенского дворца (Забелин, Домашний быт, т. I, стр. 351).

61. *(52) Михайлов, Оксенка* — кам. дел подмастерье; 20 I 1619 г. — пожалован сукном за работу в Архангельском соборе (Доп. двор. разр., стр. 147).

62. *Михайлов, Савка* — кам. дел подмастерье; 1700 г. — у городового строения в Тюмени (Перм. летоп., т. V, ч. 2, стр. 525).

63. *Михайлов, Савка* — плотник; 13 XI 1623 г. — пожалован сукном «за Колужское городовое дело, что он Колужскому городу образец делал, и городовым делом промышлял и над плотники смотрел». (Доп. дворц. разр.).

64. *(54) Мымрин, Кондратий Семенович* — кам. дел подмастерье; 1688 г. — был с кам-ками и подвязчиками у левкашенья ц. Иосафа в Измайлове (Сборн. матер. для VIII археол. съезда, в II, стр. 22).

65. *(55) Мымрин (Мимрич), Михаил Семенович* — резного кам. дела мастер; 1688 г. — делал с 4 «товарищами» и кам-ками для ц. Иосафа в Измайлове «в большой семерик восмь каранштыновь да восмь столбов, да восмь же коптелей каменных». (Сборн. матер. для VIII археол. съезда, в. II, стр. 17).

66. *Наумов, Василий* — резец кам. дел; 1641 г. — вместе с резцом Р. Ивановым резали «летопись» и на гробнице патр. Иосифа и около летописи кайму травы, и слова и травы золотили («Древн.», изд. МАО, т. I, в. 2, стр. 64—65).

67. *(56) Неверов. Иван* — кам. дел подмастерье и резец; I 23 1626 г.—пожал. сукном за резьбу гробн. в. к. Марии Владимировны (Доп. двор. разр., стр. 403); 20 XI 1631 г. — пожал. за плотничное дело в с. Воздвиженском (там же, стр. 707); 21 XI 1633 г. — пожал. за резьбу гробн. патр. Филарета Ник. (там же, стр. 846—7); 1644—45 г. — по его указаниям построены совместно с Хр. Галовеем ворота с башней у Моск. печатного двора (Потапов, Очерки гражд. арх., Древн., т. XX, стр. 10).

68. *(57) Неверов, Роман* — кам. дел подмастерье; 1647 г. — прислан в Старую Ладогу для сметы ремонта крепости, составил смету и отвез государю (АМГ, т. II, стр. 474).

69. *Нестер* — церковный мастер; 1615 г. — делает «с товарищи» ц. Якова ап-ла в с. Спасском, Устюжской еп. (РИБ, т. XII, стр. 32 — 33 г).

70. *Никитин, Галактион* — водовзводного дела мастер; водовзводного дела работник; 1685 г. — лил свинцовые доски и опаивал ими верхний каменный сад у государя; 1684 г. — водовзводные работы «на все три дворца и на конюшню и в сад... своими работниками и лошадьми... своими ж кузнецами и плотниками» — по подряду за 200 р. в год (Забелин, Домашний быт т. I, стр. 80, 424).

71. *(60) Огурцов, Бажен* — кам. дел подмастерье; 1635 — 36 г. — Теремной Дворец, ц. Спаса «на верху» Светлица над Куретными воротами — вместе с друг. кам. д. подм. (Забелин, Домашний быт. т. I, стр. 58): 4 IX 1624 пожалован вместе с Дж. Талером за работу по ремонту сводов Успенского собора в Москве и постройку Зелейной палаты (Доп. дворц. разр., стр. 390); 27 IX 1626. — пожалован за работы в Можайске (там же, стр. 459); 1627 г. – в числе кашинских кам-ков, затребованных в Москву, встречаются Павлик да Боглаш Огурцовы (Успенский, Ст. оруж. пал., т. III, стр. 707).

72. *Осиф* — церковный мастер; 1615 г. — кровля Софийского собора в Вологде (Перм. лет., т. III, стр. 429).

73. *Охлебенин, Давыд* — кам. дел подмастерье; 1642 г. — работы на патр. дворе под руководством А. Константинова (Забелин, Ист. г. Москвы, стр. 503); 1661 г. — (подмастерье Давыд?) у постройки Хамовного двора в Кадашах (ЧОИДР, 1895, т. II, отд. I, стр. 11).

74. *Пантелеев, Салман* — плотник; 1616 — I — пожалован сукном вместе с Первовым Исаевым за постройку новых гос. хором (Доп. дворц. разр., стр. 46— 49. Забелин. Домашний быт, т. I, стр. 54).

— *Первой, Исаев* — см. Исаев Первой.

75. *Петров, Сенька* — плотничий староста; 1667 г. — строитель Коломенского дворца (Забелин, Домашний быт, т. I, стр. 351),

76. *Перфильев, Андрей* — кам. дел подмастерье; крестьянин патр. домового с. Вятского, д. Окатовой, Костромск. у.; 1699 г. — ремонт ц. 12 апостолов в патр. дому, ремонт лестницы и ворот (Забелин, Мат., т. I, стр. 248).

77. *Посничек, Михайлов* — кам. дел подмастерье; 1613 г.—ремонт казенной палаты в Москве (РИБ, т. IX, стр. 9 — 11).

78. *Потапов, Петр* — 1696 — 99 гг. — строитель ц. Успения на Покровке в Москве; каменнорезная надпись в ц. «лета 7204 октября 25 дня дело рук человеческих, делом именем Петрушка Потапов» (Грабарь, т. II, стр. 449, пр. I).

79. *Родионов, Божен* — плотник; I — 1616 г. – пожалован за постр. новых хором в Кремле (Забелин, Домашний быт. I, стр. 54).

80. *(63). Савельев, Вавилка*—кам. дел подмастерье; 1660 г.— возобновляет дворцовую палату, где был Аптекарский приказ и Аптека, делал окна и двери, подводил новые своды под старые (Забелин, Домашний быт, т. I, стр. 59).

81. *Святогоров, Василий Наумович* — патриарший кам. дел подмастерье; 151 г. — продал камень на патр. двор (Забелин, Мат., т. I, стр. 928).

82. *(64). Семенов, Бажен (Огурцов?)* — Каменного приказа первый резец. 124 г. («Древн.,» изд. МАО, т. I, в. 2, стр. 64 — 65).

83. *Семенов, Василий* — подмастерье, кам., новг. стрелец; 1676 — вывезен «с женами и детьми» из Новгорода к строению палаты в Олонце (РИБ, т. VIII, стр. 944).

— *Смирной (Смиря).* см. Иванов Смирной.

84. *(67). Старцов, Дмитрий* — кам. дел подмастерье; 9 III 1671 — выслан из Москвы в Архангельск к постр. гостиного двора; 13 XII 1672 отвозил в Москву чертежи; отзыв архангельского воеводы: «и он Митка добр. в каменном деле силу знает и радетелен, и с такое дело его стало»; прислан в Архангельск с семьей для доведения строительства до конца (ДАИ, т. VI, № 21, XVII).

85. *(69).* (?) *Старцев, Осип (Димитриевич?)* — кам. дел подмастерье; 189 г. — получил подряд на постройку каменной ц. Воскресения на Пресне за 787 р. («приказано собрать по нем поручную запись»); взялся делать своды, главы и гзымсы у ц. Спаса «на верху» против образца Ипполита старца (Забелин, Домашний быт. т. I, стр. 406, 410); 1692 г. (Осип Дмитриевич) призв-

жал в Переяславль Рязанский из Москвы «для досмотру новые соборные церкви» (Известия РАО, т. III, стр. 215).

86. *Степанов, Иван* — кам. дел подмастерье; 205 г. — (подмастерье-каменщик) работает в ц. Вознесения в Московском Кремле (Забелин, Мат. т. I, стр. 315).

87. *Тарасов, Федор* — кам. дел резец; 142 г. («Древн.», изд. МАО, т. I, в. 2, стр. 64 — 65); 21 XI 1633 г. — пожалован за резьбу гробницы патр. Филарета Никитича вместе с И. Неверовым и Р. Ивановым (Доп. дворц. разр. стр. 846 — 7.).

88. *Тепловский, Петр* — кам. приказа первый знаменщик и травной писец; 124 г. («Древн.», изд. МАО, т. I, в. 2, стр. 64 — 65).

89. *Титов, Ивашка* — кам. дел. подмастерье; 1688 г. — расписался за кам. д. подм. Т. Макарова (см.) в получении денег за постройку ц. Иосафа-цар. в Измайлове (Сборн. мат. для VIII археол. съезда, в. II, стр. 18).

— *Тюнин (Тютин)* — см. Емельянов, Савка.

90. *(74). Ушаков, Ларион* — кам. дел подмастерье; 1635 — 36 гг. — вместе с другими кам. д. подм. на постройке Теремного дворца, ц. Спаса «на верху» и светлицы на куретных воротах (Забелин, Домашний быт, т. I, стр. 58).

91. *Фефилов, Петр* — плотинного дела мастер; 20 XI 1631 — пожал. вместе с И. Неверовым за плотинное дело в с. Воздвиженском сукном, камкой и куницами; 16 III 1635 — пожалован за Пресненскую плотину — «учинил государю многую прибыль».. (Доп. дворц. разр., стр. 707, 798).

92. *Фомин, Андрей* — плотинных дел подмастерье; 1666 г.—в штате Оруж. приказа, оклад 5 р. в месяц, работает в Измайлове по постр. мельничного амбара на Виногр. плотине; 1667 — 68 — 69 г. — тот же оклад, работает в Измайлове; 1670 г. — годовой оклад 20 р. (Забелин. Домашний быт, т. I, стр. 404; РИБ, т. XXI, стр. 1410; т. XXIII, стр. 22, 75, 721, 747, 793 и мн. др., 1331).

93. *Фомин, Яков* — плотинчий староста; 138 г. — дворцовые текущие работы в Москве; 143 г. — работы в гос. хоромах в с. с. Тайнинском и Братошине (Забелин, Домашний быт, т. I, стр. 447).

94. *Черкашенин, Тимошка* — мельничных и плотинных дел подмастерье; 1665 г. — в с. Никольском под Москвой; 1666 г. — получает год. жалованье 10 р.; 11 XII 1667 г.—убит; служил на Пехорской мельнице. (РИБ, т. XXIII, стр. 619, 582, 727, 728, 860).

95. *(80). Шарутин, Марк Иванович* — кам. дел подмастерье; 7156 г. совместно с сыном строит стены Троицкого Калязина мон. Резная надпись на воротах: «строил град сей келарь Аврамий Семенов, сын Бедов, при игумене Иоанне, а подмастерья делали по государеву указу Марко Иванов, сын Шарутин, да сын его Иван Марков в лето 7156» (Ист. вестн., 1896 г., т. IV, стр. 210); в списке 1627 г. кашинских каменщиков уп. «Богдашка Савельев сын Шарутин, да пасынок его Богдашка ж, Ондрюшка Марков сын Шарутин», «Пятунка Шарутин» (Успенский Ст. Оруж. пал., т. III, стр. 707, 709).

96 *(81). Шарутин, Никита* — кам. дел подмастерье; 1663 г. — чинил ц. Спаса «на верху» в Моск Кремле (Забелин. Домашний быт, т. I, стр. 60).

97. *(82). Шарутин, Трофил* — кам. дел подмастерье; — 23 VIII 1631 пожалован вместе с А. Константиновым за стройку кормовой поварни (Доп. дворц. разр., стр. 693); 1642 — 43 гг. — прислан из Кам. прик. к постройке кам. зданий Печатного двора в Москве, получил поденный корм 8 денег, был «у полатного размеру и у свай» («Древн.», изд. МАО, т. III, в. I, стр. 7, пр. 42; т. XX, стр. 10).

98. *Шарыгин (Шарутин), Федор Яковлев* — кам. дел подмастерье; 191 г. III — 27 — рядился делать собор в Переяславле Рязанском «и поехали к Москве»; 29 III 192 — подряжает крестьян и каменщиков на рытье рвов и кладку фундаментов собора, назван здесь «записным приказа каменных дел каменщиком». (Известия РАО, т. III, стр. 213 — 214).

99. *Юрьев, Антип.* — плотинный мастер; 1674 г. — работает в с. Алексеевском под Москвой (РИБ, т. XXIII, стр. 315, 329).

100. *Ярышов (Ершов), Юрий Корнилович* — кам. дел подмастерье; 27 IV 7158 — разбирал в Переяславле Рязанском каменную ветхую ц. и полат-

Предтечи Иоанна и делана до ноября 159 года возле соборной ц. Архангела Михаила каменная колокольница и под нею новая чуд. Николы ц.»; 7161, 7162, 7163 г. каменные палаты на архиер. дворе в Рязани «в длину 32 саж. поперег 7 сажен с половиной трехаршинных; на верху тех палат ц. Усекновения главы Иоанна Предтечи с трапезой. Подрядчиком был с Москвы к. д. подмастерье Юрья Корнильев сын Ярушов, Заягужской слободы тяглец». (Известия РАО, т. III, стр. 212 — 213; Иероним, Ряз. достоп. стр. 60, 71; Потапов. Оч. гражд. арх., стр. 21; «Древн»., изд. МАО, т. XIX, в. 2 — . . . «сын Яршов»).

101. *Веснин, Иов* — видимо, монастырский старец; «мастер Иов Веснин от Троицы с Усть Шексны» в Кирилло-Белозерском мон. 1612 — 13 г. делает «плотничное и каменное дело» (Никольский, Кир.-Бел. мон., т. I, стр. 72).

Иноземные строители

1. *Анцыс (Анцын), Матис* — кам. дел иноземец (капитан); 1671 г. — у строения гостиного двора в Архангельске; 1672 г. умер (ДАИ, VI, № 5 — VIII, № 21 — XVII.).

2. *Баргендорф* — инженер, барон; 1696 — 98 г. — выслан из Севска в Разряд; был в Киеве (Оп. МАМЮ, в. 19, стр. 199— 200).

3. *Бауман* — в списке инженеров у Ласковского. («Мат. ист. инж. иск., т. I, стр. 261), 1656 — 60 гг.

4. *Бейли, Томас* — шотландский инженер; построил земляную бастионную ограду г. Камышина на Волге (Ласковский, т. I, стр. 260).

5. *Галовей, Христофор* — часового и водовзводного дела мастер; 1624 — 25 гг. — верх Спасской башни Моск. Крмля и часы на ней; 16 VIII 1628 г. — пожалован за часовое дело на Фроловской башне после Моск. пожара (кубок, атлас, камка, сукно, тафта, соболя); 1633 г. — взвел воду на Свиблову башню; 12 VIII 1633 г. — пожал. за водовзводное дело на Свиблову башню (кубок, атлас, кармазин, тафта, сукно, соболя и куницы), при нем состоит в приставах кн. Горчаков и толмач Ф. Пантелеев; 1641 г. — годовое жал. по договору 60 р.; 1644 — 45 гг. — (Христофор немчин) участвует вместе с к. д. подм. И. Невировым в постройке ворот Печатного двора; 1645 г. — годовой оклад 75 р., поденный корм 13 ал. 2 д. и воз дров на неделю (Сахаров, — Обзор. русск. археол., стр. 42; Забелин, Домашний быт, т. I, стр. 56; Доп. дворц. разр., стр. 531 — 32, 829 — 30; Грабарь, т. II, стр. 318 — 319; «Древности», изд, МАО, т. XX, стр. 10).

6. *Гольсман, Давыд* — «бранденбургские земли выезжий инженер»; 1696— 98 г. — послан в Севск для описи чертежа и сметы укреплений (Оп. МАМЮ, 19, стр. 199).

7. *Дальгамер, Хриштоп* — царские земли горододелец; 1631 г. (Ласковский, т. I, стр. 260).

8. *Декенпин, Густав* — инженер, полковник; приехал в 1658 г. под именем «вымышленника»; по его проекту украшена золоченьем, резьбой и живописью Столовая изба (1662 г.); 1665 — 69 г. — устроил в Измайлове на льняном дворе «колесную механику», был главным механиком Измайловского хозяйства (Забелин, Домашний быт, т. I, стр. 59, 129, 385).

— *Демушур* — см. Мушерон.

9. *Клаусен (Краузен), Корнилий* — строил земляную ограду с бастионами в Терках (Ласковский, т. I, стр. 260; Др. рос. вивл., т. XX, стр. 217).

10. *Корнилов, Ян* — см. Роденбург.

11. *Кундорат, Христофор* — «немец саксонския земли»; 1701 г. — постр. цейхгауза в Москве, годовое жал. — 150 р., должен был выучить русских каменщиков каменной работе по «немецкому маниру» (Забелин, Ист. г. Москвы, стр. 410 и сл.).

12. *Кушерон* (?) — голландский инженер; 1656 г. (Ласковский, т. I. стр. 261).

13. *Марселис, Петр* — голландец, горододелец (?); владелец тульских и каширских жел. заводов; 1668 г. — начал строить вместе с В. Марфом гост. дворы и каменный город в Архангельске (Ласковский, т. I, стр. 260; Архив истории труда, в. VI — VII, стр. 62).

14. *Марф, Вилим (Вильямс)* — голландец, горододелец; 1668 г. — гостиные дворы и город каменный в Архангельске (Архив ист. тр., в. VI — VII, стр. 62).

15. *Матсон, Юст* — городовой смышленник, «немец»; 1631 XII 3 — пожалован за приезд, жалование 20 р; 1632 г. — исправлял Новгородские укрепления (ААЭ, III, № 201).

16. *Мушерон, Андрей*. см. № 17.

17. *Мушерон, де (Демушур), Кузьма* — городовой мастер, голландец; II — 23 — 1626 г. — пожалован за приезд; (?) послан для работ в Астрахань и на Терки; 1634 — I — 12 — пожалованье Ондрею Кузьмину сыну Демушарону «на приезде и указал ему быть в инженерах» (Доп. дворц. разр., стр. 411, 858—9; Архив ист. труда, в. VI — VII, стр. 62).

18. *Николь* — инженер; 1635 г. — на Засечной черте, оклад 50 р. в месяц (Записки РАО, т. XIII, стр. 45).

19. *Разум* (?), *Иван* — городовой и подкопный мастер, цесарской земли немчин 1626 — I, 1628 — 1, 1629 — 1 — выдача «годового сукна»; IX — 18 — 1628 г. — пожалован — «зделал город Волок» (Доп. дворц. разр., стр. 431, 487, 537, 554.).

20. *Роденбург, Ян Корнилий, фон* — городового земляного дела горододелец, голландец; II 1631 г. — приехал, назначен месячный оклад в 50 р.; 1632 г. — делал «земляного города образец» и по нему строил земляную крепость в Ростове; 1633 г. — по его просьбе повышена ставка до 65 р.; при осаде Смоленска; 1635 г. — на засечной черте в Тульской, Веневской и Каширской засеках (АИ, IV, № 14; Ласковский, т. I, стр. 260 — 61; Записки РАО, т. XIII, стр. 45 и др.; Арх. ист. тр., в. VI — VII, стр. 62).

21. *Роэль, Христиан* — шведский инженер; VI — 10 — 1693 г. — приехал; назначено год. жал. 150 р., за выезд пожал. сукном, соболями и 50 рубл. (ДАИ, XII, № 77).

22. *Талер, Джон* — палатный мастер; 4 IX 1624 — пожал. сукно, атлас, соболя и ковш сер. за починку и укрепление сводов Успенского соб. в Москве и постройку застенной Зелейной палаты; совместно с И. В. Измайловым послан в Можайск «для тово городовова дела своим чертежом»; 1627 г. — возобн. Сретенского собора в Москве и постройка новой ц. Екатерины у царицы на сенях; 1629 г. — продолжал «сретенское церковное каменное дело», за него пожалован (Доп. двор. разр., стр. 390 — 91, 587; Забелин, Домашний быт, т. I, стр. 56; Мож. акты, стр. 123).

23. *Томосов, Вилим* — горододелец; 7 X 1621 — пожал. вместе с подкопным мастером англ. Яном Маном годовыми сукнами; 21 II 1624 — тоже; 4 II 126 — наз. «Иваном», пожал. год. сукна; 1628, 1629, 1630 гг. — тоже (Доп. дворц. разр. стр. 273, 369, 406, 487, 554, 617).

24 — *Фанбатен, Кашпир* — город. мастер, голландские земли немец; 12 I 1634 — пожал. (Доп. двор. разр., стр. 859).

25. *Фланк, Юрий* — инженер-полк., кон. XVII в. «земляной город на Днепре в урочище у Каменного затону» (Оп. МАМЮ, т. 19, стр. 258).

27. *Фонзален, Николай* — инженер-полк.; 1676 — 77 г. — управляет полком в Киеве (Оп. МАМЮ., т. 19 стр. 7).

28. *Фростен, Яков ван* — инженер-полк., горододелец; 1676 г. — починка укреп. Киева в связи с Турецкой войной; 1677 г. — в Чигиринской осаде; 1679 г. — послан с Крапивны, где строил город, в Орел для осмотра, чертежа, сметы постр. нового города (Ласковский, т. I, стр. 216; АИ, т. V, № 52).

29. *Янов, Якуб* — плотинных и мельничных дел подмастерье; 1668 г. — повид. в Измайлове; уп. дети его мельники Янка и Сенька, оклад его, кроме запаса, 15 р. Янка — 10 р. Сенька — 8; 1670 — 1673 гг. — там же, получил сукно в «государево жалованье» (РИБ, т. XXIII, стр. 181, 1107, 1261).

ОГЛАВЛЕНИЕ